

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 8 • №1 • 2022 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 8 • № 1 • 2022 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-680026 от 13 декабря 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). **ISSN 2410-8707**

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 27.04.2022. Выход в свет 01.06.2022

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 16,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Момяна Гунева, д-р права, проф. (Бургасский свободный университет, Бургас, Болгария)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Р. Л. Хачатуров, д-р юрид. наук, проф. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф. (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, РФ)

Т. Ф. Яшук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2022

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY**

Vol. 8 • № 1 • 2022

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from c 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literary editing, proofreading *T. A. Murzinova*

Computer makeup, dummy *T. A. Murzinova*

Information in English *M. S. Strelnikov*

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС

77-680026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-62511

dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 27.04.2022.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 16,5.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

Momyana Guneva, Dr. of Law, professor (Burgas Free University, Burgas, Bulgaria)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (RF, Moscow, Kutafin Moscow State Law University)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

O. Yu. Rybakov, Dr. of Law, Dr. of Philosophical Sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

R. L. Khachaturov, Dr. of Law, professor (Togliatti State University, Togliatti, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

B. V. Yatselenko, Dr. of Law, professor (All-Russian State University of Justice, Moscow, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	
Оносов Ю. В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения	7
ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	
Артамонова М. А., Безверхов А. Г., Юдина Т. Ф. Генезис охранительного законодательства дореволюционной России в сфере экологии: историко-правовой анализ	14
УГОЛОВНОЕ ПРАВО	
Хилюта В. В. Административная преюдиция в контексте разноотраслевого понимания ее признаков в уголовном праве России и Беларуси	21
КРИМИНОЛОГИЯ	
Егорова Т. И. Особенности насильственной преступности в местах лишения свободы	29
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Лазарева В. А. Значение акта возбуждения уголовного дела: что изменилось?	34
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	
Полянская Е. М. Оптимизация противодействия преступлениям против свободы человека на уровне ключевых международных организаций на постсоветском пространстве (Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз)	40
Кривокапич Б. Д. Наука международного права – с древних времен!	49
КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА	
Грошечая В. К. Правовая регламентация использования научно-технических средств при раскрытии преступлений сотрудниками уголовного розыска на Донбассе в 1918–1953 гг.	65
Кубанов В. В. Генетическая регистрация в России при расследовании преступлений: современное состояние и перспективы	76
Панькина И. Ю., Славгородская О. А. К вопросу о содержании понятия «свидетель»	81
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Гунзынов Ж. П., Дондокова М. Ю., Коновалова З. А., Мяханова А. Н., Синьков Д. В. Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции	88
Зайкова С. Н. Комплексность и системность обеспечения транспортной безопасности: административно-правовой аспект	97
Трибуна молодого ученого	
Ларин И. Г. Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования	104
Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе	110
Свидерская А. Ю. Анализ Стамбульской конвенции в аспекте предупреждения сексуального насилия	116
Талалаев К. А. Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде	125
<i>Требования к оформлению статей</i>	130

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Onosov Yu. V.** On the theoretical model of the limits of law-enforcement discretion 7

HISTORY OF LAW AND STATE

- Artamonova M. A., Bezverkhov A. G., Yudina T. F.** Genesis of protective legislation in pre-revolutionary Russia in the field of ecology: historical and legal analysis 14

CRIMINAL LAW

- Khilyuta V. V.** Administrative precedence in the context of a multisectoral understanding of its features in the criminal law of Russia and Belarus 21

CRIMINOLOGY

- Egorova T. I.** Features of violent crimes in places of deprivation of liberty 29

CRIMINAL PROCESS

- Lazareva V. A.** Significance of the act of initiation of criminal proceedings: what has changed? 34

INTERNATIONAL LAW

- Polyanskaya E. M.** Optimization of combating crimes against human freedom at the level of key international organizations in the post-Soviet space (Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union) 40

- Krivokapich B. D.** Science of international law – since ancient times! 49

CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

- Groshevaya V. K.** Legal regulation of the use of scientific and technical means when solving crimes by employees of the criminal investigation department in Donbass in 1918–1953 65

- Kubanov V. V.** Genomic registration in Russia in crime investigation: current state and prospects 76

- Pankina I. Yu., Slavgorodskaya O. A.** To the question of the content of the concept of «witness» 81

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

- Gunzynov Zh. P., Dondokova M. Yu., Konovalova Z. A., Myakhanova A. N., Sinkov D. V.** Legal regulation of procurement activities in Russia, China and Mongolia: some aspects of financial control and anti-corruption 88

- Zaikova S. N.** Complexity and consistency of ensuring transport security: administrative-legal aspect 97

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Larin I. G.** Problem of election validity in remote electronic voting 104

- Lebedev Z. S.** Electronic documents in criminal proceedings 110

- Sviderskaya A. Yu.** Analysis of the Istanbul Convention on the prevention of sexual violence 116

- Talalaev K. A.** Dismissal of prosecution and termination of the criminal case in court 125

- Requirements to the design of articles* 130

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.11

Дата поступления: 20.09.2021
рецензирования: 22.10.2021
принятия: 21.03.2022

О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения

Ю. В. Оносов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: onosov_nn@mail.ru

Аннотация: В статье проводится теоретическое исследование понятий «пределы правоприменительного усмотрения», «границы правоприменительного усмотрения», «ограничения правоприменительного усмотрения». Предметом рассмотрения также является значительное количество классификаций пределов правоприменительного усмотрения. Ввиду отсутствия единства мнений ученых-правоведов анализируются различные подходы, обращается внимание на теоретическую и практическую значимость исследования указанных вопросов. Обращено внимание на важность построения теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения на основе понятия, признаков и классификации пределов. Результатом проведенного исследования стала категория «пределы правоприменительного усмотрения», которая является сложной в современной общей теории права. Высказывается предположение о том, что использование категории «правоприменительное усмотрение» позволит более полно и точно описать современную процедуру правового регулирования. Автор представляет на обсуждение вопросы, решение которых будет способствовать созданию теоретической основы проблемы пределов усмотрения в правоприменительной практике.

Ключевые слова: усмотрение в праве; пределы правоприменительного усмотрения; границы правоприменительного усмотрения; ограничения правоприменительного усмотрения; классификация пределов правоприменительного усмотрения; юридическая практика; правоприменительная практика.

Цитирование. Оносов Ю. В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Оносов Ю. В., 2022

Юрий Викторович Оносов – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 620137, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.09.2021
Revised: 22.10.2021
Accepted: 21.03.2022

On the theoretical model of the limits of law-enforcement discretion

Yu. V. Onosov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: onosov_nn@mail.ru

Abstract: The article provides a theoretical study of the concepts «limits of law-enforcement discretion», «limits of law-enforcement discretion», «restrictions on law-enforcement discretion». The subject of consideration is also a significant number of classifications of the limits of law-enforcement discretion. Due to the lack of unity of opinion among legal scholars, various approaches are analyzed, attention is drawn to the theoretical and practical significance of the study of these issues. Attention is drawn to the importance of constructing a theoretical model of the limits of law-enforcement discretion based on the concept, features and classification of limits. The result of the study was the category «limits of law-enforcement discretion», which is complex in the modern general theory of law. It is suggested that the use of the

category «enforcement discretion» will allow a more complete and accurate description of the modern procedure of legal regulation. The author presents for discussion the issues, the solution of which will contribute to the creation of a theoretical basis for the problem of the margin of appreciation in law-enforcement practice.

Key words: discretion in law; limits of law-enforcement discretion; limitations of law-enforcement discretion; classification of limits of law-enforcement discretion; legal practice; law-enforcement practice.

Citation. Onosov Yu. V. *O teoreticheskoi modeli predelov pravoprimeritel'nogo usmotreniya* [On the theoretical model of the limits of law-enforcement discretion]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 7–13. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-7-13> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Onosov Yu. V., 2022

Yuri V. Onosov – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, 21, Komsomolskaya Street, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Пределы в юридической практике представляют собой достаточно применимое и используемое в тексте нормативных правовых актов понятие. Так, можно выделить пределы осуществления гражданских прав, пределы правосубъектности, пределы рассмотрения кассационной жалобы, пределы необходимой обороны. По справедливому мнению А. А. Березина, основное предназначение пределов выражается в том, что они «выступают легальными рамками, которые определяют границы возможного поведения субъекта правоотношений» [1, с. 11]. Пределы правоприменительного усмотрения выполняют важную роль по ограничению неоправданной свободы лица, ориентации субъектов права на социально полезное поведение. И. Н. Сенякин, А. Б. Степин и В. Д. Подмосковский считают, что «пределы судебного усмотрения, по сути, являются вопросом о пределах самой судебной власти ... Они составляют основу взаимоотношений государства и личности в сфере судопроизводства» [2, с. 183].

По мнению А. А. Березина, пределы правоприменительного усмотрения представляют собой «установленные посредством особого правового инструментария границы, в рамках которых субъект правоприменения на основе комплексного анализа обстоятельств юридического дела уполномочен вынести оптимальное решение с точки зрения принципов законности, справедливости и целесообразности». Л. Н. Берг делает вывод о том, что «пределы судебного усмотрения – это рамки, установленные уполномоченными субъектами, с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающие объем применения права» [3, с. 105]. По мнению других авторов, пределы судебного усмотрения – «это установленный легальными субъектами с помощью специальных правовых средств в нормативных правовых актах, иных формах права вид правовых ограничений, устанавливающий границы, в рамках которых суд имеет возможность волевого выбора для оптимального разрешения юридического вопроса» [4, с. 51]. С точки зрения Ю. Ф. Беспалова, пределы судейского усмотрения – «это требования, которым оно должно соответствовать, и границы, в рамках которых оно возможно» [5, с. 28].

Интересной представляется точка зрения А.А. Березина на соотношение понятий «пределы», «границы» и «ограничения» правоприме-

нительного усмотрения. Так, по справедливому мнению автора, пределы правоприменительного усмотрения являются видом правовых ограничений [1, с. 66]. Границы правоприменительного усмотрения представляют собой допустимую норму поведения правоприменителя, т. е. этот вопрос связан с компетенцией должностных лиц и органов государственной власти, а пределы усмотрения характеризуются качественной и количественной определенностью правоприменительных решений. Следует также обратить внимание на ограничение правомочия правоприменителя на усмотрение и границы деятельности, связанные с выбором правоприменительного решения в конкретной жизненной ситуации.

Применительно к правоприменительному усмотрению возможно выделение ряда составляющих. В рамках каждой из данной составляющих можно выделить критерии. Постоянная (статическая) составляющая является нормативной данностью, неизменной с точки зрения формирования определенного усмотрения избирательной комиссией. Данная составляющая с точки зрения относящихся к одной избирательной кампании ситуаций правоприменения характеризуется единообразием, устойчивостью. Критерии указанной составляющей представлены в виде:

- закрепленных нормативно обязанностей, прав участвующих в избирательном процессе субъектов;

- целей, задач, в силу необходимости достижения, решения которых нормы избирательного законодательства предусматривают право, обязанность, т. е. в виде назначения предусмотренного права, обязанности.

Вариативная (ситуационная) составляющая включает особые критерии, которые содержатся в законе, предполагающие несколько вариантов решения. Видится обоснованным мнение, высказанное С. А. Велиевым. В отношении судебного усмотрения он указывает, что свобода данного усмотрения не является произвольной. Судья, вынося решение, ориентируется не на субъективные оценки, но руководствуется определенными общими началами, принципами, учитывает единые образные условия [6].

Исходя из анализа подходов ученых-правоведов к содержанию понятия пределов правоприме-

менительного усмотрения, можно выделить три источника пределов правоприменительного усмотрения – правосознание правоприменителя, норма права и смешанный подход (источник – норма права и правосознание правоприменителя).

По нашему мнению, источником правоприменительного усмотрения выступает норма права. Границы усмотрения определяются субъективными правами, дозволенным поведением, закрепленным в нормативных предписаниях. Подобные меры могут быть детально регламентированы как порядок и процедуры осуществления полномочий, состав полномочий, конкретная компетенция. В то же время они могут определяться и принципами деятельности, принципами права. Данной точки зрения придерживаются и Л. Н. Берг [3, с. 10], А. А. Березин [1, с. 8].

Ю. В. Грачева применительно к судебному усмотрению отмечает, что источником усмотрения может быть только уголовный закон. Только он наделяет суд некоторыми полномочиями по выбору решения в конкретном случае, устанавливая при этом пределы такого выбора [7]. Этот ученый-юрист признает под пределами правоприменительного усмотрения лишь закон и «... выявление тех приемов, средств и правил законодательной техники, которые наиболее действительно могут влиять на пределы судейского усмотрения» [8, с. 123]. Мы считаем, что данная позиция представляется оправданной, поскольку юридическая техника построения уголовно-правовой нормы оказывает важнейшее воздействие на содержание уголовно-правовых отношений и может выступать средством правового ограничения правоприменительного усмотрения.

Л. А. Шарнина отмечает наличие синтетического и нормативного подходов к трактовке сущности пределов административного усмотрения в научных публикациях. Согласно первому, указанные пределы состоят в ограничениях, которые как предусмотрены нормативно, так и не зафиксированы в правовых актах и состоят в отражающих государственные интересы, интересы граждан, цели нормативной регламентации и правоприменения законов природы, формально-логических и моральных требований. В качестве необходимого условия признания обоснованности связанного с усмотрением решения выступает соответствие подобным требованиям. Второй подход предполагает, что пределы административного усмотрения представлены в виде предусмотренных нормативными источниками (нормативно-правовыми актами, международными договорами, правовыми позициями высших судов, разъяснениями органов, являющихся вышестоящими и др.) ограничений свободы выбора должностных лиц, органов власти [9].

Вместе с тем, на наш взгляд, не совсем оправданным является выделение синтетического подхода, поскольку общность характеристик описываемых явлений, влияющих на пределы правоприменительного усмотрения, является условной.

Детальный анализ структуры, функций, сущности пределов правоприменительного усмотрения в публикациях исследователей фактически отсутствует. Преимущественно в соответствующих публикациях представлена характеристика разновидностей указанных пределов. В отношении возможных классификаций данных пределов предлагается выделение личностного, нормативистского и дуалистического подходов.

Границы усмотрения, как полагают специалисты, придерживающиеся первого подхода, определяются в первую очередь неюридическими нормами, а не нормами права. Подобные пределы определяются правоприменителем на основе представлений в отношении таких критериев вынесения решений, как разумность, целесообразность и добросовестность [10].

При втором подходе пределы усмотрения рассматриваются в виде законодательных нормативных установлений, определяющих меру поведения государственных органов, являющегося дозволенным [3, с. 11].

Третий подход является интегративным. Его сторонники придерживаются следующего мнения – пределы усмотрения основываются на нормах законодательства и нравственности, морали одновременно [11, с. 19].

Отдельно некоторые ученые-правоведы исследуют источники правоприменительного усмотрения. Так, источниками пределов правоприменительного усмотрения выступают правовые нормы и правовоположения судебной практики [12, с. 46]. Вместе с тем указанная классификация представляется неполной. Наиболее удачной представляется классификация источников пределов правоприменительного усмотрения на правовые и неправовые пределы правоприменительного усмотрения.

Л. Н. Берг указывает на существование материально-правовых и процессуально-правовых пределов судебного усмотрения. Первые представлены принципами права, предписаниями, содержащимися в материальных нормах, положениями судебной практики и обстоятельствами дела [3, с. 112], вторые – сроками рассмотрения дела, содержанием требований, которые включает заявление потерпевшего, исковое заявление, обвинительный акт, обвинительное заключение и др., полномочиями суда, предусмотренными законом [3, с. 122–133]. Следует отметить практическую значимость указанной типологии, поскольку она позволяет полнее охарактеризовать сущность пределов правоприменительного усмотрения, их природу. Присущий подобному подходу позитивный аспект состоит в новом раскрытии присущих материально- и процессуально-процессуальным пределам судебного усмотрения особенностей.

По мнению других авторов, целесообразно выделять правовые и социально-юридические ограничения как пределы правоприменительного усмотрения [13, с. 102]. О. В. Кораблина определяет пределы усмотрения как «социально- юриди-

ческие ограничения свободных действий правоприменителя, в рамках которых он обязан вынести оптимальное решение по конкретному делу». При анализе пределов судебного усмотрения автор выделяет их связь с границами осуществления субъективных прав сторонами процесса [14, с. 51].

Характеризуя усмотрение в деятельности правоприменительного характера, Д. В. Бойко рассматривает вопросы, связанные с гарантиями законности правоприменения. При этом он отмечает значимость указанных гарантий в качестве предела правоприменительного усмотрения [15, с. 24]. Автор справедливо отмечает, что «общеправовые гарантии законности дискреционного правоприменения выступают гарантиями законности практически любого вида правовой деятельности, поэтому необходимо выделять специфические правовые средства, методы и процедуры, обеспечивающие соблюдение законности в рамках правоприменительного усмотрения» [15, с. 26].

Представляется не совсем удачной классификация К. П. Ермаковой. Выделяются нормативные пределы судебного усмотрения, специальные пределы судебного усмотрения, а также пределы судебного усмотрения при применении оценочных понятий [16, с. 52]. Целесообразно, на наш взгляд, данную классификацию рассматривать в рамках правовых пределов правоприменительного усмотрения, в данной классификации смешиваются основания, что приводит к нарушению правил формальной логики.

Отдельно неправовые пределы правоприменительного усмотрения исследовала О. В. Кораблина, указывая на «требования нравственности (справедливость, равенство, разумность), наряду с религиозными нормами, ценностью общего блага, балансом интересов, общественным сознанием, культурой, традициями, обычаями составляют ограничения общего характера» – как на неправовые пределы усмотрения [13, с. 8].

В работах Ю. А. Тихомирова также затрагиваются вопросы, связанные с правовыми пределами правоприменительного усмотрения. В качестве ограничения административного усмотрения автор рассматривает только закон. Ю. А. Тихомиров критически оценивает принцип, предусматривающий, что все, что не запрещено законом, является дозволенным. Исследователь отмечает отсутствие возможности применения данного принципа к деятельности управленческого характера, связанной с применением разрешительного порядка при исполнении полномочий и определением в нормативно-правовом акте присущей административному органу исключительной компетенции [17, с. 77]. Проблемы в законодательстве, как указывает автор, также порождают деформацию административного усмотрения. Данные проблемы являются особо значимыми при государственном управлении, в отсутствие норм административно-процессуального характера, которые должны сопровождать нормы, являющиеся материально-административными, при недостаточно точном либо

недостаточно полном определении полномочий органов и способов их реализации, являющихся допустимыми [17, с. 79].

По нашему мнению, *пределы правоприменительного усмотрения* можно определить как общие и специальные границы законного поведения должностного лица органа государственной власти по выбору в рамках дискреционных полномочий процессуальных решений и действий, которые определяются принципами права, целями нормативных правовых актов, положениями актов официального толкования органов государственной власти и судебной практики.

Однако до настоящего времени отдельные направления судебное и административное усмотрения остаются вне поля зрения правоведов, одним из таких направлений является связь усмотрения с проблемой свободы правоприменителя. В современных условиях наметившаяся цифровая трансформация правосудия вызвала дальнейшее конструктивное обсуждение проблем судебного усмотрения.

Наиболее полным исследованием правоприменительной практики является работа Н. Н. Волпенко и А. П. Рожнова [18]. Практика правоприменения, по замечанию данных авторов, связана с индивидуальным властным регулированием общественных отношений. В некоторых случаях опыт подобного регулирования в дополнение к правовым нормам представляет собой основу разрешения дел. Вопрос в отношении составляющих подобной практики является вопросом в отношении составляющих акта правоприменения. Структура практики правоприменения представлена составляющими опыта правоприменения, такими параметрами, как стабильность, глубина, авторитетность, обобщенность данного опыта, возможность использовать его в процессе разрешения дел. Содержание практик правоприменения представлено тем, что накоплено в процессе деятельности правоприменительного характера. Форма данной практики отражает способ и место фиксации практического опыта [18, с. 113].

Важной особенностью усмотрения как общетеоретической категории, на наш взгляд, является то, что одна из сторон, участвующих в правоприменительной деятельности, обладает государственно-властными полномочиями, а правоприменительные решения обладают признаком общеобязательности. Таким образом, мы в первую очередь рассматриваем усмотрение в правоприменительной деятельности органов публичной власти.

В равной мере обязательность пределов распространяется на государственную власть и ее правовое выражение – властные полномочия, включая полномочия дискреционные. Выдающийся британский юрист XVIII века лорд Мэнсфилд так писал об обоснованности усмотрения: «Усмотрение, в процессе осуществления судом правосудия, означает здравое усмотрение, руководимое правом. Оно должно управляться правилом, а не нравом;

оно должно быть не произвольным, неопределенным и фантастичным, но законным и правильным» [19, с. 31].

А. Барак, вполне разделяя эту позицию, подчеркнул, что «любое осуществление усмотрения в контексте права, будь то со стороны законодательной, исполнительной или судебной власти, подчинено ограничениям, установленным для него законом. Усмотрение, осуществляемое в силу права, никогда не абсолютно. Даже если статутное провозглашение прямо устанавливает, что желаемое им усмотрение является абсолютным, это усмотрение толкуется как требующее от носителя власти действовать согласно определенным процедурам». Нравственно-правовые пределы правоприменительного усмотрения, по мнению отдельных ученых, заключаются в том, что усмотрение должно быть здравым, разумным, справедливым, мотивированным [11, с. 15]. Вместе с тем значительное число ученых не рассматривают нравственные пределы правоприменительного усмотрения, а обращают внимание только на правовые пределы усмотрения. По мнению К. П. Ермаковой, «нравственно-правовые пределы судебного усмотрения ограничивают деятельность суда при оценке им нравственных категорий, нашедших отражение в праве. Это понимание добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и достоинства, совести и доблести. Среди нравственно-правовых пределов судебного усмотрения выделяются такие категории, как справедливость, добросовестность и разумность» [20, с. 16]. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что данные нравственные категории имеют важное ограничительное значение и неразрывно связаны с субъектом правоприменения. Нравственно-правовые пределы неразрывно связаны с личностными характеристиками конкретного субъекта правоприменения. Нравственные основы личности формируются на основе совести и свободной воли.

На основании изложенного делаем следующие выводы:

Библиографический список

1. Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01003347991.pdf.
2. Сенякин И. Н., Степин А. Б., Подмосковный В. Д. Судебное усмотрение в частном праве (общетеоретический анализ). Саратов, 2005. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20055597>.
3. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с. URL: <https://www.dissertat.com/content/sudebnoe-usmotrenie-i-ego-predely-obshcheteoreticheskii-aspekt>.
4. Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 50–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15603830>.
5. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о пределах судейского усмотрения // Судейское усмотрение: понятие, основания, пределы: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. О. А. Егорова, Ю. Ф. Беспалов. Москва: Проспект, 2015. 245 с. URL: https://litgid.com/read/sudeyskoe_usmotrenie_ponyatie_osnovaniya_predely_materialy_vi_mezhregionalnoy_nauchno_prakticheskoy_konferentsii/page-4.php.
6. Велиев С. А. Принципы назначения наказания. Санкт-Петербург, 2004. 386 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/158984/readpart-printsipy-naznacheniya-nakazaniya-samir-veliev?contnts=true>.
7. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законодательства, теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2011. 535 с.

1. Одним из основных свойств права является определенность юридических норм, отсутствие такой определенности ведет к произволу. В юридической науке разработано значительное количество подходов к пониманию пределов правоприменительного усмотрения, классификаций пределов правоприменительного усмотрения, имеющих научную и практическую значимость.

2. Отсутствуют четкие правовые критерии принципов справедливости, добросовестности, разумности, что позволяет рассматривать правоприменителю юридическое дело на основе индивидуальных представлений о справедливости или несправедливости, добросовестности или недобросовестности, разумности или неразумности. Это в свою очередь с неизбежностью порождает ошибки и отрицательно влияет на экономическое развитие.

3. Усмотрение трактуется в виде имеющегося у наделенного соответствующими полномочиями лица правомочия выбирать решение, связанное с правоприменением, и деятельности практического характера, которая осуществляется указанным лицом и состоит в реализации имеющихся полномочий.

4. Правоприменительное усмотрение имеет пределы и границы. Первые являются правовыми, вторые – функциональными и имеют вид правоограничений субъекта, осуществляющего усмотрение.

5. Правовые акты, реализующие административное усмотрение, представляют собой обобщение практики правоприменительной деятельности органов исполнительной власти, чаще всего представлены в подзаконных актах рекомендательного характера. С одной стороны, рекомендательный характер не предусматривает общеобязательности при их реализации, с другой – игнорирование в процессе деятельности может иметь негативные последствия в виде отмены принятого управленческого решения.

8. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения / отв. ред. А. И. Чучаев. Москва: Проспект, 2011. 373 с. URL: https://litgid.com/read/sudeyskoe_usmotrenie_v_primenenii_ugolovno_pravovykh_norm_problemy_i_puti_ikh_resheniya/page-1.php.
9. Шарнина Л. А. Административное усмотрение в сфере экономики: основания и пределы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 5. С. 151–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-usmotrenie-v-sfere-ekonomiki-osnovaniya-i-predely/viewer>.
10. Кораблина О. В. Актуальные проблемы судейского усмотрения в российском гражданском процессуальном праве // Гуманитарные исследования. 2007. № 4 (24). С. 98–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11784476>.
11. Мартышкин В. Н., Гавин А. С., Дементьева Т. А. Правовые и нравственные критерии судебного усмотрения // Право и безопасность. 2009. № 3–32. С. 19–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16233669>; https://dpr.ru/pravo/pravo_28_6.htm.
12. Елисеев А. В. Проблемы реализации административного усмотрения в правоприменительной деятельности органов исполнительной власти. Москва, 2017. 77 с.
13. Кораблина О. В. Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретические и нравственно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 178 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/usmotrenie-v-pravoprimeritelnoi-deyatelnosti-obshcheteoreticheskii-i-nravstvenno-pravovoi-as>.
14. Кораблина О. В. Пределы судейского усмотрения по российскому законодательству // Гуманитарные исследования. 2007. № 2 (22). С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11934519>.
15. Бойко Д. В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 34 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005417442.pdf.
16. Ермакова К. П. Правовые пределы судебного усмотрения // Журнал российского права. 2010. № 8 (164). С. 50–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15603830>.
17. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4 (41). С. 70–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41452566>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/12592-administrativnoe-usmotrenie-pravo>.
18. Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004. 202 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20022153>; <https://studfile.net/preview/1101145>.
19. Барак А. Судейское усмотрение. Москва, 1999. 376 с. URL: <https://booksee.org/book/739018>.
20. Ермакова К. П. Пределы судебного усмотрения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 26 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004874786.pdf.

References

1. Berezin A.A. *Predely pravoprimeritel'nogo usmotreniya* [Limits of enforcement discretion]: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 2007, 25 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01003347991.pdf [in Russian].
2. Senyakin I. N., Stepin A. B., Podmoskovny V. D. *Sudebnoe usmotrenie v chastnom prave (obshcheteoreticheskii analiz)* [Judicial discretion in private law (general theoretical analysis)]. Saratov, 2005, 240 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20055597> [in Russian].
3. Berg L. N. *Sudebnoe usmotrenie i ego predely: obshcheteoreticheskii aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial discretion and its limits: general theoretical aspect: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2008, 202 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sudebnoe-usmotrenie-i-ego-predely-obshcheteoreticheskii-aspekt> [in Russian].
4. Ermakova K. P. *Pravovye predely sudebnogo usmotreniya* [Legal framework of judicial discretion]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2010, no. 8 (164), pp. 50–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15603830> [in Russian].
5. Bepalov Yu. F. *K voprosu o predelakh sudeiskogo usmotreniya* [To the question of the limits of judicial discretion]. In: *Sudeiskoe usmotrenie: ponyatie, osnovaniya, predely: materialy VI Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otv. red. O. A. Egorova, Yu. F. Bepalov* [Egorova O. A., Bepalov Yu. F. (Eds.) Judicial discretion: concept, foundations, limits: materials of the VI Interregional scientific and practical conference]. Moscow: Prospekt, 2015, 245 p. Available at: https://litgid.com/read/sudeyskoe_usmotrenie_ponyatie_osnovaniya_predely_materialy_vi_mezhhregionalnoy_nauchno_prakticheskoy_konferentsii/page-4.php [in Russian].
6. Veliev S. A. *Printsipy naznacheniya nakazaniya* [Principles of sentencing]. Saint Petersburg, 2004, 386 p. Available at: <https://www.livelib.ru/book/158984/readpart-printsipy-naznacheniya-nakazaniya-samir-veliev?contnts=true> [in Russian].
7. Gracheva Yu. V. *Sudeiskoe usmotrenie v realizatsii ugolovno-pravovykh norm: problemy zakonotvorchestva, teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08* [Judicial discretion in the implementation of criminal law norms: problems of lawmaking, theory and practice: Doctoral of Laws thesis: 12.00.08]. Moscow, 2011, 535 p. [in Russian].
8. Gracheva Yu. V. *Sudeiskoe usmotrenie v primenenii ugolovno-pravovykh norm: problemy i puti ikh resheniya. Otv. red. A. I. Chuchaev* [Judicial discretion in the application of criminal law norms: problems and ways to solve them. Chuchaev A. I. (Ed.)]. Moscow: Prospekt, 2011, 373 p. Available at: https://litgid.com/read/sudeyskoe_usmotrenie_v_primenenii_ugolovno_pravovykh_norm_problemy_i_puti_ikh_resheniya/page-1.php [in Russian].

9. Sharnina L. A. *Administrativnoe usmotrenie v sfere ekonomiki: osnovaniya i predely* [Administrative discretion in the economic sphere: grounds and limits]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2018, vol. 13, no. 5, pp. 151–173. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-usmotrenie-v-sfere-ekonomiki-osnovaniya-i-predely/viewer> [in Russian].
10. Korablina O. V. *Aktual'nye problemy sudeiskogo usmotreniya v rossiiskom grazhdanskom protsessual'nom prave* [Topical problems of judicial discretion in Russian civil procedure law]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2007, no. 4 (24), pp. 98–101. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11784476> [in Russian].
11. Martyshkin V. N., Gavin A. S., Dewenteva T. A. *Pravovye i npravstvennye kriterii sudebnogo usmotreniya* [Legal and moral criteria of the judicial discretion]. *Pravo i bezopasnost'*, 2009, no. 3–32, pp. 19–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16233669>; https://dpr.ru/pravo/pravo_28_6.htm. [in Russian].
12. Eliseev A. V. *Problemy realizatsii administrativnogo usmotreniya v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti* [Problems of implementing administrative discretion in the law enforcement activities of executive authorities]. Moscow, 2017, 77 p. [in Russian].
13. Korablina O.V. *Usmotrenie v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti (obshcheteoreticheskie i npravstvenno-pravovye aspekty): dis. ... kand. yurid. nauk* [Discretion in law enforcement activity (general theoretical and moral and legal aspects): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2009, 178 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/usmotrenie-v-pravoprimeritelnoi-deyatelnosti-obshcheteoreticheskii-i-npravstvenno-pravovoi-as> [in Russian].
14. Korablina O. V. *Predely sudeiskogo usmotreniya po rossiiskomu zakonodatel'stvu* [Limits of judicial discretion under Russian law]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2007, no. 2 (22), pp. 45–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11934519> [in Russian].
15. Boyko D. V. *Zakonnost' i usmotrenie v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti: voprosy teorii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legality and discretion in law enforcement: issues of theory: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Volgograd, 2011, 34 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005417442.pdf [in Russian].
16. Ermakova K. P. *Pravovye predely sudebnogo usmotreniya* [Legal framework of judicial discretion]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2010, no. 8 (164), pp. 50–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15603830> [in Russian].
17. Tikhomirov Yu. A. *Administrativnoe usmotrenie i pravo* [Administrative discretion and law]// *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2000, no. 4 (41), pp. 70–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41452566>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/12592-administrativnoe-usmotrenie-pravo> [in Russian].
18. Voplenko N. N., Rozhnov A. P. *Pravoprimeritel'naya praktika: ponyatie, osnovnye cherty i funktsii* [Law enforcement practice: concept, main features and functions]. Volgograd, 2004, 202 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20022153>; <https://studfile.net/preview/1101145> [in Russian].
19. Barak A. *Sudeiskoe usmotrenie* [Judicial Discretion]. Moscow, 1999, 376 p. Available at: <https://booksee.org/book/739018> [in Russian].
20. Ermakova K. P. *Predely sudebnogo usmotreniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Limits of judicial discretion: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2010, 26 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004874786.pdf [in Russian].

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-14-20

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340

Дата поступления: 15.09.2021
рецензирования: 23.10.2021
принятия: 21.03.2022

Генезис охранительного законодательства дореволюционной России в сфере экологии: историко-правовой анализ

М. А. Артамонова

Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»
(АНО ВО Университет «МИР»), г. Самара, Российская Федерация
E-mail: artamonovamariy@mail.ru

А. Г. Безверхов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

Т. Ф. Юдина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: yudina.tatjana2010@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье установлено, что генезис охранительного законодательства в сфере экологии связан прежде всего с масштабом и глубиной воздействия социума на окружающую его природную среду, с осознанием в обществе экологических ценностей и развитием экологического правового мышления. В условиях адаптивного и адаптивно-практического воздействия человека на природу правовой механизм природопользования базируется на комплексе имущественных правоотношений. На примере генезиса охранительного законодательства дореволюционной России в сфере экологии показано, что протонормативные положения экологического характера появляются в отечественном законодательстве XIX века. Однако они в условиях перехода социума от адаптивного, адаптивно-практического к сугубо хозяйственному (производственно-потребительскому) отношению к природе не преобразовались в самостоятельную группу экологических правовых норм, продолжая развиваться в нормосистемах о собственности (в том числе самовольном пользовании или уничтожении/повреждении чужого имущества), а также о народном благосостоянии, общественном благоустройстве, благочинии и др.

Ключевые слова: экологическое право; природный объект; природные ресурсы; природопользование; охрана окружающей среды.

Цитирование. Артамонова М. А., Безверхов А. Г., Юдина Т. Ф. Генезис охранительного законодательства дореволюционной России в сфере экологии // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-14-20>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Артамонова М. А., Безверхов А. Г., Юдина Т. Ф., 2022

Мария Александровна Артамонова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка» (АНО ВО Университет «МИР»), 443030, Российская Федерация, г. Самара, ул. Г. С. Аксакова, 21.

Артур Геннадьевич Безверхов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Федоровна Юдина – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.09.2021
Revised: 23.10.2021
Accepted: 21.03.2022

Genesis of protective legislation in pre-revolutionary Russia in the field of ecology: historical and legal analysis

M. A. Artamonova

Samara University of Public Administration «International Market Institute»
(ANO VO University «MIR»), Samara, Russian Federation
E-mail: artamonovamariy@mail.ru

A. G. Bezverkhov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: bezverkhov-artur@yandex.ru

T. F. Yudina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: yudina.tatjana2010@yandex.ru

Abstract: This article establishes that the genesis of protective legislation in the field of ecology is associated primarily with the scale and depth of the impact of society on its natural environment, with the awareness of environmental values in society and the development of environmental legal thinking. In the context of adaptive and adaptive-practical human impact on nature, the legal mechanism of nature management is based on a complex of property legal relations. On the example of the genesis of the protective legislation of pre-Soviet Russia in the field of ecology, it is shown that protonormative provisions of an environmental nature appear in the domestic legislation of the XIX century. However, in the context of the transition of society from an adaptive, adaptive-practical to a purely economic (production-consumer) attitude to nature, they did not transform into an independent group of environmental legal norms, continuing to develop in property norm systems (including unauthorized use or destruction / damage of other people's property), as well as about the people's welfare, public accomplishment, deanery, etc.

Key words: environmental law; natural object; natural resources; nature management; environmental protection.

Citation. Artamonova M. A., Bezverkhov A. G., Yudina T. F. *Genesis okhranitel'nogo zakonodatel'stva dorevolyutsionnoi Rossii v sfere ekologii* [Genesis of protective legislation in pre-revolutionary Russia in the field of ecology: historical and legal analysis]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 14–20. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-14-20> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Artamonova M. A., Bezverkhov A. G., Yudina T. F., 2022

Maria A. Artamonova – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Samara University of Public Administration «International Market Institute» (ANO VO University «MIR»), 21, G. S. Aksakov street, Samara, Russian Federation.

Arthur G. Bezverkhov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Tatyana F. Yudina – Candidate of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. На рубеже XX–XXI вв. в России происходит смена парадигм в системе отношений «общество–природа», предполагающая признание одним из социальных приоритетов последовательное и эффективное решение экологических проблем, повышение ответственности человечества за устойчивую эволюцию окружающей его природы. Согласно ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Между тем, как свидетельствует историко-правовой анализ, становление и развитие отечественного экологического законодательства определяли достаточно длительные процессы. Исторический метод познания, в основе которого лежит сравнение текстов законов во времени – весьма эффективный методологический подход, который позволяет в нашем случае обнаружить особенное в исторических процессах эколого-правовой действительности, а также установить последова-

тельность формирования экологического законодательства в России. Вместе с тем историко-правовой подход есть способ толкования действующих юридических норм и институтов. Н. С. Таганцев совершенно справедливо писал: «Если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, т. е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [1, с. 21].

Первое, что бросается в глаза: генезис отечественного законодательства в сфере экологии связан с масштабом, силой и глубиной воздействия социума на окружающую природную среду. Немаловажную роль здесь играет рост понимания человеком земной экосистемы, осознание в обществе экологических ценностей и развитие экологического правового мышления.

Как свидетельствуют памятники древнего и средневекового права, в условиях несущественного (адаптивного и адаптивно-практического) воз-

действия человека на природу правовой механизм природопользования базируется на комплексе правоотношений смежного характера. Обыкновенно это правоотношения имущественного свойства.

Развитие охранительного законодательства в сфере экологии древнерусского периода. Анализ отечественного природоохранного законодательства показывает, что оно развивалось достаточно долго, защищая отношения, связанные с природными объектами, находящимися в общинной, частной или иной форме собственности. При этом их охрана осуществлялась посредством защиты имущественных прав и интересов. Обычно это механизм правового регулирования и охраны собственности и владения. Правовой регуляции подлежали природопользовательские отношения, связанные прежде всего с четырьмя видами экономической деятельности – бортничеством (сбором меда и медопродуктов), охотой, рыболовством, использованием лесов.

Уже в первом писаном памятнике права Древнерусского государства – «Русской Правде» (XI–XII вв.) – предусматривается защита всех видов собственности как княжеской, так и общинной, а также частной собственности любого индивида независимо от его сословной принадлежности. Среди упоминаемых «Русской Правдой» природных объектов собственности можно назвать прежде всего землю, лес, борти (дупла деревьев, заполненные медом диких пчел), дрова, домашний скот, охотничьи угодья. Статус земельной собственности здесь еще не определен, но за перепаживание межи, то есть за нарушение границ частного земельного владения, взыскивается довольно высокий штраф – 12 гривен (ст. 34) [2, с. 75]. Участки леса, где находились деревья с пчелиными бортиками, отмечались знаками собственности; поэтому «разнаменованье» (т. е. разорение) борти каралось штрафом 12 гривен, который был равен штрафу за повреждение межи (ст. 71). За уничтожение борти, возможно во время рубки леса, устанавливался трехгривенный штраф, как и за сожжение борти. Кроме того, за дерево, на котором она находилась, – полгривны. Собственником бортного дерева мог быть любой человек. Разграбление борти наказывалось штрафом. Сумма его зависела от того, был ли изъят мед (ст. 75–76) [2, с. 69].

Специальной охране подлежали и лесные угодья, которые служили средством для установления межевых знаков, то есть для разграничения земельной собственности и владений. В связи с этим дубы как наиболее долговечные естественные ориентиры подлежали особой охране: «Аже дуб подотнеть знаменьныи или межъныи, то 12 гривен продажи» (ст. 73).

«Русская Правда» рассматривает детально такой вид имущественных правонарушений, как повреждение ловчей сети и кражу из нее диких птиц. «Кто украдет... ястреба или сокола, то продаже 3 гривны, а господину гривна». Штраф же за кражу курицы – 9 кун, гуся – 30 кун. Значительная

разница в штрафах за похищение диких хищных птиц и дичи связана с тем, что крупные хищные птицы были специально дрессированные, использовались в хозяйственной деятельности – для охоты (ст. 81).

В целях полноты анализа заметим, что «Русская Правда» говорит и о правонарушениях, предметом которых выступают домашние животные. К примеру, этот памятник права различает кражу домашнего скота из закрытого помещения (хлева или сарая) и открытого места (поля). Как известно, особую роль в жизни населения той поры играл конь. Это был важнейший вид собственности. Целый ряд статей этого древнего памятника права посвящен охране лошадей. Краткая редакция «Русской Правды» в статьях 28 и 31 устанавливает штраф в сумме 3 гривны за кражу коня господина и 2 гривны за кражу коня смерда. Более поздняя редакция «Русской Правды» подвергает преступника высшей мере наказания – потоку и разграблению, другими словами, изгнанию из общины и конфискации имущества: «Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому, у кого пропажа обнаружена: «Это мое», но поиди на свод, где он взял, пусть сойдутся участники сделки и выяснят, кто виноват, на того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный вы платит; если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны» (ст. 35).

Примечательны статьи 69–70 Пространной редакции «Русской Правды», которые устанавливают 12-гривенный штраф за кражу бобров: «Аже украдет кто бобр, то 12 гривен» [2, с. 70]. Объясняется это тем, что бобровые угодья были феодальной собственностью, и соответственно, охота на бобров – княжеской и боярской монополией.

Кроме собственности частной, на Руси существовала, как известно, и общинная собственность. Об этом свидетельствуют древнейшие источники, такие как писцовые книги, уставные грамоты. В частности, в одной из них говорится, что крестьянину лес дала «волость, староста со крестьянами». Писец отмечает, что крестьяне «лес добывают» для устройства рыбных затонов «сами всею волостью в своих лесех».

Кроме лесов и лугов, к общим владениям принадлежали разнообразные угодья. Общинное право собственности не предполагало равного деления земли и угодий между членами общины; не исключало и права собственности отдельных членов общины на землю и угодья под контролем общины. При этом, владея землей и угодьями на праве частной собственности, собственник нес все повинности, как и остальные жители волости.

Таким образом, видно, что в период ранней государственности важнейшие природные объекты, как то: земля, леса, животный мир и т. д., подлежали правовой охране как объекты права собствен-

ности и владения, как компоненты имущественных правоотношений.

Как верно замечено В. И. Минеевой, «акты, отражающие вопросы в сфере экологии в России, имели место уже в XI–XII веках, однако мотивами их принятия были далеко не экологические факторы» [3, с. 99].

Развитие охранительного законодательства в сфере экологии средневекового периода. Псковская Судная грамота XV в. посвящает ряд своих статей о природопользовании защите имущественных прав вотчинников. Как отмечает исследователь Псковской Судной грамоты Ю. Г. Алексеев, многие вотчинники псковской земли были прежде всего собственниками не земельных угодий, а лесных, рыбных и огородных участков, охотничьих угодий и пр. [4, с. 132] Дело в том, что богатство природного псковского мира определило в связи с нехваткой полевых, плодородных земель примат охоты, рыбной ловли, лесопользования в качестве основных видов экономической деятельности.

На широкое использование соответствующих природных ресурсов псковской земли и их правовую охрану указывает ряд факторов. Один из них – правовая дифференциация трудового населения. К примеру, в средневековом Пскове различались такие категории крестьян, как огородники, котечники, т. е. рыболовы, изорники (пахари). Другой – правовой режим земель, т. е. особый дифференцированный порядок регулирования жизнедеятельности в границах категории земельных угодий. Так, в ст. 9 и 10 Псковской Судной грамоты был установлен правовой статус полевой и лесной земель, предусмотрено письменное оформление земельных сделок. Не только земля, но и водные объекты по Псковской Судной грамоте подлежали особой правовой охране. В случае возникновения спора между князем и администрацией города по поводу соответствующих объектов дело рассматривалось с обязательным участием обеих сторон (ст. 79). Судебный порядок уже вводился и для разрешения спора по поводу приобретения не только земли, но и пчелиных ульев (ст. 106) и др.

Памятники средневекового русского права царского периода – составленный при царе Федоре Иоанновиче и предназначенный для северных территорий Российского государства Судебник 1589 г. и Соборное Уложение 1649 г. – продолжают традиционно обеспечивать защиту природопользования посредством правовой охраны собственных и иных имущественных отношений. По этим источникам нарушение имущественных прав – это и кража домашнего имущества, хлеба и сена в поле, и ловля рыбы в чужом пруду или садке, и промысел на бобров и выдр и др. Одинаковое наказание нес не только непосредственный исполнитель, но и пособник, «который кузнец кому капкан новый встретие сделает или старой поделает» [5, с. 187]. К числу правонарушений, направленных на уничтожение чужой собственности, относились повреждения лесных и охотничьих угодий (ст. 174 и 176 Судебника 1589 г.), бобровых

гонов, хмельника, силков, сетей для ловли птиц, бортей, леса (ст. 214–216 Соборного Уложения). Виновный за истребление чужого животного без необходимости самообороны должен был отдать потерпевшему такое же животное или уплатить вознаграждение, определяемое добрыми людьми (ст. 225 и 226 Судебника 1589 г.).

Наряду с уголовной ответственностью за посягательства в сфере природопользования устанавливалась и гражданско-правовая ответственность (ст. 208–209 Соборного Уложения) [6, с. 136–137].

Иногда охраной природных объектов государство обеспечивало интересы обороноспособности. Так, леса выполняли важную военно-охранную функцию, когда, например, служили надежной преградой от неожиданных набегов кочевников. В таком случае сторожевые засечные леса объявлялись заповедной зоной. Согласно указу Ивана Грозного 1571 г., «учинить заказ крепкий, чтоб в заповедный засечный лес ходить, а нарушителям быть в смертной казни без всякой пощады». В таких местах запрещалась вырубка деревьев. Сам лес охранялся специальными сторожами. В некоторых из них допускалось бортничество, но с условием недопущения создания проезжих просек и троп, на которых можно проехать верхом или на гужевой повозке.

Развитие охранительного законодательства в сфере экологии императорского периода. Императорская эпоха внесла свои коррективы в особенности развития природоохранного законодательства России. Даже утверждается, что «экологическое право в России в полном соответствии с современным его пониманием появилось при правлении Петра I. Существовавшее до той поры регулирование природопользования он кардинально изменил. В первую очередь изменение произошло в отказе от охраны сословных привилегий и переходе к собственно государственному регулированию» [7]. Всего при Петре I было принято более 60 указов, регулирующих природопользование. Вместе с тем соответствующее государственно-правовое регулирование продолжало определяться положениями охранительного законодательства, главным образом в сфере экономики, собственности и имущественных отношений.

В области охраны леса был установлен заповедный статус водоохранных лесов. Леса вдоль рек были объявлены заповедными – для крупных рек ширина запретной зоны составляла 50 верст, для малых – 20 верст. Одновременно были приняты меры к сохранению многоводности рек (к примеру, Указ 1701 г. «О нечистке под пашню лесов по рекам, по коим леса гонят в Москву, а чистить их в 30 верстах выше»).

При Петре I некоторые виды деревьев были объявлены заповедными, то есть принадлежащими казне. Как замечено М. Х. Адихановым, «значительный вклад в дело охраны лесных ресурсов внес Петр I. В соответствии с его указами были взяты под охрану дуб и корабельная сосна, запрещена рубка водоохранных лесов вокруг

Петербурга и Москвы и др.». [8, с. 53] Конечно, причиной сбережения особо ценного леса было прежде всего кораблестроение. Для нужд флота были объявлены заповедными несколько лесных массивов, повсеместно взяты под защиту отдельные виды деревьев (дуб, вяз, сосна – от 12 вершков диаметром). При этом вырубка дуба каралась смертной казнью, а клена, сосны, лиственницы, вяза – штрафом. Рубка дуба была запрещена повсеместно, рубка же остальных деревьев, признанных заповедными, считалась недопустимой только на расстоянии в сторону: от больших рек на 50 верст, от небольших на 20 верст. В 1705 г. было разрешено рубить заповедные леса, но только для производства саней, телег, осей и полозьев. В эпоху правления Екатерины II Жалованной грамотой дворянству 1785 г. были подтверждены права дворян на «право собственности в лесах, растущих в их дачах, и свободного их употребления».

В правление Петра I введена монополия государства на недра земли. «Нам одним, яко монарху, – гласила Берг-Привилегия 1719 г., – принадлежат рудокопные заводы». Впрочем, «государь милостиво соизволяет употребление их всем и каждому», в силу чего добыча металлов и минералов на землях частных собственников составляла привилегия казны. В случае обнаружения полезных ископаемых на этой земле можно было строить заводы; собственник получал доход в размере 2 % с каждого выработанного металла и минерала [9, с. 476]. Это положение было изменено Екатериной II в 1782 г., признавшей «право собственности не только на поверхности земли, каждому из них (собственников) принадлежащей, но и в недрах той земли, и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и произрастания и на все из того делаемые металлы» (ст. 33 Жалованной грамоты дворянству). Екатериной II было установлено и право государства на «произрастания», т. е. на леса [10, с. 31].

С 1704 г. некоторые рыбные угодья были объявлены также собственностью государства, а пчельники и бортные угодья обложены определенным оброком. Право государства на рыбные угодья было упразднено в 1775 г. (в эпоху правления Екатерины II). В 1782 г. и 1785 г. эти дворянские права были подтверждены вторично. Впрочем, уже в проекте 1754–1766 гг. говорится: «Дворянин может в своих деревнях строить мельницы, копать пруды и рвы... иметь рыбную ловлю в своих озерах и в близлежащих озерах и прудах» [10, с. 31]. Об упразднении прав государства на угодья просили и депутаты в наказах Комиссии для составления нового Уложения. Государство ограничивало длительное время и право охоты. Указами 1740 г. и 1747 г. было запрещено вообще около Петербурга ловить и стрелять каких бы то ни было зверей и птиц. При Екатерине II в период с 1 марта по 29 июня запрещалась охота на всяких зверей и птиц, кроме хищных. С 1802 г. это запрещение, оставаясь в силе для казенных земель, не распространялось на земли частных собственников [9, с. 477].

В XIX в. отношения в сфере взаимодействия общества и природы видоизменяются. С развитием промышленного производства, транспорта, иных отраслей народного хозяйства серьезно возрастает нагрузка на природную среду. Обнаруживается факт истощаемости природных ресурсов, усиливается регламентация эксплуатации экологических объектов.

Считается, что правовые нормы в области экологических отношений впервые обозначены в законодательстве именно этого периода [11, с. 670]. В доктрине даже утверждается, что в России экологические интересы стали объектом правовой сферы в XIX в. [12, с. 624] Мы же со своей стороны уточним, что наряду с отношениями собственности в XIX в. развиваются отношения по регулированию экономической деятельности, в том числе в части эксплуатации экологических объектов, в рамках которых были запрещены многие способы добычи природных ресурсов. Эти экономические отношения объективно предшествовали экологическим, которые определяют охрану окружающей среды вне связей с экономической целесообразностью.

Протонормативные положения экологического характера появляются в отечественном законодательстве XIX века. Однако они в условиях перехода социума от адаптивного, адаптивно-практического к сугубо хозяйственному (производственно-потребительскому) отношению к природе не преобразовались в самостоятельную группу экологических правовых норм, продолжая развиваться в нормосистемах о собственности (в том числе о самовольном пользовании или уничтожении/повреждении чужого имущества), а также о народном благосостоянии, общественном благоустройстве, благочинии и др.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержится значительное количество норм об ответственности за посягательства на окружающую среду. В этом кодифицированном акте нормы о посягательствах на экосистему буквально собраны из ранее действовавшего законодательства, однако они разбросаны по всему Уложению, что говорит прежде всего о сложной социально-правовой природе этих нормативных предписаний и разнообъектности предусмотренных ими посягательств. В отделении III «О нарушении постановлений против безвременного и излишнего истребления служащих на пищу диких животных и рыб» главы II «О нарушении постановлений для обеспечения народного продовольствия» раздела VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» запрещалось использование недопустимых средств и методов при ловле животных и рыб, а равно с нарушением правил оного (ст. 1133–1145). К примеру, согласно ст. 1140 отделения III «О нарушении постановлений против безвременного и излишнего истребления служащих на пищу диких животных и рыб» запрещалось «употребление на Белом озере и в реках Волге и Шексне самоловов, переметов и других запрещенных снастей».

Виновный, пойманный в первый раз по совершению этого деликта, приговаривался к штрафу в 30 руб., во второй раз – в 60 руб., в третий – в 90 руб., в четвертый – заключением в тюрьму от 3 до 6 месяцев. Специальной ответственности по ч. 9 ст. 1145 подлежали смотрители рыбных ловель, сыскные начальства и станичные правители за нарушение рыбаками правил о рыболовстве, а именно выговору или отрешению от должности. Одна из суровых санкций в положениях отделения III главы II раздела VIII была установлена за повторное «устройство или потребление в реках и в определенном расстоянии от устьев рек в озерах и морях заколов и других запрещенных снастей, которые препятствуют свободному ходу рыбы из морей и озер вверх по рекам». Это деяние помимо денежного взыскания и отобрания снастей наказывалось лишением навсегда права проводить рыбные промыслы.

Заключение. Таким образом, анализ развития отечественного дореволюционного законодательства в сфере экологии показывает, что на всех этапах развития государственности существовали законодательные нормы о защите природных ресурсов, находящиеся как в частной, так и в общинной или государственной собственности. Уже в первых писаных памятниках права Древнерусского государства устанавливается различная по своей природе и целям юридическая ответственность за посягательства на природные объекты (от конфискации имущества («разграбления») до штрафов и возмещения материального ущерба). В период централизации Русского государства в памятниках права прослеживается детализация составов «экологических» правонарушений и усиливается применение уголовной ответственности за их совершение. В период петровских преобразований конца XVII – начала XVIII в. в России возникла потребность в природных ресурсах государства, поэтому некоторые из них, имеющие важное значение для формирования армии и флота (корабельные сосны, дубы, полезные ископаемые и т. д.), получили статус государственной соб-

ственности. Отсюда в отечественном праве дореволюционного периода просматривается устойчивая тенденция к усилению наказания за посягательства на природный фонд. В эпоху правления Екатерины II происходит расширение дворянских привилегий, зафиксированных Жалованной грамотой дворянству, в соответствии с которой дворяне получают в собственность многие природные объекты, которые подлежат юридической защите на праве частной собственности.

На протяжении обозначенного периода исторического времени приоритетным для государства оставалось развитие экономики, а вопросы охраны природы затмевались интересами хозяйствования. Как видно, у права того исторического периода не вызывало повышенной обеспокоенности состояние природной среды как самоценности.

Первые «ростки» нормативных положений о собственно экологии появляются в XIX–XX вв., к примеру, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном Уложении 1903 г., что связано с приходом на смену адаптивного отношения к окружающей среде хозяйственно-эксплуатационных отношений с идеологией «господства» человека над природой. «Природа не храм, а мастерская, а человек в ней – работник» (Тургенев И. С. «Отцы и дети»). Поэтому считать многочисленные нормативные положения, опосредованно обеспечивающие охрану окружающей среды, экологическими правовыми нормами неправильно. Соответствующие предписания системе экологических норм все-таки не образовали, поскольку для этого еще не наступили необходимые социально-экономические основания, среди которых – осознание обществом экологических ценностей и самоценности окружающих человека природных богатств, а также развитие экологического правового мышления. Поэтому в это историческое время весьма преждевременно говорить о правовой охране экологии как таковой. Сама правовая охрана сводилась к защите владельческих, собственнических и иных имущественных прав на природные ресурсы.

Библиографический список

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Тула: Автограф, 2001. Т. 1. 800 с.
2. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с. URL: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_1_Legislation_of_Old_Rus_Yanin_1984_doc.
3. Минеева В. И. Правовая политика российского государства в области экологии: проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 202 с.
4. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Ленинград: Наука, 1980. 243 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21201317>; <https://gendocs.ru/v17545/?cc=1&view=pdf>.
5. Развитие русского права в XV – первой половине XVII века / под ред. В. С. Нерсисянца. Москва: Наука, 1986. 288 с.
6. Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. Москва, 1985. 512 с. URL: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_3_Acts_of_Zemskiye_Sobory_Mankov_1985.
7. История экологического права в России. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.11.2021).

8. Адиханов Ф. Х. Экологическое право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2006. 384 с. URL: <https://studfile.net/preview/9759606>.
9. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. Москва: Зерцало, 2004. 504 с. URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/uchebnik-istorii-russkogo-prava-perioda.html>.
10. Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. Москва, 1987. 528 с. URL: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_5_Legislation_of_t.
11. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. Москва: Спартак, 2002. 1040 с. URL: <https://sci.house/rossii-pravo-ugolovnoe-scibook/rossiyskoe-ugolovnoe-pravo-osobennaya-chast.html>.
12. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред.: И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. Москва: Норма, 2001. 960 с. URL: <https://studfile.net/preview/2043033>.

References

1. Tagantsev N. S. *Russkoe ugodovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian criminal law. Common part]. Tula: Avtograf, 2001, vol. 1, 800 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/59226-t-1-1902>. [in Russian].
2. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi. Otv. red. V. L. Yanin* [Yanin V. L. (Ed.) Russian legislation of X–XX centuries. Vol. 1. Legislation of Ancient Rus]. Moscow: Yurid. lit., 1984, 432 p. Available at: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_1_Legislation_of_Old_Rus_Yanin_1984_doc. [in Russian].
3. Mineeva V.I. *Pravovaya politika rossiiskogo gosudarstva v oblasti ekologii: problemy realizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal policy of Russian state in the field of ecology: problems of implementation: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Stavropol, 2004, 202 p. [in Russian].
4. Alekseev Yu. G. *Pskovskaya Sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nykh otноshenii na Rusi XIV–XV vv.* [Pskov Judicial Charter and its time. Development of feudal relations in Russia of the XIV–XV centuries]. Leningrad: Nauka, 1980, 243 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21201317>; <https://gendocs.ru/v17545/?cc=1&view=pdf>. [in Russian].
5. *Razvitie russkogo prava v XV – pervoi polovine XVII veka. Pod red. V. S. Nersesyantsa* [Nersesyants V. S. (Ed.) Development of Russian law in the XV – first half of the XVII century]. Moscow: Nauka, 1986, 288 p. [in Russian].
6. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 3. Akty Zemskikh soborov. Otv. red. A. G. Man'kov* [Mankov A. G. (Ed.) Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 3. Acts of the Zemsky Sobor]. Moscow, 1985, 512 p. Available at: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_3_Acts_of_Zemskiy_Sobory_Mankov_1985 [in Russian].
7. *Istoriya ekologicheskogo prava v Rossii* [History of environmental law in Russia]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed 13.11.2021) [in Russian].
8. Adikhanov F. Kh. *Ekologicheskoe pravo: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop.* [Environmental law: textbook. 3rd edition, revised and enlarged]. Barnaul: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2006, 384 p. Available at: <https://studfile.net/preview/9759606> [in Russian].
9. Latkin V.N. *Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX vv.). Pod redaktsiei i s predisloviem V. A. Tomsinova* [Textbook on the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries). Under editorship and with the preface from Tomsinov V. A. Moscow: Zertsalo, 2004, 504 p. Available at: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/uchebnik-istorii-russkogo-prava-perioda.html>. [in Russian].
10. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 5. Zakonodatel'stvo perioda rastsveta absolyutizma. Otv. red. E. I. Indova* [Indov E. I. (Ed.) Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 5. Legislation of the heyday of absolutism]. Moscow, 1987, 528 p. Available at: https://archive.org/download/Russian_Legislation_of_the_10th_20th_centuries_Chistyakov_Vol_5_Legislation_of_t. [in Russian].
11. *Kurs rossiiskogo ugodovnoego prava. Osobennaya chast'.* Pod red. V.N. Kudryavtseva, A.V. Naumova [Kudryavtsev V. N., Naumov A. V. (Eds.) Course of Russian criminal law. Special part]. Moscow: Spartak, 2002. 1040 p. Available at: <https://sci.house/rossii-pravo-ugolovnoe-scibook/rossiyskoe-ugolovnoe-pravo-osobennaya-chast.html>. [in Russian].
12. *Ugodovnoe pravo. Osobennaya chast'.* Otv. red.: I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamova, G. P. Novoselov [Kozachenko I. Ya., Neznamova Z. A., Novoselov G. P. (Eds.) Criminal law. Special part]. Moscow: Norma, 2001. 960 p. Available at: <https://studfile.net/preview/2043033> [in Russian].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.2

Дата поступления: 20.10.2021
рецензирования: 28.11.2021
принятия: 21.03.2022

Административная преюдиция в контексте разноотраслевого понимания ее признаков в уголовном праве России и Беларуси

В. В. Хилюта

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: tajna@tut.by

Аннотация: В статье рассматривается понимание административной преюдиции в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь. Автором поднимается проблема понимания административной преюдиции через призму времени совершения преступления и обратной силы действия уголовного закона. Также обсуждается вопрос об обоснованности привлечения лица к уголовной и административной ответственности в случае совершения преступления с признаками административной преюдиции. Автор приходит к выводу о том, что административная преюдиция есть признак субъекта преступления, а не объективной стороны состава преступления. Обосновывается также положение о том, что привлечение лица за повторное или неоднократное правонарушение к административной, а не уголовной ответственности не может в дальнейшем служить повторным основанием для того, чтобы виновное лицо уже за совокупность повторяемых тождественных деяний было привлечено к уголовной ответственности. По этой причине никто не может нести дважды ответственность за одно и то же деяние.

Ключевые слова: административная преюдиция; уголовный закон; действие уголовного закона; время совершения преступления; правонарушение; преступление.

Цитирование. Хилюта В. В. Административная преюдиция в контексте разноотраслевого понимания ее признаков в уголовном праве России и Беларуси // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Хилюта В. В., 2022

Вадим Владимирович Хилюта – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовно-процесса и криминалистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 230029, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.10.2021
Revised: 28.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Administrative precedence in the context of a multisectoral understanding of its features in the criminal law of Russia and Belarus

V. V. Khilyuta

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
E-mail: tajna@tut.by

Abstract: The article discusses the understanding of administrative precedence in the criminal law of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author raises the problem of understanding the administrative precedence through the prism of the time when the crime was committed and the retroactive effect of the criminal law. The question of the validity of bringing a person to criminal and administrative responsibility in the event of a crime with signs of administrative precedence is also discussed. The author concludes that the administrative precedence is a sign of the subject of the crime, and not of the objective side of the corpus delicti. It is also justified that bringing a person for

repeated or repeated offenses to administrative rather than criminal responsibility cannot in the future serve as a repeated basis for the perpetrator to be prosecuted for a set of repeated identical acts. For this reason, no one can be held responsible twice for the same act.

Key words: administrative precedence; criminal law; operation of criminal law; time of commission of crime; offense; crime.

Citation. Khilyuta V. V. *Administrativnaya preyuditsiya v kontekste raznootraslevogo ponimaniya ee priznakov v ugovolnom prave Rossii i Belarusi* [Administrative precedence in the context of a multisectoral understanding of its features in the criminal law of Russia and Belarus]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-21-28> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Khilyuta V. V., 2022

Vadim V. Khilyuta – Doctor of Laws, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno, 22, Ozheshko Street, Grodno, 230029, Republic of Belarus.

В правоприменительной практике, как России, так и Беларуси, все еще встречаются вопросы, связанные с толкованием признаков преступления и тех аспектов, которые касаются административной преюдиции в различных ее вариациях. Речь, в частности, идет о ситуациях, когда в уголовный закон вводится новый состав преступления с административной преюдицией, но само административное правонарушение, которое в последующем и образует качественно иное деяние, в случае его повторного совершения, было осуществлено лицом до того момента, когда в уголовный закон была введена правовая норма с признаками административной преюдиции.

Заметим в этом отношении, что понимание сути данной проблемы на уровне доктрины уголовного права и правоприменительной практики существенным образом отличается в праве России и Беларуси, что поднимает на новый уровень вопрос о преюдициальном значении совершения преступления на территории иностранного государства.

Проиллюстрируем это на конкретной ситуации, которая в настоящее время приобрела особую актуальность и вызвала множество споров среди правоприменителей в части толкования признаков преступления в Республике Беларусь. Причем эта проблема характерна и для Российской Федерации, о чем будет также сказано далее.

Так, законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З были внесены изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ). В частности, законодатель ввел уголовную ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 317² УК РБ).

В настоящее время преступным признается «управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно» (ч. 1 ст. 317² УК РБ). Ответственность усиливается, если это же деяние совершено лицом, ранее совершившим данное преступление (ч. 2 ст. 317² УК РБ). Ключевой момент здесь состоит в понимании того, что же при этом считать неоднократностью. В примечании к ст. 317² УК РБ законодатель поясняет, что применительно к данной статье «деяние признается совершенным лицом неоднократно,

если это лицо в течение одного года после наложения административного взыскания за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, предусмотренного ч. 2 ст. 18.14 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, вновь управляло транспортным средством, не имея права управления этим средством».

Согласно ст. 18.14 КоАП РБ (управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления) установлена административная ответственность за «управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, а равно передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления». А вот уже в ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ предусмотрена ответственность за «те же действия, совершенные повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения». Иначе говоря, речь идет о двукратной административной преюдиции, что означает буквально следующее. Для того, чтобы лицо можно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 317² УК РБ, необходимо, чтобы оно дважды было привлечено к административной ответственности.

Проблема же, которую мы попытаемся обозначить, состоит примерно в следующем. Представим себе, что в течение 2021 г. лицо дважды привлекалось к административной ответственности по ст. 18.14 КоАП РБ за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления. Первый раз – в апреле 2021 г., а второй раз – в мае 2021 г. Третий раз факт управления транспортным средством без соответствующих прав был уже зафиксирован в октябре 2021 г., т. е. именно тогда, когда уже действовала ст. 317² УК РБ. Вот здесь и возник вопрос о том, можно ли это лицо привлечь к уголовной ответственности по данной норме, ведь административные правонарушения были им совершены в тот период, когда уголовный закон не предусматривал уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления? Или данные обстоятельства не имеют значения по той причине, что третье деяние, которое в общем-то и образует преступление, было совершено лицом в тот мо-

мент, когда уже уголовный закон за эти действия предусматривал уголовную ответственность.

Формально позиция органов предварительного следствия базируется сегодня на второй, озвученной нами, позиции. Еще раз обратим внимание: работники правоохранительных органов утверждают, что деяние (управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления) было совершено виновным лицом в тот момент, когда уголовная ответственность за данное преступление уже была установлена. А то обстоятельство, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 18.14 КоАП РБ) в период, когда уголовный закон не содержал вышеуказанной уголовно-правовой нормы, не имеет принципиального значения. Потому что именно с момента совершения лицом третьего действия оно образует качественно иное деяние, которое вбирает в себя все предыдущие факты правонарушений и становится преступлением. Иначе говоря, в этой ситуации количество перерастает в качество. Но не это самое главное, а главное то, что существенное значение в таком случае имеет личность лица, допустившего неоднократное нарушение законодательства. И поскольку третье деяние, которое и образует признаки преступления, было допущено лицом в период, когда уже существовала уголовная ответственность за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления, то подобные случаи должны рассматриваться именно как преступление. Лицо дважды привлекалось к административной ответственности, и неважно, что это было в тот период, когда ст. 317² УК РБ в законе не было.

Так, органами предварительного следствия С. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 317² УК РБ – управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно. 5 марта 2021 г. С. был привлечен к административной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления им по ч. 1 ст. 18.14 КоАП РБ. 26 апреля 2021 г. С. был вновь привлечен к административной ответственности за повторное управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления по ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ. 22 сентября 2021 г. С. вновь допустил такое же правонарушение и судом был подвергнут административному взысканию по ч. 2 ст. 18.14 КоАП РБ. Все административные взыскания С. были исполнены в полном размере. Однако 18 октября 2021 г. в отношении С. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 317² УК РБ, и по приговору суда С. был признан виновным. На предварительном следствии и в ходе судебного заседания С. свою вину не признал и указывал на то, что административные правонарушения 5 марта и 26 апреля 2021 г. были совершены им до вступления в силу изменений в УК и эти правонарушения

не могут составлять административную преюдицию. Более того, как указывал сам обвиняемый, по третьему факту – правонарушению, совершенному 22 сентября 2021 г., он уже был подвергнут административной ответственности, поэтому С. не мог быть наказан в уголовно-правовом порядке и привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 317² УК РБ [1].

Позиция, которая может быть высказана против обозначенной точки зрения, основана на следующих доводах и аргументах.

Согласно ч. 3 ст. 9 УК РБ «закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, совершившего это деяние, обратной силы не имеет». Такое же правило зафиксировано в ст. 10 УК РФ. Здесь принципиальный момент состоит в том, что закон не имеет обратной силы, когда он *иным образом ухудшает положение лица*. Именно таким образом следует толковать ситуации, связанные с административной преюдицией, т. е. акцент делается на том, что формально лицо должно быть привлечено к административной ответственности уже после того, когда уголовно-правовая норма была введена в УК. Потому как подобная ситуация как раз таки связана с тем, что ухудшается положение лица. На наш взгляд, это пока единственное основание, которое может свидетельствовать в пользу неприменения ст. 317² УК РБ к случаям, связанным с привлечением лица к административной ответственности до введения нормы с административной преюдицией в уголовный закон.

Но второе основание может касаться понимания ч. 1 ст. 9 УК РБ, и связано оно со временем совершения преступления. Общее правило, зафиксированное в ч. 1 ст. 9 УК РБ, гласит, что «преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Временем совершения деяния признается время осуществления общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». Об этом же сказано и в ст. 9 УК РФ.

То есть речь идет об общественно опасном действии (бездействии), которое и имеет существенное значение. Вопрос только состоит в том, как понимать это действие в составе преступления с признаками административной преюдиции. Если исходить из того, что преступление составляет не один разовый случай, а все три (применительно к ст. 317² УК РБ), то именно все эти три случая нарушения административного законодательства в совокупности образуют преступление, а не в отдельности. Некую аналогию (хотя весьма условную) здесь можно проводить с криминализацией действий, которые ранее не предусматривали признака административной преюдиции, а при принятии нового закона такой признак стал обязательным для привлечения лица к уголовной ответственности.

Так, А. признан виновным в разбое, причинившем ущерб в особо крупном размере, умышленном убийстве из корысти, совершенном с

особой жестокостью, ношении иного холодного оружия без соответствующего разрешения, похищении у граждан паспортов. В протесте заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь ставился вопрос об изменении состоявшихся судебных решений в части осуждения по ч. 3 ст. 213 УК 1960 г. в связи с изменением законодательства. Рассмотрев дело и обсудив протест, Президиум Верховного Суда Республики Беларусь находит протест подлежащим удовлетворению исходя из следующего. Законом Республики Беларусь от 18.07.2000 «О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь» (далее – Закон) с 1 января 2001 г. введен в действие Уголовный кодекс 1999 г. В силу положений п. 3 ч. 1 ст. 4 Закона подлежат освобождению от наказания лица, осужденные по Уголовному кодексу 1960 г. до 1 января 2001 г. за деяние, которое согласно Уголовному кодексу 1960 г. признавалось преступлением, но не имело среди характеризующих его признаков административную преюдицию и в соответствии с Уголовным кодексом признается преступлением, если оно совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же деяние. Согласно ч. 1 ст. 296 УК 1999 г. уголовная ответственность установлена за незаконное ношение холодного оружия, если оно имело место в течение года после наложения административного взыскания за такие же действия. Как видно из материалов дела, А. признан виновным в том, что без соответствующего разрешения в течение 8–9 августа 1999 г. носил при себе нож, являющийся холодным оружием. К административной ответственности за такие действия он не привлекался. Учитывая правила об обратной силе уголовного закона, предусмотренные ч. 2 ст. 9 УК РБ 1999 г., Президиум Верховного Суда Республики Беларусь постановил освободить А. от наказания, назначенного по ч. 3 ст. 213 УК 1960 г. [2].

Это положение имеет свое обоснование как в доктрине уголовного права, так и в законодательстве. Косвенное тому подтверждение мы можем найти в ч. 2 ст. 66 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», где сказано, что «придание обратной силы нормативному правовому акту не допускается, если он предусматривает введение или усиление ответственности граждан и юридических лиц за действия, которые на момент их совершения не влекли указанную ответственность или влекли более мягкую ответственность. Нормативные правовые акты, иным образом ухудшающие положение граждан и юридических лиц (возлагающие дополнительные (увеличенные) по сравнению с ранее существовавшими обязанности или ограничивающие в правах либо лишаящие имеющихся прав), не имеют обратной силы, если иное не предусмотрено законодательными актами».

Однако более точное указание по этому вопросу можно вывести, обратившись к ст. 7 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. № 424-З

«О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь», где буквально сказано следующее: «При применении статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь с административной или дисциплинарной преюдицией, не содержащихся на 1 января 2001 года в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1960 года, лицо признается не подвергавшимся административному или дисциплинарному взысканию, если оно наложено на него до 1 января 2001 года». Дословное прочтение данного положения свидетельствует о том, что если вводится уголовно-правовая норма с административной преюдицией в текст закона, то административные правонарушения, которые образуют в последующем преступление, должны быть совершены после вступления в силу уголовного закона, предусматривающего состав преступления с признаками административной преюдиции.

Некоторые юристы даже стали называть это правило универсальным. Таким образом, констатируется, что закон, устанавливающий уголовную ответственность за административное правонарушение на основе его повторного совершения в состоянии административно-правового рецидива, распространяет свое действие только на указанные в этой статье деяния, совершенные после вступления в силу этого закона. Такой закон не имеет обратной силы. При этом важно подчеркнуть, что данное правило касается и первичного правонарушения, составляющего уголовно-правовую основу преюдициальности [3, с. 72].

Трудно не заметить, что данный подход основан на понимании административной преюдиции как составной части объективной стороны состава преступления. Он базируется на так называемом накопительном деятельно-субъективном способе признания противоправного деяния в качестве преступного в случае совершения лицом административного правонарушения в состоянии административно-правового рецидива. Таким образом, такая система уголовно-правовой криминализации повторно совершаемого деяния основана на ступенчатой оценке преюдициальных последствий административной ответственности лица за предыдущее (такое же) деяние, которая оказалась нерезультативной в отношении этого субъекта. Поэтому, как отмечает В. М. Хомич, «преюдиция в уголовном праве – объективный признак уголовной противоправности, основанный на свойствах повторяемости деяния-правонарушения порождать при определенных условиях новое правовое состояние (качество) правонарушающего деяния. Таким условием в данном случае является не просто повторное совершение лицом административного правонарушения, а повторное совершение этого же правонарушения в состоянии административно-правового рецидива. Вследствие чего совершаемое повторно это правонарушение аккумулируется (объективируется) в более дерзком по степени опасности и противоправности виде –

в виде совершения уголовно-противоправного деяния (преступления)» [3, с. 72].

Сказанное означает, что в таком случае преступлением признается не одно деяние, а все три (или два) акта в совокупности, которые приобретают новое свойство. А раз два предыдущих акта (деяния) были совершены до момента вступления в силу новой уголовно-правовой нормы с признаками преюдиции, то и для констатации преступления необходимо, чтобы все противоправные акты (деяния), в том числе и первичные административные правонарушения, были совершены после введения правовой нормы в уголовный закон.

Вместе с тем, если исходить из того, что существенное значение в данном случае имеет личность правонарушителя, и собственно говоря, административная преюдиция связана с субъектом правонарушения, а не с признаками объективной стороны, то ситуация коренным образом меняется, и тогда уже решающее значение имеет факт совершения последнего административного правонарушения, которое и образует в последующем преступление. Но преступлением оно является не ввиду кратности совершаемых действий, а исходя из опасности лица, его учинившего. Отчасти такой подход мы можем наблюдать в науке уголовного права и правоприменительной практике Российской Федерации.

Так, Ю. Е. Пудовочкин при рассмотрении указанной проблемы делает упор на совсем другом обстоятельстве и говорит о том, что «лицо, совершившее административный проступок до введения в действие нормы уголовного закона о преступлении с административной преюдицией, осознает опасность такого проступка, осознает оно и свой особый правовой статус лица, подвергнутого административному наказанию. После вступления в силу соответствующих положений УК такое лицо при исполнении конституционной обязанности соблюдения надлежащим образом требований принятого и опубликованного закона должно осознавать правовые последствия совершения аналогичного административного проступка, причем именно им. Следовательно, оно всегда имеет возможность осознанного выбора того или иного варианта поведения, в связи с чем принципы законности и личной виновной ответственности не будут нарушены в таком случае, если первый административный проступок лицо совершает до включения в УК нормы с административной преюдицией, а второй проступок – после» [4, с. 18–19]. Вместе с тем вопрос в данном случае о том, нарушаются ли принципы законности и виновности – весьма спорный, притом, что если начать его толковать по признакам того, что все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, ситуация может измениться коренным образом.

Формально в данном вопросе можно сослаться и на правоприменительную практику Российской Федерации, и в частности, на определение Конституционного Суда Российской Федерации от

27 июня 2017 г. № 1410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», где акцентировано внимание на том обстоятельстве, что «любое привлечение к уголовной ответственности предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть присущи ему в момент совершения; составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние, не предполагают возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию; конструкция этих составов увязывает наступление уголовно-правовых последствий соответствующего противоправного деяния с совершением его лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение» [5].

Следовательно, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовная ответственность лица, управляющего транспортным средством и не выполнившего законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, связана, в частности, с тем, что на момент совершения этого деяния лицо было подвергнуто административному наказанию, т. е. с наличием у такого лица состояния административной наказанности. Это не означает наступления уголовной ответственности за те ранее совершенные нарушения, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию. Таким образом, ст. 264.1 УК РФ, допускающая возможность привлечения к уголовной ответственности лица, подвергнутого административному наказанию за соответствующее административное правонарушение до вступления этой нормы в силу, но находящегося в состоянии административной наказанности за него на момент совершения предусмотренного этой нормой деяния, не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Верховный Суд Российской Федерации также предлагает идти по указанному пути и учитывать для целей ст. 264.1 УК РФ административное наказание, назначенное лицу до 1 июля 2015 г. за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. При этом он исходит из того, что поскольку лицо, подвергнутое административному наказанию за указанное правонарушение до 1 июля 2015 г., совершая аналогичное правонарушение после 30 июня 2015 г., *осознает*,

что совершает уголовно наказуемое деяние, запрещенное ст. 264-1 УК РФ [6].

Тем не менее нам представляется, что вопрос здесь не заключается только в характере осознания лицом опасности совершенного им проступка и выборе того или иного варианта поведения. Важен другой аспект проблемы. Если мы отрицаем то, что административная преюдиция является элементом объективной стороны состава преступления и не рассматриваем ее как некое сложное единичное преступление, то тогда логичнее было бы исходить из посыла о том, что ключевым в понимании административной преюдиции является субъект преступления (или квазиспециальный субъект). Прямую аналогию в этом случае можно проводить с рецидивом преступлений.

В данной ситуации важно то, что при установлении преступления с признаками административной преюдиции в расчет принимаются те черты личности, которые предопределяют его противоправное поведение. При этом мы должны говорить об общественной опасности субъекта, совершившего многократное повторение одного и того же проступка. И здесь каждое последующее кратное правонарушение влечет наступление уголовной ответственности не по причине перерастания количества в качество, а потому, что опасно само лицо, допустившее многократное нарушение закона. Безусловно, такое лицо осознает характер допускаемых им нарушений и то, что оно уже ранее привлекалось к ответственности. При этом нужно исходить из того, что если сегодня при дифференциации уголовной ответственности мы учитываем опасные свойства личности, то такой же подход следует применять и при криминализации общественно опасных деяний. А это может свидетельствовать только о том, что факт предшествующего привлечения лица к административной ответственности не ухудшает положение лица при решении вопроса о криминализации того или иного поведения. Здесь опасно само лицо, имеющее предшествующую административную наказанность, и если это лицо в очередной раз допускает нарушение одного и того же правила, оно должно влечь, при определенных условиях, более строгую ответственность.

Именно по этой причине законодатель предусматривает возможность усиления уголовной ответственности в отношении лица за очередное совершение им умышленного деяния в период административной наказанности. Соответственно, если такое лицо демонстративно игнорирует существующие предписания и сознательно их нарушает, противопоставляя себя окружающим, то речь необходимо вести не столько об опасности совершенного деяния (оно все равно остается проступком, независимо от того, кто конкретно его совершил и в каком случае), сколько об опасности лица, многократно его совершающего [7; 8]. Административное правонарушение так и остается таковым вне времени совершения лицом

последующих противоправных действий. И эти противоправные действия влекут самостоятельную правовую оценку и никоим образом не связаны с ухудшением положения лица, совершившего очередное деяние, но наказываемое теперь в уголовно-правовом, а не в административном порядке.

Можно поставить вопрос и иначе. Что помешается в сущностном плане, если лицо совершит административное правонарушение, а потом повторит его, и это уже будет влечь уголовную ответственность в период, когда в уголовный закон будет введена норма с признаками административной преюдиции? И эту ситуацию мы сравниваем с той, когда изначально административное правонарушение было совершено виновным лицом до введения нормы с административной преюдицией в УК, а второе деяние было совершено уже после этого факта. В количественно-качественном отношении ничего не меняется, т. к. неизменной остается сущность самого деяния и лица, его совершившего. Почему тогда мы ведем речь об ухудшении положения лица в одном из случаев? Ведь общественная опасность преступления определяется не только сугубо совершенным деянием, но и тем, какой эффект может воспроизвести многократно повторяемое деяние в рамках запрещаемой модели поведения [9; 10].

Таким образом, сегодня мы вынуждены констатировать, что административная преюдиция в большей степени связана с общественной опасностью лица, совершившего деяние, а не с самим деянием как таковым, ибо общественная опасность связана не только с деянием, но и с личностью деятеля. Иначе говоря, принципиальное значение в рассматриваемом вопросе имеет не объективная сторона состава преступления, а специальный субъект преступления – лицо, допустившее тождественное, повторное деяние, за которое ранее оно привлекалось к административной ответственности.

Применительно же к рассматриваемому примеру о привлечении лица одновременно к уголовной и административной ответственности отметим следующее. Вопрос этот следует рассматривать через широко известный принцип *non bis in idem* (никто не может быть привлечен к ответственности дважды за одно и то же). И если исходить из того, что, как следует из вышеприведенного примера, правоприменитель решил, что действия С. являются административным правонарушением, и привлек виновного к административной ответственности, то он тем самым обозначил свою позицию относительно того, что кратность административных правонарушений, которая образует признаки уголовно наказуемого деяния в соответствии со ст. 317² УК РФ, должна иметь место после введения уголовно-правового запрета в текст УК. Однако другой правоприменитель решил иначе.

Тем не менее привлечение лица к административной (а в ряде случаев к иной публично-правовой ответственности) за совершенное правона-

рушение исключает повторное привлечение лица к уголовной ответственности за это же деяние. Вступившее в силу и не отмененное решение о привлечении лица к административной ответственности за совершение деяний, вмененных ему в вину органами предварительного следствия, является препятствием для вынесения приговора (в нашем случае в части осуждения С. по ч. 1 ст. 317² УК РБ).

Следовательно, привлечение лица к административной ответственности возможно только при условии отсутствия в деянии признаков состава преступления. Привлечение лица по одному и тому же основанию одновременно к уголовной и административной ответственности недопустимо.

Полагаем, что это правило в полной мере касается и составов преступлений, предусматрива-

ющих признаки административной преюдиции. Независимо от того, как понимать административную преюдицию в структуре преступления (как признак объективной стороны или как признак специального субъекта преступления), факт привлечения лица за повторное или неоднократное правонарушение именно к административной, а не к уголовной ответственности не может в дальнейшем служить повторным основанием для того, чтобы виновное лицо уже за совокупность повторяемых тождественных деяний было привлечено к уголовной ответственности. Это лицо за каждый такой факт уже было привлечено к административной ответственности и подвергнуто взысканию. По этой причине никто не может нести дважды ответственность за одно и то же деяние.

Библиографический список

1. Приговор суда Центрального района г. Минска от 24 ноября 2021 г. Уголовное дело № 2-1/415.
2. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 сентября 2012 г. Доступ из СПС «Эталон».
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск: НЦПИ, 2019. 1000 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2017 года № 1410-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
6. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 159.4 в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 года №32-П и статьи 264.1 УК РФ. Утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 31.07.2015. URL: <https://www.vsrp.ru/files/15028/>.
7. Хилюта В. В. Административная преюдиция в структуре состава преступления // Уголовное право. 2021. № 7 (131). С. 56–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46374431>.
8. Хилюта В. В. Феномен административной преюдиции в контексте понимания сущности преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 117–136. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136>.
9. Лобанова Л. В., Лепская М. Ю. Некоторые аспекты использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 63–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32739071>.
10. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Право. 2011. № 2. С. 39–52.

References

1. *Prigovor suda Tsentral'nogo raiona g. Minska ot 24 noyabrya 2021 g. Ugolovnoe delo № 2-1/415* [Verdict of the Central District Court of Minsk dated November 24, 2021. Criminal case № 2-1/415] [in Russian].
2. *Postanovlenie Prezidiuma Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus' ot 23 sentyabrya 2012 g.* [Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Belarus as of September 23, 2012]. Retrieved from LRC «Etalon» [in Russian].
3. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskii kommentarii / pod red. V. M. Khomicha, A. V. Barkova, V. V. Marchuka* [Khomich V. M., Barkov A. V., Marchuk V. V. (Eds.) Criminal Code of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary]. Minsk: NTsPI, 2019, 1000 p. [in Russian].
4. Pudovochkin Yu. E. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii s administrativnoi preyuditsiei (sudebnaya praktika)* [Problems of characterization of crimes with administrative precedence (judicial practice)]. Moscow: Yurлитinform, 2022, 208 p. [in Russian].
5. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24 iyunya 2017 goda № 1410-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Avramenko Vladimira Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ei 264.1*

Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as of June 24, 2017 № 1410-О «On refusal to accept the complaint of citizen Avramenko Vladimir Nikolaevich about violation of his constitutional rights by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017-n-1410-o/> [in Russian].

6. *Otvet na voprosy, postupivshie iz sudov, po primeneniyu polozhenii stat'i 159.4 v svyazi s postanovleniem Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2014 goda №32-P i stat'i 264.1 UK RF. Utverzhdeny Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 31.07.2015* [Answers to the questions received from the courts on the application of the provisions of Article 159.4 in connection with the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation as of December 11, 2014 № 32-P and Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 31.07.2015]. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/15028/> [in Russian].

7. Khilyuta V. V. *Administrativnaya preyuditsiya v strukture sostava prestupleniya* [Administrative precedence in the structure of the corpus delicti]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 7 (131), pp. 56–63. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46374431> [in Russian].

8. Khilyuta V. V. *Fenomen administrativnoi preyuditsii v kontekste ponimaniya sushchnosti prestupleniya* [Phenomenon of administrative prejudice in the context of understanding the essence of crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2021, vol. 5, no. 17, pp. 117–136. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2021-5-17-117-136> [in Russian].

9. Lobanova L. V., Lepskaya M. Yu. *Nekotorye aspekty ispol'zovaniya administrativnoi preyuditsii v ugovnom zakonodatel'stve* [Some aspects of the use of administrative precedence in the criminal legislation]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2017, no. 6, pp. 63–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32739071> [in Russian].

10. Bezverkhov A. G. *Administrativnaya preyuditsial'nost' v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: istoki, realii, perspektivy* [Administrative precedence in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya Pravo*, 2011, no. 2, pp. 39–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17857972> [in Russian].

КРИМИНОЛОГИЯ CRIMINOLOGY

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-29-33

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

Дата поступления: 17.10.2021
рецензирования: 23.11.2021
принятия: 21.03.2022

Особенности насильственной преступности в местах лишения свободы

Т. И. Егорова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Рязань, Российская Федерация
E-mail: madamiti62@yandex.ru

Аннотация: В данной статье анализируются проблемы насильственной преступности в местах лишения свободы. Автором исследуются особенности ее содержательной характеристики. Актуальность темы обусловлена распространенностью в пенитенциарной практике психологических явлений, проявляющихся в условиях концентрированной изоляции криминально деформированных лиц. В работе затрагиваются вопросы криминальной субкультуры, имеющей особые закономерности проявления в исправительных учреждениях. В то же время общей отличительной особенностью негласного воздействия преступности является насильственный характер поддержания авторитета среди тюремного населения. Отмечается, что лишение свободы само по себе также обладает потенциалом негативного влияния на конфликтность пенитенциарной среды, обусловленной депривационными психологическими процессами. Автором подтверждается гипотеза о том, что в местах лишения свободы формируются особенности личности насильственных преступников, обусловленные прошлым преступным опытом, отношением к порядку отбываемого наказания, нормам и правилам социального взаимодействия.

Ключевые слова: лишение свободы; насильственная преступность; пенитенциарная субкультура; конфликтность; депривация; осужденные; личность преступника.

Цитирование. Егорова Т. И. Особенности насильственной преступности в местах лишения свободы // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-29-33>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Егорова Т. И., 2022

Татьяна Игоревна Егорова – кандидат юридических наук, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.10.2021
Revised: 23.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Features of violent crime in places of deprivation of liberty

T. I. Egorova

Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
E-mail: madamiti62@yandex.ru

Abstract: This article analyzes the problems of violent crime in places of deprivation of liberty. The author investigates the features of its content characteristics. The relevance of the topic is due to the prevalence of psychological phenomena in penitentiary practice, manifested in conditions of concentrated isolation of criminally deformed persons. The paper touches upon the issues of criminal subculture, which has special patterns of manifestation in correctional institutions. At the same time, a common distinguishing feature of the tacit impact of crime is the violent nature of maintaining authority among the prison population. It is noted that deprivation of liberty in itself also has the potential of a negative impact on the conflict of the penitentiary environment caused by derivational psychological processes. The author confirms the

hypothesis that in places of deprivation of liberty, the personality characteristics of violent criminals are formed due to past criminal experiences.

Key words: incarceration; violent crime; penitentiary subculture; conflict; deprivation; convicts; criminal identity.

Citation. Egorova T. I. *Osobennosti nasil'stvennoi prestupnosti v mestakh lisheniya svobody* [Features of violent crimes in places of deprivation of liberty]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-29-33> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Egorova T. I., 2022

Tatiana I. Egorova – Candidate of Legal Sciences, doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia, 1, Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Безопасность осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одним из условий эффективности государственного принуждения. При этом осуществляется уголовно-правовая охрана личности, имеющая своими задачами «недопущение новых преступлений, искоренение преступности, повышение уровня защищенности граждан, общества и государства от преступных посягательств и т. д.» [1, с. 70].

Современные тенденции гуманизации уголовного наказания закономерно привели к тому, что в местах лишения свободы сосредоточены наиболее опасные преступники, отбывающие наказание за совершение рецидива преступлений, имеющие прошлый тюремный опыт. В таких условиях неформальная стратификация тюремного населения, объединенного в условиях изоляции по гендерному признаку и признакам тяжести совершенных преступлений, обладает определенными особенностями, влияющими на правопорядок и безопасность исполнения наказания [2–10].

Особое место в структуре противоправных проявлений в местах лишения свободы принадлежит насильственным деликтам, среди которых традиционно выделяются преступления против жизни, здоровья и половой свободы. Основную роль в этом сыграли преступления против личности, занявшие ведущее положение в системе пенитенциарного насилия [11, с. 89]. Некоторые авторы отмечают определенные закономерности посягательств рассматриваемой категории, которые характеризуются низкими количественными показателями преступлений против личности, совершаемых в местах лишения свободы, с одновременным интенсивным увеличением их удельного веса и уровня [12, с. 20; 13, с. 18; 14, с. 17 и др.]. Как представляется, данные особенности связаны с лимитированной степенью свободы осужденных, отбывающих наказание, ограничением их возможности наносить ущерб общественным отношениям в большинстве иных сфер жизнедеятельности. Кроме того, существует теория, согласно которой осужденные, отбывающие в местах лишения свободы первый срок наказания за преступления корыстной направленности, например, «за время отбывания наказания не только не исправляются, а наоборот – становятся свидетелями и участниками скрытых от учета насильственных преступлений, а длительные сроки изоляции способствуют привыканию к криминальной субкультуре, после чего освобожденный,

без должного административного контроля и поддержки в ресоциализации, вновь совершает преступление и в том числе уже против личности» [6, с. 41].

Изучение судебной практики и отечественного пенитенциарного опыта показывает, что наличие неформальной субкультуры в местах лишения свободы является столь же очевидным фактом, как законное принуждение в период отбывания наказания. Наиболее открыто она проявляется в условиях недоверия к сотрудникам УИС, отсутствия необходимого социального сопровождения, ослабляя мотивацию осужденных к правопослушному поведению, влияя не только на поведение в местах лишения свободы, но и жизнь после освобождения [6, с. 17; 7, с. 79].

Основным аргументом криминальной субкультуры является применение насилия к лицам, противодействующим или не подчиняющимся обычаям и традициям преступного мира, создавая для положительно характеризующихся осужденных «проблемы независимого поведения в период нахождения в местах лишения свободы» [8, с. 115]. В результате подавляется воля потерпевшего или возникает ответная агрессия. Поведение осужденных, находящихся под негласным принуждением, контролируется в рамках криминально полезного круга потребностей, затрудняя или делая невозможной реализацию социальных возможностей наказания.

Вместе с тем изоляция сама по себе оказывает криминологически значимое влияние на поведение осужденных, создавая ситуацию, при которой ограничиваются ситуативные и ролевые возможности самореализации личности, нуждающейся в постоянном развитии. Однообразие круга общения, обстановки и событий создает предпосылки для различного рода деприваций. Наиболее значимой в криминальном плане в условиях исправительного учреждения является социальная депривация, блокирующая «смысложизненные ориентации и в свою очередь культурные ценности» [9, с. 117]. Отсутствие значимого контроля и возможности управления своей жизнью в условиях изоляции приобретает для осужденных фатальное значение, предопределяющее их принудительное подчинение порядку исполнения наказания.

Высокий уровень психологической напряженности среди тюремного населения, таким образом, связан, с одной стороны, с особенностями контингента, отбывающего наказание в исправительных

учреждениях, а с другой стороны, со специфическим воздействием самого наказания в виде лишения свободы.

С учетом данного обстоятельства, возможно выделить четыре типа личности осужденных, проявляющих агрессию при отбывании наказания.

К первому типу относятся осужденные, имеющие существенную криминальную деформацию. Инициирование ими конфликтов и демонстрация насилия при их разрешении является формой устрашения окружающих. Осужденным данного типа достаточно незначительного повода для того, чтобы создать конфликтную ситуацию, результатом которой является совершение преступления против жизни и здоровья. Нередко они сами дестабилизируют ситуацию и совершают преступления под воздействием внезапно возникшего умысла. Среди рассмотренных случаев совершения осужденными преступлений против жизни и здоровья в пенитенциарных учреждениях, по данным В. А. Унтерова, 41 % совершены именно осужденными данного типа [10, с. 142]. Кроме того, отрицательно характеризующиеся осужденные используют способы не только физического, но и сексуального насилия для поддержания своего авторитета.

Так, приговором Metallургического районного суда г. Челябинска от 29 июня 2018 г. по уголовному делу 1-45/2018 виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «д, з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, признан Д. И. Н., отбывающий наказание в местах лишения свободы за совершение корыстно-насильственных и насильственных преступлений, характеризующийся отрицательно. В процессе предварительного следствия и судебного разбирательства установлено, что осужденный, нарушая распорядок дня, находясь после отбоя в комнате приема пищи, смотрел телевизор. После выключения телевизора старшим дневальным Д. И. Н. из хулиганских побуждений, молча подошел к потерпевшему и нанес ему два удара в область живота и груди имеющейся у него острой металлической пластиной¹.

Ко второму типу относятся отрицательно или нейтрально характеризующиеся осужденные, однако, не отличающиеся особенной агрессивностью. Акты совершенных ими насильственных действий являются в большинстве случаев реакцией на возникновение конфликтных ситуаций, носят обдуманный и спланированный характер. Большинство преступлений против жизни и здоровья совершаются именно данной категорией осужденных. В ряде случаев для них характерно стремление сменить место отбывания наказания или режим содержания.

Так, приговором Рязанского районного суда Рязанской области от 10 июля 2018 г. по уголовному делу № 1-18/2018 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, признан Я. А. А., отбываю-

щий наказание в виде лишения свободы, ранее отбывавший наказание в воспитательной колонии. В процессе предварительного следствия и судебного разбирательства установлено, что осужденный, характеризуясь отрицательно, имея намерение перевестись в исправительное учреждение более строгого режима, приискал заточку и совершил нападение на своего знакомого, отбывающего наказание в том же исправительном учреждении, причинив ему множественные ранения жизненно важных органов².

К третьему типу осужденных относятся «ситуативные» насильственные преступники. Они в большинстве случаев отбывают наказание за насильственные посягательства, характеризуются положительно, стремятся соблюдать режим отбывания наказания. Преступления против личности они совершают в связи с обострением конфликтной ситуации, ложно понимая интересы защиты личных интересов, чести и достоинства. Данная группа осужденных составляет наименьшую часть насильственных преступников.

Так, приговором Рубцовского городского суда Алтайского края от 6 марта 2019 г. по уголовному делу № 1-31/2019 виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, признан А. Д. А., отбывающий наказание в виде лишения свободы. В ходе предварительного следствия и судебного разбирательства установлено, что осужденный, характеризуясь положительно, выполняя трудовые обязанности электромонтера в исправительном учреждении, оказывал услуги другим осужденным по ремонту мелкой электротехники. В связи с дефицитом запчастей он не осуществил ремонт наушников, переданных ему потерпевшим. В ходе возникшего конфликта А. Д. А. молотком нанес последнему удары в область головы³.

В современное время, к сожалению, возможно выделить четвертую группу осужденных, совершающих насильственные преступления в местах лишения свободы. К ним относятся осужденные, которые положительно характеризуются, содействуют администрации учреждения в применении средств исправления. Насилие, применяемое с их стороны к осужденным, осуществляется в рамках функционирования «так называемых пресс-хат или пресс-зон, где подвергаются насилию и издевательствам осужденные» [11, с. 31], выступает незаконным способом обеспечения дисциплины и порядка при исполнении наказания.

Так, приговором Заволжского районного суда г. Ярославля от 30 мая 2018 г. по уголовному делу № 1-81/2018 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, признан С. А. Д., отбывающий наказание в виде лишения свободы за совершенные ранее преступления. В ходе предварительного следствия и судебного раз-

¹ Приговор Metallургического районного суда г. Челябинска от 29 июня 2018 г. по делу № 1-45/2018 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2018 г.

² Приговор Рязанского районного суда Рязанской области от 10 июля 2018 г. по делу № 1-18/2018 // Архив Рязанского районного суда Рязанской области за 2018 г.

³ Приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 6 марта 2019 г. по делу № 1-31/2019 // Архив Рубцовского городского суда Алтайского края за 2019 г.

бирательства установлено, что осужденный в период отбывания наказания характеризовался удовлетворительно и положительно, состоял с должности старшего дневального карантинного отделения исправительного учреждения. Выполняя свои обязанности, он распределил вновь прибывших осужденных на двухчасовые обязательные работы, выполнять которые потерпевший категорически отказался, считая для себя унижительным мытье полов. В ходе склонения потерпевшего к соблюдению требований уголовно-исполнительного законодательства между осужденными возник конфликт, в результате которого С. А. Д. нанес потерпевшему ряд боксерских ударов кулаками в область головы. От полученных телесных повреждений у потерпевшего развилось угрожающее для жизни состояние, приведшее к смерти⁴.

Насильственные преступления, типичные для общеуголовной преступности, в исправительных учреждениях имеют определенную специфику. Посягая на личность осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, «они дискредитируют органы власти как неспособные обеспечить безопасность осужденных, срывают задачи по исправлению осужденных и предупреждению преступлений» [12, с. 4]. Как показало исследование, проведенное И. В. Игишевым, «преступ-

⁴ Приговор Заволжского районного суда г. Ярославля от 30 мая 2018 г. по делу № 1-81/2018 // Архив Заволжского районного суда г. Ярославля за 2018 г.

ным действиям предшествуют многочисленные нарушения режима содержания, выражающиеся в употреблении наркотических средств, спиртных напитков, изготовлении, приобретении и ношении колюще-режущих предметов, за что осужденные переводятся в тюрьму, неоднократно водворяются в штрафной изолятор, помещения камерного типа [13, с. 16].

Ограниченный характер прав и свобод в условиях изоляции, фактическое отсутствие частной жизни делает личность беззащитной перед криминальным воздействием представителей негласной субкультуры. Лишь надлежащая организация порядка и условий отбывания наказания способны обеспечить безопасность и правопорядок, ресоциализационную ориентацию личности осужденного [14, с. 43].

Таким образом, можно отметить, что особенности насильственной преступности в местах лишения свободы имеют специфические черты, которые касаются различных аспектов их характеристики. В частности, изоляция осужденных в исправительных учреждениях определяет наличие особых психологических явлений, обостряющих личные взаимоотношения осужденных. С позиции криминально деформированной личности возникающие конфликты воспринимаются более остро. Подобные закономерности имеют исключительно важное значение для обеспечения безопасности и правопорядка при исполнении отбывания наказания.

Библиографический список

1. Бытко С. Ю. К вопросу о возможности исправления осужденных // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1 (52). С. 68–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-ispravleniya-osuzhdennyh>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25582604>.
2. Уваров И. А. Преступления против личности в структуре пенитенциарного насилия (проблемы современного понимания) // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 87–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38469239>.
3. Белов В. И. Предупреждение преступлений осужденных, отбывающих лишение свободы в тюрьмах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005454064.pdf.
4. Мажкенов А. К. Противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью, совершаемым осужденными в исправительных учреждениях: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. URL: <https://www.disserscat.com/content/protivodeistvie-prestupleniyam-prichinyayushchim-vred-zdorovyu-sovershaemym-osuzhdennymi-v-i/read>.
5. Мошков Т. А. Насилие в местах лишения свободы и его уголовно-правовая оценка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004903817.pdf.
6. Виктимологическое предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в местах лишения свободы: учебное пособие. Иркутск: Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019.
7. Адоевская О. А. Ресоциализационная подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 77–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-77-82>.
8. Некрасов А. П. Причинный механизм преступности несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2, № 1. С. 112–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28930777>; <https://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/4981>.
9. Калининко А. А. Смыслоразнозначные ориентации осужденных пенитенциарных учреждений, находящихся в условиях длительной социальной депривации // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. № 26. С. 118–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20801656>.
10. Унтеров В. А. Некоторые особенности и типология лиц, совершающих преступления в пенитенциарных учреждениях // Вестник Самарского юридического института. 2016. № 3 (21). С. 140–144. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27126354>.
11. Рябков Е. М., Мищенко Л. В. Нравственные аспекты оперативно-розыскной работы в свете реформ пенитенциарной системы и соблюдения прав человека // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1 (22). С. 30–32. URL: <https://vui.fsin.gov.ru/upload/territory/Vui/vestnik/2012/Vestnik-2012-1.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17587965>.

12. Ишигеев В. С. Проблемы теории и практики расследования преступлений против личности, совершенных в местах лишения свободы (уголовно-правовые и криминалистические аспекты). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002.
13. Ишигеев В. С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002638442.pdf.
14. Пивоварова А. А. Практика назначения уголовного наказания лицам, повторно совершившим преступления, с точки зрения обеспечения ресоциализации // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 41–46. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-41-46>

References

1. Bytko S. Yu. *K voprosu o vozmozhnosti ispravleniya osuzhdennykh* [The Issue of Offenders' Correction Possibility]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2016, no. 1 (52), pp. 68–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-ispravleniya-osuzhdennykh>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25582604> [in Russian].
2. Uvarov I. A. *Prestupleniya protiv lichnosti v strukture penitentsiarnogo nasiliya (problemy sovremennogo ponimaniya)* [Crimes against the person in the structure of penitentiary violence (problems of modern understanding). *Kriminalist* [The Criminalist], 2019, no. 1 (26), pp. 87–91. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38469239> [in Russian].
3. Belov V. I. *Preduprezhdenie prestuplenii osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody v tyur'makh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Prevention of crimes of convicts serving imprisonment in prisons: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2012. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005454064.pdf [in Russian].
4. Mazhkenov A. K. *Protivodeistvie prestupleniyam, prichinyayushchim vred zdorov'yu, sovershaemym osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Countering crimes that cause harm to health committed by convicts in correctional institutions: criminal law and criminological aspects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2011. Available at: <https://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-prestupleniyam-prichinyayushchim-vred-zdorovyu-sovershaemym-osuzhdennymi-v-i/read> [in Russian].
5. Moshkov T. A. *Nasilie v mestakh lisheniya svobody i ego ugolovno-pravovaya otsenka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Violence in places of deprivation of liberty and its criminal legal assessment: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2010. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004903817.pdf [in Russian].
6. *Viktimologicheskoe preduprezhdenie nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh v mestakh lisheniya svobody: uchebnoe posobie* [Victimological prevention of violent crimes committed in places of deprivation of liberty: textbook]. Irkutsk: Irkut. in-t (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2019 [in Russian].
7. Adoevskaya O. A. *Resotsializatsionnaya podgotovka osuzhdennykh k osvobozhdeniyu ot otbyvaniya nakazaniya* [Resocialization preparation of convicts to exemption from serving punishment]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 1, pp. 77–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-77-82> [in Russian].
8. Nekrasov A. P. *Prichinnyi mekhanizm prestupnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'nykh koloniyakh* [Causative mechanism of juvenile delinquency convicted in juvenile correctional faculties]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2016, vol. 2, no. 1, pp. 112–117. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28930777>; <https://journals.ssau.ru/index.php/jjsu/article/view/4981> [in Russian].
9. Kalinenko A. A. *Smyslozhnennye orientatsii osuzhdennykh penitentsiarnykh uchrezhdenii, nakhodyashchikhsya v usloviyakh dlitel'noi sotsial'noi deprivatsii* [Meaningful life orientations of convicts of penitentiary institutions in conditions of prolonged social deprivation]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, 2012, no. 26, pp. 118–122. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20801656> [in Russian].
10. Unterov V. A. *Nekotorye osobennosti i tipologiya lits, sovershayushchikh prestupleniya v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh* [Some features and typology of perpetrators of crimes in crimes]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2016, no. 3 (21), pp. 140–144. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27126354> [in Russian].
11. Ryabkov E. M., Mishchenko L. V. *Nravstvennye aspekty operativno-rozysknoi raboty v svete reform penitentsiarnoi sistemy i soblyudeniya prav cheloveka* [Moral Aspects of Crime Detection Activity from the Point of View of Penal System's Reforms and Observing Human Rights]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law Institute], 2012, no. 1 (22), pp. 30–32. Available at: <https://vui.fsin.gov.ru/upload/territory/Vui/vestnik/2012/Vestnik-2012-1.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17587965> [in Russian].
12. Ishigeev V. S. *Problemy teorii i praktiki rassledovaniya prestuplenii protiv lichnosti, sovershennykh v mestakh lisheniya svobody (ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty)* [Problems of theory and practice of investigation of crimes against the person committed in places of deprivation of liberty (criminal law and criminalistic aspects). Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2002 [in Russian].
13. Ishigeev V.S. *Penitentsiarnye prestupleniya: kharakteristika, preduprezhdenie, otvetstvennost': avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk* [Penitentiary crimes: characteristics, prevention, responsibility: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Krasnoyarsk, 2004. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002638442.pdf [in Russian].
14. Pivovarova A. A. *Praktika naznacheniya ugolovnogo nakazaniya litsam, povtorno sovershivshim prestupleniya, s tochki zreniya obespecheniya resotsializatsii* [Practice of assigning a criminal offense for persons who have repeatedly committed crimes to ensure resocialization]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, vol. 4, no. 2, pp. 41–46. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-41-46> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-34-39

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343, 378

Дата поступления: 18.11.2021
рецензирования: 25.12.2021
принятия: 21.03.2022

Значение акта возбуждения уголовного дела: что изменилось?

В. А. Лазарева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы возбуждения уголовного дела, регламентация которого претерпела за последние годы существенные изменения, фактически превратившие проверку наличия оснований к началу предварительного расследования в его начальный этап, который осуществляется процессуальными средствами и способами, в связи с чем его результаты обрели все признаки допустимых доказательств. Это обстоятельство требует серьезного осмысления, поскольку оно не совместимо ни с общим пониманием уголовно-процессуальной деятельности, ни с постулируемыми классической теорией представлениями как о доказательствах, так и способах их собирания. Изменения в процедуре возбуждения уголовного дела влияют не только на все досудебное производство, но затрагивают существенные начала, принципы уголовного процесса в целом. В результате исследования обосновано утверждение: деятельность органов следствия и дознания, предшествующая принятию решения о возбуждении уголовного дела, сегодня имеет все признаки уголовно-процессуальной деятельности; сформулированы вытекающие из этого утверждения выводы, основной из которых заключается в необходимости пересмотра целого ряда теоретических постулатов и, очевидно, уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: доследственная проверка; возбуждение уголовного дела; предварительное следствие; дознание; уголовно-процессуальная деятельность.

Цитирование. Лазарева В. А. Значение акта возбуждения уголовного дела: что изменилось? // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-34-39>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лазарева В. А., 2022

Валентина Александровна Лазарева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2021
Revised: 25.12.2021
Accepted: 21.03.2022

Significance of the act of initiation of criminal proceedings: what has changed?

V. A. Lazareva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

Abstract: The article considers the urgent problems of initiating a criminal case, the regulation of which has undergone significant changes in recent years, which in fact turned the verification of the existence of grounds for the start of the preliminary investigation into its initial stage, which is carried out by procedural means and methods, in connection with which its results have acquired all the signs of admissible evidence. This circumstance requires serious reflection, since it is incompatible either with the general understanding of criminal procedure or with the ideas postulated by classical theory about both evidence and the ways in which they are collected. Changes in the procedure of initiating a criminal case affect not only the entire pre-trial proceedings, but also the essential principles of the criminal process as a whole. As

a result of the study, it is substantiated that the activities of the investigation and inquiry bodies, preceding the decision to initiate criminal proceedings, today have all the signs of criminal procedure; the conclusions arising from this statement are formulated, the main of which is the need to revise a number of theoretical postulates and, obviously, criminal procedure legislation.

Key words: pre-investigation check; initiation of criminal case; preliminary investigation; inquiry; criminal procedure.

Citation. Lazareva V. A. *Znachenie akta vzbuzhdeniya ugovornogo dela: chto izmenilos'?* [Significance of the act of initiation of criminal proceedings: what has changed?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-34-39> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Lazareva V. A., 2022

Valentina A. Lazareva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Дополнения, внесенные в главу 19 УПК РФ за двадцатилетний период его действия, коренным образом изменили наши представления о сути деятельности органов предварительного расследования до возбуждения уголовного дела. Сегодня уже невозможно говорить о том, что проверочная деятельность, предшествующая принятию решения о возбуждении уголовного дела, так называемая доследственная проверка не имеет процессуального характера, а полученные и зафиксированные, то есть собранные в ходе этой деятельности сведения не являются доказательствами, поскольку не соответствуют критериям допустимости, сформированным классической теорией доказательств. Можно не соглашаться с произведенными изменениями – для этого есть серьезные основания, изложенные нами в других публикациях [1–2], однако невозможно игнорировать реальность, в которой проверочная, как бы до- или внепроцессуальная в прежнем представлении, деятельность слилась с процессуальной, а ее результаты законом допущены к использованию в качестве полноценных доказательств (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), причем не только для установления признаков преступления как основания начала уголовного судопроизводства, а фактически всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, коль скоро по ряду уголовных дел разрешено не допрашивать опрошенных до возбуждения уголовного дела лиц, не назначать экспертизу по вопросам, ответ на которые дан специалистом, и не проверять доказательства, не оспариваемые участниками уголовного процесса (ч. 3 ст. 226.5 УПК).

Раз так, приходится признать, что и доказывание, как деятельность, состоящая в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления юридически значимых обстоятельств (ст. 85 УПК), тоже начинается до возбуждения уголовного дела. В чем же тогда сегодня состоит значение постановления о возбуждении уголовного дела?

Поколения юристов привыкли считать, что уголовный процесс начинается лишь в силу определенного юридического, процессуального акта уполномоченного на то органа, что уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность по уголовному делу [3, с. 29], а уголовное дело не возникает само по себе, оно должно быть возбуждено властным решением. Именно потому

УПК РСФСР (1960) до возбуждения уголовного дела в качестве исключения и лишь в случаях, не терпящих отлагательства, допускал только осмотр места происшествия. Уголовное дело в этом случае должно было быть возбуждено немедленно (ст. 178). Статья 109 УПК разрешала получение объяснений, предметов и документов, однако подчеркивала – без производства следственных действий. В силу такого регулирования вопрос о характере деятельности органов расследования до возбуждения уголовного дела не вставал. Эта деятельность не считалась уголовно-процессуальной, ибо сам уголовный процесс, как процесс по делу о преступлении, начинался лишь при наличии для этого оснований, причем не только фактического – сведений о признаках преступления, но и юридического – акта возбуждения уголовного дела. Поэтому с определенной долей условности процессуальное значение признавалось только за протоколом осмотра места происшествия и постановлением о возбуждении уголовного дела. В теории если что-то обсуждалось, то исключительно о том, можно ли использовать в качестве доказательств такие документы, как заявление о преступлении, объяснение и явка с повинной [4, с. 262–163; 5, с. 11]. Что касается документов, которые были получены путем их простого истребования или принятия органом следствия или дознания, то здесь не было, да и не могло быть острого спора, поскольку ст. 70 УПК РСФСР в качестве способов собирания доказательств наравне со следственными действиями предусматривала истребование и получение предметов и документов, а также требование о проведении ревизий и документальных проверок. Никаких различий в зависимости от того, когда получены те или иные предметы и документы – до или после возбуждения дела – не было, если для этого не применялось следственное действие: процедура была свободной, законом называлась, но не регламентировалась, как, впрочем, и сейчас (ч.ч. 2 и 3 ст. 86 УПК).

Сегодня, однако, проблема состоит уже не в том, что в уголовном процессе расширена возможность собирания доказательств в свободной от процессуальных предписаний форме, в том числе оперативно-розыскным путем (ст. 89) – это серьезная тема для отдельных исследований, а в том, что расширена возможность совершения процессу-

альных действий на этапе, предшествующем началу самого уголовного процесса. Следственные (и квазиследственные) действия стали проводиться в ходе проверки сообщения о преступлении, однако их результаты используются в целях установления оснований не только для возбуждения уголовного дела, что с определенной натяжкой можно было бы признать логичным, но и вопреки всякой логике для принятия последующих процессуальных решений, включая приговор суда. Произошло смешение процессуальных и непроцессуальных видов деятельности, как следствие – смещение и размывание границ между стадиями уголовного процесса, обесценивание, а в некотором роде и обесмысливание процессуальной формы. Традиционно считающиеся непроцессуальными формы проникли в регулируемую уголовно-процессуальным законом сферу деятельности, а процессуальные формы деятельности переместились на тот этап, который достаточно долго считался непроцессуальным. Отсюда и возникает все усиливающаяся потребность понять, что же сегодня представляет собой возбуждение уголовного дела – не только как этап уголовного процесса, но и как процессуальный акт. От ответа на поставленный вопрос зависит объем и характер допускаемых на этом этапе действий, объем и уровень гарантий прав лиц, в эту деятельность вовлекаемых, возможность последующего использования полученной на этом этапе информации, исчисление процессуальных сроков и др.

Утверждение, что до 2013 года (хотя начало рассматриваемым изменениям было положено еще в 2003 году) акт возбуждения уголовного дела означал возникновение самого уголовного дела: с этого момента начиналась уголовно-процессуальная, то есть урегулированная Уголовно-процессуальным кодексом, деятельность органов дознания и следствия, а потому с этого момента исчислялся и срок предварительного расследования, не требует доказательства. Акт возбуждения уголовного дела при таком раскладе выступает процессуально-правовым основанием расследования и законным поводом к совершению всех следственных действий и применению всех процессуальных мер принуждения, в том числе ограничивающих конституционные права граждан или создающих угрозу их ограничения. «Возбуждение уголовного дела легализует всю дальнейшую процессуальную деятельность»¹. «Без этого акта невозможно проведение допросов, обысков, назначение экспертиз, применение любых мер процессуального принуждения, сбор доказательств по делу. Если же уголовное дело не возбуждено или

если постановление о возбуждении уголовного дела отменяется как необоснованное, все собранные данные лишаются доказательственной силы, а меры пресечения и арест имущества должны быть признаны незаконными»².

Столь высокая значимость этого процессуального решения для всей последующей уголовно-процессуальной деятельности вызывает к жизни те законоположения, которые устанавливают перечень должностных лиц, имеющих право возбудить уголовное дело, и поводов к принятию этого решения, требование достаточного основания и перечень обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела. Закон определяет содержание постановления о возбуждении уголовного дела, полномочия контролирующих законность этого решения должностных лиц и право лица, интересов которого касается принятое решение, на обращение за судебной защитой. Нельзя начать уголовное производство, не выполнив требования, которые обеспечивают законность решения о возбуждении уголовного дела. Незаконность (естественно, и необоснованность как элемент законности) решения о возбуждении уголовного дела делает незаконными все последующие решения и недопустимыми все полученные доказательства, в том числе в случае отмены постановления о возбуждении уголовного дела, а равно и его прекращения ввиду незаконности возбуждения³.

Так что изменилось? Состояние стадии возбуждения уголовного дела после 2013 года позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных положений.

Первое:

деятельность органов предварительного следствия и дознания, предшествующая принятию решения о возбуждении уголовного дела, сегодня имеет все признаки уголовно-процессуальной, а именно следственной, деятельности, на что не без оснований обращено внимание в научной литературе [6–9].

Второе:

объем процессуальных действий, которые сегодня могут быть произведены до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, превышает потребности, обусловленные стоящими перед этим этапом задачами. На протяжении десятилетий, как минимум с 1960 года, УПК называл в качестве основания возбуждения уголовного дела наличие достаточных данных, указывающих на *признаки преступления*, однако объем допускаемых с 2013 года процессуальных действий нацеливает органы следствия и дознания на установление не признаков, а состава преступления, что составляет задачу стадии предварительного расследования.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой.

² Особое мнение по тому же делу судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова.

³ В связи со сказанным, отсутствие в ст. 27 УПК РФ такого основания прекращения уголовного дела, как незаконность и необоснованность его возбуждения, следует рассматривать как существенное упущение.

Третье:

допустив производство следственных действий, законодатель не мог не распространить на них все те требования, которые предъявляются к их процедуре, так как в противном случае использование результатов действий было бы недопустимо. Однако относящиеся к ним законодательные положения изложены крайне неполно, нелогично и непоследовательно, что вызывает массу нареканий в теории и ненужных проблем в практике. Невозможно понять смысл содержащегося в ч. 1 ст. 144 тезиса о том, что получение сведений должно происходить «в порядке, установленном настоящим Кодексом», иначе как практически неограниченное разрешение на производство следственных действий, тем более что ч. 1.1 этой статьи указывает на необходимость соблюдения определенных процессуальных гарантий, а ч. 1.2 разрешает использование полученных сведений в качестве доказательств.

Четвертое:

перестав выполнять роль границы между «до» и «после», определяющей начало производства следственных действий по собиранию доказательств, акт возбуждения уголовного дела утратил существенную долю своего юридического значения. Выполняя формальную роль точки отсчета для исчисления срока расследования, постановление о возбуждении уголовного дела уже не является актом его рождения – уголовное дело, как дело о преступлении, фактически возникает в момент начала процессуальных действий и, рассуждая логически, с этого момента следовало бы исчислять срок предварительного расследования.

Утрата юридического значения постановлением о возбуждении уголовного дела вследствие рассматриваемых изменений в правовой регламентации самой стадии возбуждения уголовного дела сопровождается приданием более высокого, чем прежде, значения решению об отказе в возбуждении уголовного дела. Недавно вышедшее постановление Пленума Верховного Суда РФ гласит, что вновь открывшиеся обстоятельства могут быть установлены не только вступившим в законную силу приговором суда (ч. 3 ст. 413 УПК РФ), а также определением или постановлением суда о прекращении уголовного дела, но и постановлением следователя, дознавателя или прокурора о прекращении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенным как по основаниям, указанным в ч. 5 ст. 413 УПК РФ, так и по иным нереабилитирующим основаниям (например, в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) (п. 4)⁴. На первый взгляд, такая позиция

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора».

может иметь под собой разумные и прагматичные основания: действительно, расследование таких обстоятельств может натолкнуться на непреодолимое препятствие в виде невозможности представить обвинительный приговор в качестве основания для пересмотра приговора, вступившего в законную силу. Однако такой подход был бы слишком поверхностным, односторонним. Что в рассматриваемой ситуации является фактическим основанием возобновления производства по уголовному делу, приговор по которому уже вступил в законную силу? Согласно ч. 3 ст. 413 УПК РФ, это *преступные действия* судей и других лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность или участвующих в ней (преступные злоупотребления должностных лиц, заведомо ложные показания и заключения). В силу ст. 14 УПК РФ преступные действия конкретного лица могут быть установлены только вступившим в законную силу судебным приговором. Допуская вместо приговора постановление следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела, а теперь еще и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, Пленум уравнивает юридическое значение приговора как акта, устанавливающего виновность лица в совершении преступления, и внесудебный акт органа предварительного расследования о прекращении или даже об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем самым Пленум вступает в противоречие как с презумпцией невиновности, согласно которой преступное деяние лица может быть установлено только приговором суда, вступившим в законную силу, так и с позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в известном постановлении по жалобе гражданина О. В. Сушкова и в ряде последовавших за этим актов.

Конституционный Суд, в частности, констатировал, что постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию не означает установление виновности лица, но расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления⁵. Согласие на прекращение дела, по этой логике, хотя прямо об этом не сказано ни в одной правовой норме, означает признание лицом своей вины или, как минимум, отказ от ее оспаривания. Именно поэтому основания прекращения уголовного дела, применяемые лишь с согласия лица, подвергнутого уголовному преследованию, считаются нереабилитирующими. Лицо, не признающее себя виновным и не соглашающееся в связи с этим на прекращение уголовного преследования по нереабилитирующему его основанию, вправе рассчитывать на судебную защиту, то есть настаивать на

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова».

рассмотрении уголовного дела, предполагающем всестороннее исследование и объективную оценку доказательств судом.

Наша позиция в этом непростом вопросе основана на том, что любое лицо, бесспорно, вправе распоряжаться своими правами и соглашаться с констатацией своей вины без исследования и оспаривания доказательств при условии ознакомления со всеми последствиями такого согласия. Пока речь идет лишь об отказе от собственных прав и принятии угрожающих лишь этому лицу рисков в виде назначенного наказания и обязанности возместить причиненный преступлением вред, такое проявление диспозитивности в уголовно-процессуальной сфере может рассматриваться как приемлемое. Однако может ли решение, принятое на основании согласия лица с обвинением или утверждением о виновности в иной форме (в том числе в форме постановления об отказе в возбуждении уголовного дела), рассматриваться как основание для каких-либо выводов в отношении других лиц?

Попытка ответить на этот вопрос немедленно оживляет дискуссию о допустимости использования сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, на основании которых и было принято решение об отказе в его возбуждении, в качестве доказательств виновности лица в совершении преступления. Нельзя не учитывать, что даже приговор, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, не имеет преюдициального характера, то есть оно не может использоваться как доказательство определенных фактов при рассмотрении уголовного дела в отно-

шении другого лица без их дополнительной проверки и не может предрешать виновность лиц, не участвовавших в судопроизводстве (ст. 90 УПК РФ), поскольку эти лица не имели возможности исследовать доказательства и оспаривать основанные на них выводы суда. К сказанному добавим, что закон (ч. 1 ст. 24 УПК РФ) не требует получения чьего бы то ни было согласия для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, например, в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Учитывая очевидную ущербность процессуальной формы сведений, положенных в основу решения об отказе в возбуждении уголовного дела, и процедуры их получения, не только считать их допустимыми доказательствами, но и достаточным основанием для утверждения о преступных действиях следователя, судьи, прокурора, свидетеля, эксперта и т. д. представляется невозможным, а позиция Пленума Верховного Суда РФ – ошибочной. Сам факт появления такой позиции подтверждает сформулированный выше вывод об опасности стирания границ между уголовно-процессуальными и непроцессуальными видами деятельности, что требует серьезного анализа и соответствующего реагирования в ходе уже близкого, на наш взгляд, очередного этапа реформирования уголовного судопроизводства.

⁶ Аткарский городской суд Саратовской области, оценив как недопустимое доказательство объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, указал, что они имеют значение лишь для начала уголовного преследования. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yC49fWRNIY5v/>

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Доследственная проверка // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 11–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27337559>.
2. Лазарева В. А. О доказательствах, их допустимости и способах собирания // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола, Москва, 13 ноября 2003 года / отв. ред. И. Ф. Демидов. Москва: Издательство Проспект, 2004. С. 131–136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34850443>.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Издательство Наука. 1968. 470 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
4. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: в 2 ч. Ч. 1. Москва: ТК Велби, изд-во Проспект, 2004. 192 с.
5. Быков В. М., Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ / В. М. Быков, Л. В. Березина; Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП). Казань: Татарский центр образования «Таглитат», 2006. 255 с.
6. Мешков М. В., Гончар В. В. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Мировой судья. 2015. № 4. С. 14–18. URL: <https://studfile.net/preview/16426095/page:3/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23295327>.
7. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 137–146. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146>.
8. Малышева О. А. О необходимости отказа от дознания как процессуальной формы расследования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9 (118). С. 80–92. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.080-092>.
9. Удовыдченко И. В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 209 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/protsessualnye-sposoby-proverki-soobshcheniya-o-prestuplenii-nastadii-vozbuzhdeniya-ugolovn>.

References

1. Lazareva V. A. *Dosledstvennaya proverka* [Pre-investigation check]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2016, no. 4, pp. 11–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27337559> [in Russian].
2. Lazareva V. A. *O dokazatel'stvakh, ikh dopustimosti i sposobakh sobiraniya* [On evidence, their admissibility and methods of collecting]. In: *Novyi ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossii v deistvii: materialy kruglogo stola, Moskva, 13 noyabrya 2003 goda. Otvetstvennyi redaktor: Demidov I. F.* [Demidov I. F. (Ed.) New criminal procedure code of Russia in action: materials of the round table, Moscow, November 13, 2003]. Moscow: Prospekt, 2004, pp. 131–136. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34850443> [in Russian].
3. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. T. 1* [Course of Soviet criminal trial. Vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo Nauka, 1968, 470 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
4. Petrukhin I. L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo protsessa v Rossii: v 2-kh ch. Ch. 1* [The theoretical grounds of the reform of criminal process in Russia: in 2 parts. Part 1]. Moscow: TK Velbi, izd-vo Prospekt, 2004, 192 p. [in Russian].
5. Bykov V. M., Berezina L. V. *Dokazyvanie v stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela po UPK RF* [Proof in the stage of initiating a criminal case under the Code of Criminal Procedure of Russian Federation]. Kazan: Tatarskii tsentr obrazovaniya «Taglimat», 2006, 255 p. [in Russian].
6. Meshkov M. V., Gonchar V. V. *Ugolovno–protsessual'naya deyatel'nost' v stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela: problemy pravovogo regulirovaniya* [Criminal-procedure activities at the stage of initiation of a criminal case: problems of legal regulation]. *Mirovoi sud'ya*, 2015, no. 4, pp. 14–18. Available at: <https://studfile.net/preview/16426095/page:3/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23295327> [in Russian].
7. Maslennikova L. N. *Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyi etap ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchii dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0* [Transformation of pre-trial proceedings in the initial stage of criminal proceedings, ensuring access to justice in the Industry 4.0 era]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 6 (103), pp. 137–146. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.137-146> [in Russian].
8. Malysheva O. A. *O neobkhodimosti otkaza ot doznaniya kak protsessual'noi formy rassledovaniya* [Necessity to Reject Pre-Trial Inquiry as a Procedural Form of Investigation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 9 (118), pp. 80–92. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.080-092> [in Russian].
9. Udovydchenko I. V. *Protsessual'nye sposoby proverki soobshcheniya o prestuplenii na stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela: spetsial'nost' 12.00.09 «Ugolovnyi protsess»: dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural methods of checking the report of a crime at the stage of initiating a criminal case: specialty 12.00.09 «Criminal process»: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Volgograd, 2008, 209 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/protsessualnye-sposoby-proverki-soobshcheniya-o-prestuplenii-na-stadii-vzbuzhdeniya-ugolovn> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО INTERNATIONAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-40-48

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 22.11.2021
рецензирования: 14.01.2022
принятия: 21.03.2022

Оптимизация противодействия преступлениям против свободы человека на уровне ключевых международных организаций на постсоветском пространстве (Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз)

Е. М. Полянская

Московский государственный областной университет,
г. Мытищи, Российская Федерация
E-mail: polyanskaya83@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу противодействия преступлениям против свободы человека, осуществляемому на уровне ключевых международных организаций на постсоветском пространстве (Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз). Рассмотрен ряд документов, в том числе Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг., в которой не упоминается об использовании рабского труда, что автор считает существенным недостатком международно-правового регулирования. Предложено унифицировать понятие «торговля людьми». Анализируется возможность дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новеллой об освобождении от уголовной ответственности потерпевших от отдельных конвенционных преступлений.

Ключевые слова: преступления против свободы человека; меры борьбы с преступностью; уголовный закон; использование рабского труда; конвенционные преступления; международные организации.

Цитирование. Полянская Е. М. Оптимизация противодействия преступлениям против свободы человека на уровне ключевых международных организаций на постсоветском пространстве (Содружество Независимых Государств и Евразийский экономический союз) // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-40-48>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Полянская Е. М., 2022

Евгения Михайловна Полянская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Московский государственный областной университет, 141014, Российская Федерация, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.11.2021
Revised: 14.01.2022
Accepted: 21.03.2022

Optimization of combating crimes against human freedom at the level of key international organizations in the post-Soviet space (Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union)

E. M. Polyanskaya

Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation
E-mail: polyanskaya83@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the analysis of combating crimes against human freedom, carried out at the level of key international organizations in the post-Soviet space (the Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union). A number of documents were considered, including the Interstate Program of Joint Measures to Combat

Crime for 2019–2023, which does not mention the use of slave labor, which the author considers a significant shortcoming of international legal regulation. It was proposed to unify the concept of «human trafficking». The article analyzes the possibility of supplementing the Criminal Code of the Russian Federation with a novel about the release from criminal liability of victims of certain conventional crimes.

Key words: crimes against human freedom; measures to combat crime; criminal law; use of slave labor; conventional offenses; international organizations.

Citation. Polyanskaya E. M. *Optimizatsiya protivodeistviya prestupleniyam protiv svobody cheloveka na urovne klyuchevykh mezhdunarodnykh organizatsii na postsovetskom prostranstve (Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv i Evraziiskii ekonomicheskii soyuz)* [Optimization of combating crimes against human freedom at the level of key international organizations in the post-Soviet space (Commonwealth of Independent States and the Eurasian Economic Union)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-40-48> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Polyanskaya E. M., 2022

Evgeniya M. Polyanskaya – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Law, Moscow Region State University, 24, Vera Voloshina Street, Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation.

Проблематика оптимизации противодействия преступлениям против свободы человека на уровне правовых актов СНГ и ЕАЭС представляется слабоизученной в отечественной литературе.

При этом имеется парадокс. С одной стороны, ученые-юристы подчеркивают развитую международную базу по противодействию отдельным преступлениям против личной свободы: «Торговля людьми – преступление международного характера, и, вследствие этого, на внешнеполитическом и международном уровне существует мощная законодательная база по противодействию торговле людьми. В каждом отдельном государстве имеются свои методы борьбы с этим асоциальным явлением, что позволяет сделать вывод о том, что общество борется с рассматриваемой проблемой, однако масштабы данного преступления с каждым днем все больше возрастают, несмотря на принятые и принимаемые меры» [1, с. 155].

С другой стороны, авторы, обращаясь к тематике ст. 126–128 УК, в лучшем случае упоминают в их основе только основополагающие международно-правовые акты, совершенно игнорируя конвенции и иные международно-правовые акты на уровне стран бывшего СССР:

– А. А. Жангудина, давая обзор международно-правовым источникам норм по противодействию торговле людьми с XIX в., не упоминает ни одного регионального международно-правового акта на уровне стран бывшего СССР [2, с. 76–79];

– Д. В. Ивашкин, рассуждая о торговле людьми и обстоятельствах включения статьи о ней в УК РФ 1996 г., упоминает только Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [3, с. 2] и Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г.;

– В. В. Трифанов, выделяя основополагающие правовые акты и судебные рекомендации по изучению преступлений против свободы, чести и достоинства личности, выделяет только Конвенцию относительно рабства 1926 г. и Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. [4, с. 92].

Обращение к актам СНГ в сфере противодействия преступлениям против свободы человека – явление нечастое. Один из редких примеров – это работа Е. Г. Горбань, где при анализе ключевых международных актов упоминаются профильное соглашение 2005 г., модельные законы и рекомендации по унификации и гармонизации законодательства [5, с. 15]. Другой пример – это анализ А. В. Староверовым проблематики сексуальной эксплуатации при торговле людьми, который без оценки процитировал понятие из Модельного закона о противодействии торговле людьми [6, с. 155].

Поэтому полагаем, что тема противодействия преступлениям против свободы человека на уровне СНГ и ЕАЭС нуждается в отдельном изучении. При этом мы должны оговориться, что в рамках настоящей статьи мы ставим задачу изучать не генезис регулирования на уровне соответствующих международных актов, а актуальное регулирование.

Ключевыми актами противодействия преступлениям против свободы человека на уровне стран СНГ являются:

1. Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., основные положения которой повторяют ранее разработанные в международной практике постулаты:

– «Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии» (ч. 1 ст. 4 Конвенции);

– «Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду» (ч. 2 ст. 4 Конвенции);

– «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, установленной национальным законодательством» (ч. 1 ст. 5 Конвенции) [7].

2. На организационном уровне значение прежде всего имеет терминологический аппарат на уровне стран СНГ, из которого следует, что противодействие большинству преступлений против свободы человека находится в актуальной повестке дня. Принципиален документ «О Словаре юридической терминологии для государств-участников

МПА СНГ», утвержденный постановлением от 23 ноября 2012 г. № 38-23 МПА государств-участников СНГ. В нем не содержатся определения, но тем не менее разведены разные юридически значимые термины, среди них «Похищение, похищение в политических целях, право на свободу и личную неприкосновенность, рабский труд, рабство (институт), торговля детьми, торговля людьми» [8, с. 199]. В общих чертах этому набору терминов корреспондируют п. 1.5.3 и 3.8 Перечня информации, предоставляемой в Межгосударственный информационный банк (приложение к Проекту Соглашения об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью, одобренного 10 апреля 2009 г.): «1.5.3. Торговля людьми, похищение человека, а также иные преступления, связанные с эксплуатацией людей; 3.8. Похищения людей» [9].

Общие контуры противодействия преступлениям против свободы человека урегулированы в межгосударственных программах по борьбе с преступностью. В настоящее время действует Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, утвержденная решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г., в разделе II паспорта которой, однако, указано всего только одно относимое организационно-тактическое мероприятие «2.1.1.10. противодействие преступной деятельности, связанной с похищениями людей, и торговле людьми, органами и / или тканями человека» [10].

Данный выбор стоит подвергнуть критике, поскольку без существенных оснований из приоритетов исключена борьба с использованием рабского труда. Представляется, что если ставится приоритет борьбы с торговлей людьми, то необходимо не забывать и про подневольный труд, который является часто естественным следствием предыдущего упомянутого явления. Тем не менее стоит отметить, что такая проблема исключения акцента на использовании рабского труда не нова. В п. 2 Концепции взаимодействия государств-участников СНГ в борьбе с преступностью, одобренной Решением Совета глав государств СНГ от 2 апреля 1999 г., также назван приоритет борьбы только в аспекте «похищений и торговли людьми, органами и тканями человека для трансплантации» [11, с. 84–93].

На основании изложенного предлагаем дополнить п. 2.1.1.10 раздела II паспорта Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, утвержденной решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г., указанием на «использование рабского труда».

При этом уже на организационном уровне отмечается главная проблема законодательства стран СНГ по исследуемой проблеме – это рассогласованность терминологии. Уместно упомянуть документ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере», утвержденный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-

участников СНГ от 13 апреля 2018 г. № 47-13, одно из определений в котором звучит так: «Борьба с торговлей людьми и незаконным вывозом женщин за рубеж – деятельность пограничного ведомства по выявлению, предупреждению и пресечению действий, направленных на совершение купли-продажи или иных сделок в отношении зависимого лица в форме его передачи или завладения им, вербовку женщин с целью вывоза за пределы государства для сексуальной или иной эксплуатации, совершенную путем обмана или принуждения» [12]. То есть из действий, не связанных непосредственно со сделкой, оставлена только «вербовка», хотя ст. 140.1 Модельного УК для стран СНГ повторяет ст. 127.1 УК и содержит больший перечень действий.

К актам на организационном уровне можно отнести модельное законодательство, за исключением Модельного УК, анализ которого может привести к ряду важных выводов.

Обычно модельные законы дают только общие приоритеты в борьбе с теми или иными посягательствами против свободы человека в соответствии с отраслевым профилем соответствующего акта. Например, п. 5 ст. 7 Модельного закона о миграции трудовых ресурсов (в новой редакции), принятого постановлением МА государств-участников СНГ от 27 ноября 2015 г. № 43-5, предусмотрено принятие мер по недопущению рабства, подневольного состояния, принудительного труда к трудовым мигрантам, а в ст. 3 обозначено «международное взаимодействие в целях предотвращения и профилактики нелегальной миграции, торговли людьми, принудительного и рабского труда» [13]. П. 2 ст. 7 Модельного закона об обеспечении безопасности крупных спортивных мероприятий, принятого постановлением МА государств-участников СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45-17, обозначает возможными проявлениями угрозы безопасности крупных спортивных мероприятий, в том числе «покушение на жизнь и похищение людей, захват заложников» [14].

Иногда такие приоритеты тем не менее расставляются с логическими и терминологическими ошибками.

Например, по общему правилу захват заложников в УК стран СНГ не содержится в соответствующей главе уголовного закона о посягательствах против свободы человека. Но, несмотря на это, Комментарий к Модельному закону государств-участников СНГ «О противодействии терроризму», принятому постановлением МА государств-участников СНГ от 3 декабря 2009 г., включает в число физических лиц как объектов преступных посягательств среди действий, подпадающих под традиционные нормы о терроризме, похищение (и это притом, что захват заложников прописан в Комментарии).

Другой пример. Вопрос о самостоятельной криминализации обращения в рабство и удержания в нем, при этом на уровне стран СНГ самостоятельная правовая интерпретация этого явля-

ния была предусмотрена еще Модельным законом о противодействии торговле людьми, принятым постановлением МА государств-участников от 3 апреля 2008 г. № 30-11 МА: «Обращение и (или) удержание в рабстве или подневольном состоянии – реализация в отношении человека всех или некоторых полномочий собственника путем незаконного лишения его идентификационных документов, ограничения права на свободу передвижения, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничения или запрещения контактов с семьей, социально-культурной изоляции жертвы, принуждения ее к выполнению работ или оказанию услуг в условиях, унижающих человеческое достоинство, или к осуществлению указанной деятельности безвозмездно либо при условии оплаты, явно не соответствующей объему, качеству и квалификации выполненных работ или оказанных услуг» [15, с. 323].

На наш взгляд, данное определение следует подвергнуть критике, поскольку, во-первых, оно дает закрытый перечень способов обращения в рабство, что рискованно на фоне развивающихся криминальных форм, во-вторых, оно смешивает понятия удержания раба и использования раба.

3. Обособленное место в правовом регулировании занимает прямо относящиеся к уголовному законодательству Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г. и Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ.

Соглашение преследуют те же ошибки, что и прочие акты СНГ. Выше мы упоминали документ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере» [12], где торговля людьми в части действий, не связанных со сделкой, ограничена вербовкой. Однако определение в Соглашении, которое должно быть основополагающим, исключило из торговли людьми ключевое понятие «сделки», что является критичным: «Осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применением или другими формами принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов и тканей человека в целях их продажи» [16].

На основании изложенного полагаем, что на уровне СНГ необходимо унифицировать понятие торговли людьми. За основу предлагаем взять наиболее полное определение в ст. 140.1 Модельного УК.

Применительно к Модельному УК для стран СНГ можно обратить внимание, что ст.ст. 138 и

139 главы 19 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства» Модельного УК для стран СНГ не имеют принципиальных отличий в части похищения и незаконного лишения свободы.

Отдельного рассмотрения заслуживают ст. 140.1 и ст. 141 Модельного УК.

В примечании 2 к ст. 140.1 Модельного УК для стран СНГ «Торговля людьми» указано такое специальное основание освобождения от ответственности: «Лицо, ставшее жертвой торговли людьми, освобождается от уголовной ответственности за совершение в подневольном состоянии преступлений небольшой и средней тяжести, а также других преступлений, не связанных с посягательством на жизнь и здоровье человека, если оно активно содействует правоохранительным органам в выявлении и привлечении к уголовной ответственности организаторов, исполнителей и соисполнителей торговли людьми» [17].

Мы поддерживаем данную концепцию, однако считаем, что конструирование этой гипотезы в норме Особенной части УК не соответствовало бы традициям юридической техники в России. Дело в том, что специальные основания освобождения от уголовной ответственности в Особенной части УК касаются строго состава преступления, описанного в статье, где содержится примечание. Однако в приложении 2 к ст. 140.1 Модельного УК содержится предписание относительно других деяний.

Кроме того, не ясно, почему исключен вариант освобождения от ответственности за совершение деяний лицом, которое эксплуатируется в качестве раба (это лицо необязательно может быть потерпевшим от торговли людьми).

С учетом изложенного предлагаем дополнить УК РФ статьей 76.3 «Освобождение от уголовной ответственности потерпевших от отдельных конвенционных преступлений»: «Лица, признанные потерпевшими по статьям 127.1 и 127.2 настоящего Кодекса, освобождаются от уголовной ответственности за совершение в состоянии незаконного лишения свободы преступлений небольшой и средней тяжести, а также других преступлений, не связанных с посягательством на жизнь и здоровье человека, если оно активно содействует правоохранительным органам в выявлении и привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления по статьям 127.1 и 127.2 настоящего Кодекса».

Кроме того, ст. 141 Модельного УК «Незаконное помещение в психиатрическую больницу» содержит понятие специального потерпевшего – «лицо, заведомо не нуждающееся в такой форме лечения» [17]. Полагаем, что такая узкая трактовка не соответствует статусу универсального модельного акта. Модельный УК должен стараться давать максимально широкие формулировки, которые могут уточняться на уровне каждого конкретного национального государства.

Соответственно, предлагаем исключить из ст. 141 Модельного УК фразу «заведомо не нуждающееся в такой форме лечения».

ЕАЭС в силу характера и оснований своего возникновения не ставит ярко выраженный акцент на противодействии преступности.

Согласно ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. «настоящим договором Стороны учреждают Евразийский экономический союз... в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза» [18]. Как правильно было отмечено в литературе: «ЕАЭС же, в отличие от ЕС, представляет собой чисто экономическое объединение. Там сочли преждевременным создавать для решения экономических задач дополнительную парламентскую (и соответственно, надгосударственную) структуру» [19, с. 104].

Соответственно, международное уголовно-правовое регулирование в ЕАЭС носит фрагментарный характер, причем применительно только к блоку преступлений в сфере экономики. В данном аспекте следует обратить внимание на следующие факты:

– Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов таможенного союза от 5 июля 2010 г., заключенный еще в формате ЕврАзЭС, который регулирует, в том числе особенности уголовного процесса по предмету «нарушения таможенного законодательства таможенного союза и законодательства Сторон, контроль за соблюдением которого возложен на таможенные органы, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность законодательством Сторон» [20];

– п.п. «а» п. 6 Регламента информационного взаимодействия уполномоченных органов государств-членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, утвержденного Решением Коллегии ЕАЭС от 30 августа 2016 г. № 102, которым предусмотрено взаимодействие уполномоченных органов и Комиссии по обмену информацией «о мероприятиях по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности» [21].

Более того, правовые акты ЕАЭС не предъявляют никаких требований по гармонизации и унификации национальных уголовных законодательств стран-участников. Больше того, заявления об обратном не имеют под собой правовых оснований. Например, Н. А. Швед попыталась вывести тезис о необходимости гармонизации национальных законодательств участников ЕАЭС в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности из анализа Договора ЕАЭС, показавшего, «что одной из первичных задач Союза является унификация и гармонизация законодательства

стран-участниц для нужд конкретных отраслей, в том числе и уголовного» [22, с. 350]. Однако анализ текста договора показывает, что такой смысл не преследовался составителями: в тексте идет речь только о частных, узких направлениях унификации по отдельным вопросам тарифного, иного предпринимательского (коммерческого) законодательства, а также бюджетного законодательства (см., например, п. 1 ч. 1 ст. 30, п. 2 ч. 6 ст. 93).

Вместе с тем такое международно-правовое обеспечение свободного перемещения товаров, работ и услуг в рамках ЕАЭС неминуемо должно сопровождаться регламентацией противодействия торговле людьми, использованию рабского труда и сопутствующим деяниям. Другими словами, усилия по наращиванию устойчивости легального рынка не могут не сопровождаться усилиями по нейтрализации криминальных рынков, которые тем более могут использовать легальную предпринимательскую деятельность для прикрытия криминальных схем.

Другая причина необходимости регламентации хотя бы общих положений о противодействии преступлениям против свободы человека на уровне стран ЕАЭС – это история ЕАЭС.

ЕАЭС (союз) представляется более высокой степенью, одним из высших форм евразийской интеграции, которой предшествовало сообщество: «Так называемый «промежуточный» характер ЕврАзЭС, с одной стороны, отражает в известной мере объективные причины стадийности развития интеграции (от низшей организационно-правовой формы к высшей), а с другой, как представляется, – связан с некоторыми тенденциями попыток заимствования... неких элементов из механизмов западноевропейской интеграции (от «сообществ» к «союзу»)). Вследствие этого с учетом реалий сегодня уместно в принципе говорить о евразийской интеграции именно в контексте ЕАЭС» [23, с. 50]. Ввиду изложенного представляется странным усиление интеграции, переход к ее «высшим формам», если не обозначены точки соприкосновения по ключевым конвенционным преступлениям, которые так или иначе могут касаться нормальной экономической деятельности.

Вместе с тем, принимая во внимание очевидную вторичность направления противодействия преступности на уровне ЕАЭС, а также одновременное присутствие всех участников ЕАЭС в составе СНГ, полагаем, что на первом этапе развития в ЕАЭС возможно принять меморандум, который бы подчеркнул приверженность участников ЕАЭС Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., Соглашению о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г., а также модельным законом СНГ, затрагивающим указанную проблематику, и основополагающим международно-правовым актам по защите свободы человека. Второй этап, а именно разработка собственных конвенций, договоров и дорожных карт может быть только при

условии политической интеграции, которая в настоящее время приостановлена.

Основные выводы исследования оптимизации противодействия преступлениям против свободы человека на уровне СНГ и ЕАЭС возможно сформулировать следующим образом.

1. Доказывается, что отсутствие в перечне организационно-тактических мероприятий в новой межгосударственной программе СНГ по борьбе с преступностью приоритета в борьбе с использованием рабского труда – это пробел международно-правового регулирования. На основании изложенного предложено дополнить п. 2.1.1.10 раздела II паспорта Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, утвержденной решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г., указанием на «использование рабского труда».

2. На уровне СНГ присутствует несколько равнодействующих трактовок термина «торговля людьми». Предложено унифицировать указанное понятие на уровне стран СНГ, а за основу взять наиболее полное среди имеющихся – определение в ст. 140.1 Модельного УК.

3. По итогам критического осмысления примечания 2 к ст. 140.1 Модельного УК предложено дополнить УК статьей 76.3 «Освобождение от уголовной ответственности потерпевших от отдельных конвенционных преступлений»: «Лицо,

признанное потерпевшим по статьям 127.1 и 127.2 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности за совершение в состоянии незаконного лишения свободы преступлений небольшой и средней тяжести, а также других преступлений, не связанных с посягательством на жизнь и здоровье человека, если оно активно содействует правоохранительным органам в выявлении и привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления по статьям 127.1 и 127.2 настоящего Кодекса».

4. Доказано, что ст. 141 Модельного УК «Незаконное помещение в психиатрическую больницу» не соответствует критерию универсальности нормы модельного законодательства. Соответственно, предложено исключить из ст. 141 Модельного УК фразу «, заведомо не нуждающееся в такой форме лечения.».

5. Обоснована необходимость принятия на уровне ЕАЭС меморандума, который бы подчеркнул приверженность участников ЕАЭС Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г., Соглашению о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г., а также модельным законам СНГ, затрагивающим указанную проблематику, и основополагающим международно-правовым актам по защите свободы человека.

Библиографический список

1. Насимов Г. А. Проблема торговли людьми как преступления против личной свободы // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 153–156. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13020415>.
2. Жангудина А. А. Международно-правовые основы борьбы с торговлей людьми // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 6–9. С. 76–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43142582>.
3. Ивашкин Д. В. Объект торговли людьми // Юридический мир. 2008. № 9. С. 59–62. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/29768-obekt-torgovli-lyudmi>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11662696> (дата обращения: 20.08.2021).
4. Трифанов В. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 388 с.
5. Горбань Е. Г. Противодействие торговле людьми (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 29 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005419539.pdf.
6. Староверов А. В. Эксплуатация жертвы торговли людьми: понятие, виды и проблемные вопросы определения сексуальной эксплуатации человека // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 153–157. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10233>.
7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 г. // Российская газета. 1995. 23 июня. № 120. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900703>.
8. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Словаре юридической терминологии для государств-участников МПА СНГ» № 38–23 от 23.11.2012 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2013. № 57 (часть 2). С. 198–287. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/818.pdf>.
9. Перечень информации, предоставляемой в Межгосударственный информационный банк (приложение к Проекту Соглашения об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью, одобренного 10 апреля 2009 г.) // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902260163> (дата обращения: 18.08.2021).
10. Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, утвержденная решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <https://zakonrb.com/npa/reshenie-o-mezhgosudarstvennoy-programme-sovmestnyh-28-Sep-2018> (дата обращения: 18.08.2021).

11. Концепция взаимодействия государств-участников СНГ в борьбе с преступностью, одобренная Решением Совета глав государств СНГ от 2 апреля 1999 г. // Содружество: информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2000. 25 янв. № 1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771004>.
12. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами-участниками СНГ в пограничной сфере» от 13 апреля 2018 г. № 47–13 // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564017594>.
13. Модельный закон о миграции трудовых ресурсов (новая редакция), принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 27 ноября 2015 г. № 43–5 // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/627.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).
14. Модельный закон об обеспечении безопасности крупных спортивных мероприятий, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45–17 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.08.2021). URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/663.pdf>.
15. Модельный закон о противодействии торговле людьми, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апреля 2008 г. № 30–11 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42. С. 301–353. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902124613>.
16. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г. // Бюллетень международных договоров. 2007. № 6. С. 5–11. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203001554&page=1&rdk=0&link_id=0#I0.
17. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7–6 // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781490>.
18. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (ред. от 01.10.2019). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 18.08.2021).
19. Малышева Д. Б. Политическое взаимодействие центральноазиатских участников ЕАЭС и Европейского Союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 2. С. 98–116. DOI: <http://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-98-116>.
20. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов таможенного союза от 5 июля 2010 г. (с изм. от 10.10.2014). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0124752/itot_17052013 (дата обращения: 18.08.2021).
21. Регламент информационного взаимодействия уполномоченных органов государств-членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, утвержденный Решением Коллегии ЕАЭС от 30 августа 2016 г. № 102. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01211107/clcd_01092016_102 (дата обращения: 18.08.2020).
22. Швед Н. А. Гармонизация уголовного законодательства стран-участниц ЕАЭС в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2017. № 10. С. 350–357. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37330741>.
23. Ануфриева Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30644004>.

References

1. Nasimov G. A. *Problema trgovli lyud'mi kak prestupleniya protiv lichnoi svobody* [The problem of human trafficking as a crime against personal liberty]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2009, no. 6, pp. 153–156. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13020415> [in Russian].
2. Zhangudina A. A. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s trgovlei lyud'mi* [International legal framework for combating human trafficking]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 2020, no. 6–9, pp. 76–79. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43142582> [in Russian].
3. Ivashkin D. V. *Ob'ekt trgovli lyud'mi* [Object of human trafficking]. *Yuridicheskii mir*, 2008, no. 9, pp. 59–62. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/29768-obekt-torgovli-lyudmi>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11662696> (accessed August 20, 2021) [in Russian].
4. Trifanov V. V. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast': uchebnoe posobie* [Criminal law of the Russian Federation. Special part: tutorial]. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, 388 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19823107> [in Russian].
5. Gorban E. G. *Protivodeistvie trgovle lyud'mi (ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Combating human trafficking (criminal law and criminological aspects): author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2012, 29 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005419539.pdf [in Russian].

6. Staroverov A. V. *Ekspluatatsiya zhertvy torgovli lyud'mi: ponyatie, vidy i problemnye voprosy opredeleniya seksual'noi ekspluatatsii cheloveka* [Exploitation of a victim of trafficking in persons: concept, types and problematic issues of determining sexual exploitation of a person]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 2019, no. 4, pp. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10233> [in Russian].
7. *Konventsiya Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv o pravakh i osnovnykh svobodakh cheloveka ot 26.05.1995 g.* [Convention of the Commonwealth of Independent States on human rights and fundamental freedoms as of 26.05.1995]. Rossiiskaya gazeta, 23.06.1995, no. 120. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1900703> [in Russian].
8. *Postanovlenie Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG «O Slovare yuridicheskoi terminologii dlya gosudarstv-uchastnikov MPA SNG» № 38–23 ot 23.11.2012 g.* [Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States «On the Dictionary of Legal Terms for CIS Member Nations» № 38–23 as of 23.11.2012]. *Informatsionnyi byulleten'. Mezhpardamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv*, 2013, no. 57 (part 2), pp. 198–287. Available at: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/818.pdf> [in Russian].
9. *Perechen' informatsii, predostavlyayemoi v Mezhgosudarstvennyi informatsionnyi bank (prilozhenie k Proektu Soglasheniya ob obmene informatsiei v sfere bor'by s prestupnost'yu, odobrennogo 10 aprelya 2009 g.)* [List of information provided to the Interstate Information Bank (annex to the Draft Agreement on the Exchange of Information in the Field of Combating Crime, approved on April 10, 2009)]. The document was not officially published. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902260163> (accessed August 18, 2021) [in Russian].
10. *Mezhgosudarstvennaya programma sovmestnykh mer bor'by s prestupnost'yu na 2019–2023 gody, utverzhennaya resheniem Soveta glav gosudarstv SNG ot 28 sentyabrya 2018 g.* [Interstate program of joint measures to combat crime for 2019–2023, approved by the decision of the Council of Heads of State of the CIS dated September 28, 2018]. Retrieved from *Edinyi reestr pravovykh aktov i drugikh dokumentov SNG* [Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS]. Available at: <https://zakonrb.com/npa/reshenie-o-mezhgosudarstvennoy-programme-sovmestnykh-28-Sep-2018> (accessed August 18, 2021) [in Russian].
11. *Kontseptsiya vzaimodeistviya gosudarstv-uchastnikov SNG v bor'be s prestupnost'yu, odobrennaya Resheniem Soveta glav gosudarstv SNG ot 2 aprelya 1999 g.* [Concept of interaction of the CIS member states in the fight against crime, approved by the Decision of the Council of CIS Heads of State as of April 2, 1999]. *Sodruzhestvo: informatsionnyi vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG*, 2000, no. 1, January 25. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901771004> [in Russian].
12. *Postanovlenie Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv «O Glossarii terminov i ponyatii, ispol'zuemykh gosudarstvami-uchastnikami SNG v pograničnoi sfere» ot 13 aprelya 2018 g. № 47–13* [Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States «On the Glossary of Terms and Concepts Used by the Member Nations of the CIS in the Border Sphere» dated April 13, 2018 № 47–13]. Retrieved from *Edinyi reestr pravovykh aktov i drugikh dokumentov SNG* [Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/564017594> [in Russian].
13. *Model'nyi zakon o migratsii trudovykh resursov (novaya redaktsiya), prinyaty postanovleniem Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG ot 27 noyabrya 2015 g. № 43-5* [Model law on labor migration (new edition), adopted by the Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States dated November 27, 2015 № 43-5]. Retrieved from the official website of Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States. Available at: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/627.pdf> (accessed 18 August, 2021) [in Russian].
14. *Model'nyi zakon ob obespechenii bezopasnosti krupnykh sportivnykh meropriyatii, prinyaty postanovleniem Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG ot 25 noyabrya 2016 g. № 45–17* [Model law on ensuring the safety of major sporting events, adopted by the Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States № 45–17 dated November 25, 2016]. The document was not officially published. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/663.pdf> (accessed August 18, 2021) [in Russian].
15. *Model'nyi zakon o protivodeistvii torgovle lyud'mi, prinyaty postanovleniem Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG ot 3 aprelya 2008 g. № 30–11* [Model law on combating trafficking human beings, adopted by the Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States as of April 3, 2008 № 30–11]. *Informatsionnyi byulleten'. Mezhpardamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv*, 2008, no. 42, pp. 301–353. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902124613> [in Russian].
16. *Soglasenie o sotrudnichestve gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v bor'be s torgovlei lyud'mi, organami i tkanyami cheloveka ot 25 noyabrya 2005 g.* [Agreement on cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in the fight against trafficking human beings, human organs and tissues as of November 25, 2005]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2007, no. 6, pp. 5–11. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203001554&page=1&rdk=0&link_id=0#I0 [in Russian].
17. *Model'nyi Ugolovnyi kodeks dlya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv, prinyaty postanovleniem Mezhpardamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG ot 17 fevralya 1996 g. № 7–6* [Model Criminal Code for the Member States of the Commonwealth of Independent States, adopted by the Resolution of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States as of February 17, 1996 № 7–6]. Retrieved from the official website of the of the Inter-Parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901781490> [in Russian].

18. *Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze ot 29 maya 2014 g. (red. ot 01.10.2019)* [Treaty on the Eurasian Economic Union as of May 29, 2014 (as amended on October 1, 2019). Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (accessed – August 18, 2021) [in Russian].
19. Malysheva D. B. *Politicheskoe vzaimodeistvie tsentral'noaziatskikh uchastnikov EAES i Evropeiskogo Soyuz* [Political Interaction between the Central Asian Participants of the EAEU and the European Union]. [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2019, no. 2, pp. 98–116. DOI: <http://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-98-116> [in Russian].
20. *Dogovor ob osobennostyakh ugovovnoi i administrativnoi otvetstvennosti za narusheniya tamozhennogo zakonodatel'stva tamozhennogo soyuza i gosudarstv-chlenov tamozhennogo soyuza ot 5 iyulya 2010 g. (s izm. ot 10.10.2014 g.)* [Agreement on the specifics of criminal and administrative liability for violations of the customs legislation of the customs union and the member states of the customs union dated July 5, 2010 (as amended on 10.10.2014)]. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0124752/itot_17052013 (accessed August 18, 2021) [in Russian].
21. *Reglament informatsionnogo vzaimodeistviya upolnomochennykh organov gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza i Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii v sfere zashchity prav na ob»ekty intellektual'noi sobstvennosti, utverzhennyi Resheniem Kollegii EAES ot 30 avgusta 2016 g. № 102* [Regulations on information interaction between authorized bodies of the member states of the Eurasian Economic Union and the Eurasian Economic Commission in the field of protection of intellectual property rights, approved by the Decision of the EAEU Board as of August 30, 2016 № 102]. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01211107/clcd_01092016_102 (accessed August 18, 2020) [in Russian].
22. Shved N. A. *Garmonizatsiya ugovovnogo zakonodatel'stva stran-uchastnits EAES v sfere protivodeistviya prestupleniyam protiv informatsionnoi bezopasnosti* [Harmonization of the criminal legislation of the EAEU member states in the field of combating crimes against information security]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*, 2017, no. 10, pp. 350–357. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37330741> [in Russian].
23. Anufrieva L. P. *EAES i «pravo EAES» v mezhdunarodno-pravovom izmerenii* [Eurasian Economic Union and «the law of the Eurasian Economic Union» as per international law dimension]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2016, no. 4, pp. 48–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30644004> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-49-64

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.018

Дата поступления: 30.11.2021
рецензирования: 15.01.2022
принятия: 21.03.2022

Наука международного права – с древних времен!¹

Б. Д. Кривокапич

Юнион-Университет Николы Теслы, г. Белград, Республика Сербия
E-mail: krivokapicboris@ yahoo.com

Аннотация: В современной доктрине часто упускается из виду или даже прямо отрицается возникновение науки международного права в древнем мире. Однако древнейшие правовые договоры содержат отдельные нормы международного права, формулированием и применением которых должны были заниматься специалисты, ознакомленные с прошлой и существующей практикой. В связи с изложенным представляется актуальным разобраться в вопросе момента возникновения науки международного права. Целесообразно проведение исследования работ античных философов и правоведов для формулирования выводов о том, что международное право существовало еще со времен становления первых государств и является следствием перенесения основных правовых принципов из внутрисоциальных отношений во внешние межгосударственные. Методология исследования определена ее источниками. Применение сравнительного, формально-юридического, исторического методов исследования позволило достичь поставленной цели. С опорой на имена и работы мыслителей древних стран (Китай, Индии, Греции, Рима), утверждается, что в древнем мире существовала международно-правовая мысль. В заключение делается вывод о том, что ни международное право, ни его наука не были созданы в Европе в XVI–XVII веках, как утверждают некоторые исследователи. Как и само возникновение, так и изучение международного права – объективные процессы, которые гораздо раньше потребовала и породила политическая жизнь.

Ключевые слова: внешние отношения; государство и право; Древняя Греция; Древний Египет; Древняя Индия; Древний Рим; международный договор; международное право; наука международного права.

Цитирование. Кривокапич Б. Д. Наука международного права – с древних времен! // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-49-64>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривокапич Б. Д., 2022

Борис Джорджиевич Кривокапич – профессор международного публичного права, а также прав человека, Юнион – Университет Николы Теслы, 110000, Республика Сербия, г. Белград, Цара Душана, 62–64.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.11.2021
Revised: 15.01.2022
Accepted: 21.03.2022

Science of international law – since ancient times!

B. D. Krivokapich

Univerzitet «Union-Nikola Tesla», Beograd, Republic of Serbia
E-mail: krivokapicboris@ yahoo.com

Abstract: In modern doctrine, the emergence of science of international law in the ancient world is often overlooked or even outright denied. However, the most ancient legal treaties contain separate norms of international law, the formulation and application of which should have been carried out by specialists familiar with past and existing practice. In connection with the above, it seems relevant to understand the issue of the moment when the science of international law emerged. It is advisable to conduct a study of the works of ancient philosophers and legal scholars to formulate conclusions that international law has existed since the formation of the first states and is a consequence of the transfer of basic legal principles from domestic relations to external interstate ones. The research methodology is determined by its sources. The use of comparative, formal legal, historical research methods made it possible to achieve this goal. Based on the names and works of thinkers of ancient countries (China, India, Greece, Rome), it is argued that international legal thought existed in the ancient world. In conclusion, it is concluded that neither international law, nor its science were created in Europe in the XVI–XVII centuries, as some researchers say. Both the emergence itself and the study of international law are objective processes that political life demanded and generated much earlier.

¹ Мы уже обратились к этой проблеме в статье, опубликованной в 2012 г. на сербском языке (*Krivokapic B. O nastanku medunarodnog prava u antičkom svetu // Pravni život. 2012. No. 12. S. 215–228*), но это новая работа, в чем легко убедиться простым сравнением.

Key words: external relations; state and law; Ancient Greece; Ancient Egypt; Ancient India; Ancient Rome; international treaty; international law; science of international law.

Citation. Krivokapich B. D. *Nauka mezhdunarodnogo prava – s drevnikh vremen!* [Science of international law – since ancient times!]. *Juridicheski vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-49-64> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Krivokapich B. D., 2022

Boris D. Krivokapich – professor of International Public Law and also Human Rights, Unizerzitet «Union-Nikola Tesla», 62–64, Cara Dušana, Beograd, 11000, Republic of Serbia.

Введение (к вопросу о возникновении международного права)

Ответ на вопрос, с каких пор существует международно-правовая научная мысль, зависит от того, когда возникло само международное право. С нашей точки зрения, нет никаких сомнений в том, что оно начало развиваться вместе с первыми взаимными контактами политически организованных обществ [1, с. 42–46]. Сам факт того, что уже первые государства вступали во взаимоотношения (иначе просто не могло быть), ясно указывает, что еще в древности появились первые нормы того, что мы называем международным правом¹ [2, с. 3].

Оно, конечно, еще не было относительно развитой правовой системой, которую мы знаем в наши дни. Но ни государства, ни их внутренние порядки не были такими, как сегодня. И все же никто не отрицает существования государств и права в те времена. В связи с этим немислимо, чтобы право развивалось во внутренних рамках отдельных обществ (государств) в то время, когда в их внешних отношениях (с другими государствами) преобладал бы полный хаос. Наоборот, хорошо известно, что основные правовые принципы были перенесены из внутреннего в международное право. Также есть доказательства того, что внутреннее право наиболее сильных и влиятельных древних государств, например Рима, повлияли на развитие международного права [3, с. 678–687; 4, с. 25–58; 5, с. 1–38].

В самом деле, нет сомнений в том, что первые международно-правовые нормы возникли уже в древности. Такие, как правила договорного права (правила заключения, действия, толкования, расторжения и т. д. международных соглашений); правила дипломатического права (об иммунитетах и привилегиях послов, о дипломатическом церемониале и протоколе и т. д.); нормы о способах мирного урегулирования споров (о посредничестве и арбитраже); соглашения о военной помощи и союзе (против внешнего врага, но и в борьбе с восстаниями рабов и народов покоренных стран);

¹ Уже в конце XIX в. замечено, что «история международного права может охватывать историю всего человечества» и что «достаточно существования двух обществ, чтобы у них уже были взаимные интересы, которые необходимо регулировать: они ведут войну друг с другом и, следовательно, заключают мирные договоры, а сами международные институты представляют в дополнение ко всей своей кажущейся нестабильности и гибкости один из самых старых и самых неизменяемых элементов в современном обществе».

правила военного и гуманитарного права (об объявлении войны, нейтралитете, демилитаризации, запрещении определенных средств и методов ведения войны, обращении с военнопленными, заключении перемирия и мира и т. д.); нормы о правовом статусе иностранцев, о праве убежища, о выдаче преступников, о морском праве (о свободе судоходства по открытому морю, о запрете захода в порт иностранного государства и т. д.), о некоторых принципах речного права (в древнем Китае не разрешалось в одностороннем порядке менять русла рек, имеющих большое транспортное и экономическое значение для всех прибрежных государств), об охране редких пород зверей и птиц и пр. [6, с. 6–7; 7; 8, с. 134–138; 9, с. 41–100; 10, с. 37, 42–44, 48; 11; 12, 9–42; 13, с. 50; 14; 15, с. 46–58, 523–532; 16, с. 540–546].

Из-за отсутствия связей между различными частями мира эти нормы носили региональный характер, но возникали и развивались на всем мировом пространстве. Вполне естественно, они часто были разными в соответствии с практикой и обычаями в каждом конкретном регионе. Тем не менее некоторые из них уже тогда были практически одинаковыми, как, например, правила о неприкосновенности дипломатических представителей и парламентаров². Учитывая сегодняшние взгляды, определенные правила были удивительно продвинуты и гуманны, в то время как другие для наших современных стандартов были варварскими. Но правила существовали, и в большинстве случаев их добросовестно соблюдали³. Итак, первые международно-правовые нормы, а их было не так уж мало, как иногда кажется, появились в эпоху античности.

Для более полной картины напомним, что древнейший из сохранившихся международных договоров⁴ [17, с. 7; 18, с. 14; 19, с. 98–99] – это договор между городами-государствами Эбла и

² Лица, уполномоченные сторонами, находящимися в состоянии войны, вести переговоры о заключении перемирия, обмене пленными и т. п.

³ Каждое право иногда нарушается, даже в наше время. Однако в большинстве случаев нормы международного права соблюдаются. Если бы это было не так, не было бы международного права – кому бы оно вообще было нужно?

⁴ Существовали и более древние договоры, но они не сохранились, что неудивительно, если иметь в виду огромный период времени, наполненный войнами, пожарами, землетрясениями, наводнениями и т. д. Среди известных на сегодняшний день древнейшим считается договор об арбитражном решении спора о делимитации, заключенный между шумерскими городами Лагаш и Умма около 2550 г. до н. э.

Абарсал [12, с. 18–20], который был заключен между 2350 и 2250 годами до н. э., т. е. не только около 4500 лет назад, но и как минимум два столетия раньше самого древнего сохранившегося закона – Закона Ур-Намму, царя Ура, который был издан около 2100 г. до н. э. Уже это говорит о том, что международное право на самом деле не так уж отставало от внутреннего (государственного), как считают некоторые исследователи.

Важное значение имеет и договор между египетским фараоном Рамзесом II и царем Хеттского царства Хаттусили III, этот документ долгое время был известен как самый древний из сохранившихся международных договоров. Он был подписан около 1278 г. до н. э.⁵ и интересен тем, что в нем насчитывается целых 18 статей, в которых содержатся положения о мире и союзе между двумя государствами, об экстрадиции, о предоставлении убежища и т. д. [12, с. 16–18]. Другими словами, о правовых институтах, с которыми мы встречаемся до сих пор.

Как известно, есть мнение, что международное право возникло в конце средневековья. Суть такого воззрения заключается в том, что международное право было создано в Европе под влиянием христианства как основы новой доминирующей цивилизации, решившей навязать себя всему миру. Это понимание, однако, ошибочно, так как не учитывает многочисленные и разнообразные материальные свидетельства из далекого прошлого и не уважает достижения других народов и цивилизаций [20; 21, с. 1–66; 22, с. 54–77].

Основная часть

1. Научные взгляды на зарождение науки международного права

В зависимости от подходов и потребностей понятие науки международного права понимают по-разному. Здесь мы под ней имеем в виду тех, которые занимаются этой научной дисциплиной, а также их труды. Но мы не будем подробно анализировать конкретные произведения и их авторов. Мы хотим доказать, что наука международного права родилась вместе с возникновением международного права. Это значит – с появлением первых государств и их взаимоотношений.

В работах современных теоретиков есть несколько основных подходов в отношении к науке международного права в древнем мире.

Одни исследователи, описывая развитие международного права, вовсе не обращают внимания на его науку и тем самым не интересуются ее возможным существованием в далеком прошлом [23, с. 4–7; 24, с. 24–25, 38; 25, с. 19–45; 26, с. 29–31, 46].

Другие ученые-юристы считают, что международное право было создано при переходе от среднего к новому веку или в лучшем случае во

времена феодализма. Поэтому вполне логично возникновение науки международного права связывают только с этим периодом [27, с. 18–20; 28, с. 53–86; 29, с. 12–22; 30, с. 47–64; 31, с. 36–40; 32, с. 9–16; 33, с. 4–12]. Некоторые из исследователей вообще имеют дело с развитием этой науки только в своей стране, причем не с древних времен, а со средневековья [34, с. 87–104; 35, с. 5–37].

К аналогичным результатам приходят те правоведы, которые не оспаривают, что первые нормы международного права возникли в далеком прошлом, но совсем не замечают, что уже тогда кто-то должен был изучать их. Поэтому они первых теоретиков международного права находят только в XIV веке или даже в XVI веке [36, с. 17–20, 23; 37, с. 13–25; 38, с. 6–7; 39, с. 10, 51–52; 40, с. 115–125; 41, с. 4–7].

Существуют и такие исследователи, которые доказывают, что международное право было создано еще во времена первых государств, и в то же время признают, что древние философы, историки и другие, занимаясь широким спектром проблем, затрагивали и некоторые вопросы международного права, рассуждая о войне, правовом положении пленных, отношениях с варварами и т. д. [42, с. 40–65; 6, с. 2–17; 43, с. 50–54; 44, с. 21; 45, с. 9–14; 46, с. 15; 47, с. 74–78; 48, с. 53–54; 49, с. 26]. Тем не менее они не видят в них представителей науки международного права, а иногда и прямо заявляют, что речь идет о времени, когда доктрина международного права еще не образовалась.

Наконец, совсем небольшое число теоретиков признает существование в далеком прошлом науки международного права или, по крайней мере, какие-то ее ростки. И все же даже они считают, что древние мыслители исчерпывали свою деятельность главным образом философскими и моральными рассуждениями о мире, месте и роли государств и, возможно, о еще некоторых проблемах, таких как вопросы справедливой войны и неприкосновенности дипломатических представителей. К тому же отдельные из этих авторов высказывают, на наш взгляд, противоречивые взгляды и выводы⁶ [10, с. 38–39].

Нам же кажется, что положение дел в этой сфере было гораздо более насыщенным и содержательным. Для подтверждения этого сошлемся на некоторые соображения и подкрепляющие их конкретные примеры.

⁶ Так, некоторые из них говорят, что наука международного права в Греции «только еще зарождалась» и «не представляла отдельной отрасли знания», так как ею преимущественно занимались философы, ораторы и политики-практики. И все же замечают, что историю зарождения древней науки международного права следует искать в Греции в V в. до н. э. Но спустя несколько страниц они указывают, что юриспруденция как самостоятельная область знаний выделилась в Риме в I веке до нашей эры и что только после этого в ее рамках развилась наука международного права.

⁵ Некоторые считают, что договор был заключен еще в 1291 г. до н. э., а возможно, даже раньше, тогда как другие думают, что это произошло только в 1259 г. до н. э.

2. Необходимость изучения исторически первых норм международного права

Если уже несколько тысяч лет назад, несомненно, существовали нормы международного права и даже были международные договоры в письменной форме, простая логика говорит, что кому-то приходилось иметь дело со всем этим. Причем, учитывая тот факт, что это были очень важные государственные вопросы, заниматься этим приходилось вполне серьезно.

Некоторые авторы, указывая на то, что одной из характеристик греческого мира было существование огромного количества различных договоров, замечают, что ничего подобного в международном сообществе не было видно до XIX века [45, с. 12]! А ведь международные соглашения заключали и другие древние государства, в разных частях света. Можем только предполагать, каким было бы количество договоров, если принять во внимание практику Шумера, Вавилона, Ассирии, Аккада, Египта, Китая, Индии, Персии, Израиля, Рима, Японии, Армении и т. д. Кто-то составлял все эти соглашения, а это значит, что он должен был быть достаточно ознакомлен с прошлой и существующей практикой. Более того, ему приходилось хорошо продумать то, что он будет советовать своему правителю (не в смысле политических решений, а именно с точки зрения права); позаботиться о стилизации и форме договора; следить за соблюдением правил процедуры заключения договора и т. д.

Время от времени надо было давать и четкие и аргументированные ответы на спорные вопросы, решение которых невозможно без опоры на определенные теоретические соображения. Например, как разрешить ситуацию, в которой между теми же сторонами существуют договоры с противоречивыми решениями; что делать, когда после заключения договора произошло существенное изменение обстоятельств; когда и при каких условиях можно нарушить договорные обязательства и т. д. [7, с. 407–410].

Все становится еще более очевидным, если учесть, что договоры тщательно сохранялись в государственных архивах (в Китае даже существовал особый дворец договоров – Мэн-Фу), что само по себе свидетельствует и о том, что кто-то их изучал; в Риме встречаем даже ратификацию договоров⁷ [7, с. 371–373]; и т. д. В этой связи вполне можно согласиться с утверждением, что не только институты, но и теория международного договора зародились уже в древние века [8, с. 138].

⁷ Она, однако, не была регулярной стадией в заключении договора, а представляла собой чрезвычайную меру, применяемую, когда тот, кто от имени Рима заключил договор, сделал это, нарушив полномочия или вообще без них (обычно так поступали полководцы или консулы, заключая мир с врагом). Такие договоры назывались спонсорскими (*sponsio*), и Рим признавал себя связанным ими, только если они были впоследствии ратифицированы Сенатом. Но он мог отказаться от ратификации и в качестве компенсации (отказ от ратификации воспринимался как нарушение присяги) выдать другой стороне лиц, заключивших договор.

В принципе то же самое можно сказать и о дипломатическом праве. Очевидно, что недостаточно просто знать о неприкосновенности иностранных послов. Кто-то должен был объяснить, почему это так; почему послам предоставляются не только личная неприкосновенность и иммунитеты, но и определенные привилегии (например, освобождение от налогов); при каких условиях теряются иммунитеты и т. д. Для того, чтобы справиться с задачей, этот «кто-то» должен был знать правила обращения с послами других стран и практику (как «домашнюю», так и иностранную). Другими словами, кому-то приходилось изучать эти вопросы, толковать существующие нормы, предлагать новые решения. Даже когда у самих правителей были базовые знания в этих вопросах⁸ [50, с. 104–105], нет сомнений, что они полагались на рекомендации своих советников, которые в этом разбирались намного лучше.

В конце концов, в практической деятельности возникали различные непредвиденные обстоятельства, которые необходимо было решать незамедлительно, причем с опорой не только на сложившуюся практику и всем известные правовые нормы. Это требовало не просто хорошего знания существующих правил, но и умение мыслить абстрактно, рассуждать логически и давать всем понятные объяснения, толкования и предложения. Например, если, вопреки своей обязанности быть нейтральным, иностранный посол вступил в военные действия против принявшего его государства, это рассматривалось как преступление против этого государства. Но, учитывая иммунитет посла, государство не имело права наказать его, а могло только требовать от другой стороны его выдачи⁹

⁸ Об этом свидетельствует эпизод, связанный с судьбой послов, которых персидский царь Дарий I Великий послал к спартамцам. Раздраженные наглостью послов, которые грубо требовали подчиниться, спартанцы бросили их в колодец и таким образом убили. Однако вскоре покаялись и выбрали между собой двух добровольцев, которые пришли к Кеерксу I, сыну и наследнику Дария, со словами, что он может делать с ними, что ему угодно (т. е. они готовы принять любую кару за убийство послов). Однако он отправил их обратно, сказав, что «не будет таким, как лакедемонцы (другое наименование спартамцев), которые, убив послов, нарушили и осквернили уважаемое всеми народами правило» [50, с. 104–105].

⁹ Так, когда в 390 г. до н. э. сеноны двинулись на Клизий, римляне послали делегацию из трех человек с задачей путем переговоров убедить их отказаться от нападения на город. Однако, когда сеноны отклонили предложение и начали атаку, послы не ушли обратно, а присоединились к защитникам. Видя, что один из них убил его воина, Бренн, вождь сенонов, призвал богов в качестве свидетелей грубого нарушения общего права всех народов (т. е. международного права), которое совершено в ущерб его народу, так как пришедший к ним в качестве посла боролся против них как враг. Поэтому он потребовал выдачи преступника. На сессии римского Сената многие осудили поступок послов, а фециалы (жреческая коллегия из 20 членов, которая имела важную роль в международных отношениях и праве) потребовали выдачи посла, чтобы таким образом снять вину со всего Рима.

[7, с. 341–342]. Даже при отказе другой стороны в удовлетворении этого требования государство не могло наказать виновного, но тогда такой отказ представлял собой повод для объявления войны, причем такая война считалась справедливой. Как видно, речь идет о достаточно сложной операции толкования и применения международного права, которая требовала определенных специфических знаний и навыков.

Мы знаем, что такие методы мирного урегулирования споров, как посредничество и арбитраж (третейский суд), использовались уже в древности¹⁰ [7, с. 127–165; 51, с. 11–14; 12, с. 26–27; 52, с. 151–152]. Это нам говорит о следующем: 1) посредник или арбитр должны были иметь определенные знания о нормах международного права (чтобы могли на них ссылаться, истолковывать их и мотивировать свое посредническое предложение или арбитражный вердикт); 2) существовали и нормы, регулирующие правовой статус (в частности, иммунитет) посредников и арбитров при выполнении их функций в чужой стране – без этого никто бы не согласился выполнять эти должности, в то время как, с другой стороны, всегда были бы сомнения относительно беспристрастности посредника или арбитра; 3) существовали и правила о роли и полномочиях посредника и, в частности, юридической силе арбитражного вердикта – без этого никто бы не использовал эти институты. Все это приводит нас к еще одному выводу: кто-то хранил арбитражные вердикты, изучал практику мирного урегулирования споров, толковал существующие нормы международного права (для того, чтобы опосредовать или вынести арбитражный вердикт) и т. д.

Аналогичные соображения могут быть применены к другим сферам – нормам военного права, правилам о положении иностранцев, о выдаче преступников, о предоставлении убежища и т. д.

Хорошее знание международного права было необходимо и потому, что некоторые вопросы, касающиеся международных отношений, регулировались внутренним (государственным) правом.

¹⁰ На основании уже упомянутого договора между Лагашом и Умма, более 4500 лет назад имело место самое раннее известное нам международное арбитражное разбирательство, которое окончилось тем, что Месалим, король Киша и гегемон союза, в который входили эти два города-государства, определил границу между ними. Глиняные таблички из архива месопотамского города Мари, из ок. 1775–1760 гг. до н. э., свидетельствуют о мирном урегулировании международных споров путем посредничества и арбитража. Они использовались и в отношениях между другими странами, особенно для разрешения пограничных споров и демаркации границы. Известно 46 арбитражных вердиктов, принятых 300–100. гг. до н. э. в одной Греции, где арбитами часто были третьи страны (обычно, делегируя группу своих граждан, выбранных по жребию) или иностранные правители.

Так, Законы Ману¹¹ содержат положения о дипломатических представителях (послах) и военном праве. В связи с этим и вывод – как только появились законы и кодексы, которые хотя бы частично касались международных отношений, кто-то должен был их компилировать и толковать. И не произвольно, а с учетом того, что было принято в качестве права в древнем международном сообществе.

Короче говоря, вполне логично, что наряду с возникновением первых норм международного права появились и люди, которые их собирали, записывали, интерпретировали и дорабатывали; изучали законы и практику других стран; описывали особо интересные случаи; передавали соответствующую информацию другим; советовали высшим органам (правителям) своих государств и т. д. Разве это не то же самое, чем сегодня занимается наука международного права?

Стоит задуматься и о следующем обстоятельстве: если известно, что наши предки имели неожиданно высокие знания в сфере математики, физики, астрономии, медицины, архитектуры (строительства), военного дела и т. д., почему следует считать, что они не были способны или не были заинтересованы в изучении международного права, которое имеет большое значение для любого государства, а особенно для империй, возникших уже в те далекие времена.

Наконец, если никто не оспаривает, что в Риме и других древних обществах не только существовала, но и была достаточно высокоразвита философия права, что заставляет нас думать, что она была сосредоточена исключительно на внутреннем праве? Зная с уверенностью, что уже тогда были налицо не только развитые международные отношения, но и целый набор регулирующих их международно-правовых норм и принципов, действительно ли нужно доказывать, что хотя бы какие-то из тех исследователей, которые в те времена занимались философией права, просто не могли не анализировать и эти нормы и принципы и заниматься их изучением, интерпретированием и систематизацией.

3. Древние мыслители и их произведения

В ответ на все сказанное можно возразить, что речь идет об интересной гипотезе, которая, однако, не имеет материальных доказательств. И все же такие доказательства существуют, причем в образе конкретных лиц и их произведений.

Хотя встречаются и представители других стран и народов (например, еврейский эллинист, Филон Александрийский); между теми, кто в античности

¹¹ Индийский кодекс из IV в. до н. э., хотя есть утверждения, что он возник еще ок. 1500 г. до н. э., содержит правила об обращении с послами, описывает функции послов, указывает на ранги послов, на необходимые качества хорошего посла, и т. д. В области военного права содержит правила ведения военных действий – запрет на использование яда; запрет на убийство раненых, пленных, спящих, тех, которые просят пощады; запрет на уничтожение полей и деревьев.

так или иначе затрагивал проблемы международного права, нам прежде всего известны философы, юристы, историки, ораторы и политические деятели Китая, Индии, Греции и Рима, жившие между VI в. до н. э. и III в. н. э.

Упоминая о них, современные теоретики в основном сосредотачиваются на одном или на нескольких именах и в связи только с отдельными вопросами. При этом разные авторы обычно указывают на разных мыслителей. Однако если все эти имена объединить, то получится впечатляющий список, в котором будут некоторые из величайших умов в истории человечества. Кроме того, если взять вместе все основные проблемы, которыми они занимались, можно обнаружить, что сфера их интересов на самом деле охватывала очень широкий круг проблем.

Изучением законов, регулирующих международные отношения, занимался целый ряд философов древнего Китая, таких как Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Мэн-цзы и др. [53, с. 10–11; 47, с. 77–78]. Они сформулировали принципы Ли и Фа, которые некоторые отождествляют с естественным и позитивным правом, хотя многие указывают, что такой подход не совсем корректен, поскольку упомянутые принципы имеют более глубокое значение. Древние китайцы интересовались не только чисто теоретическими (философскими) проблемами, но и международными договорами, средствами мирного урегулирования международных споров, международными союзами и конференциями, войной (уже с V в. до н. э. находим у них разделение войн на справедливые и несправедливые, а также утверждение, что нельзя развязывать войну без праведного повода), вопросами нейтралитета, гуманитарным правом и т. д. [54, с. 233–248]. Некоторые из них, например Конфуций (ок. 551–479 гг. до н. э.), указывали на необходимость создания общества (лиги) независимых государств в интересах порядка и мира [45, с. 11], что неудивительно, когда известно, что в Китае существовала практика многосторонних переговоров и ассоциаций¹² [10, с. 47].

У китайских философов встречаем и идеи равенства людей. Обращая внимание на проблему справедливости и благосостояния человека, они указывают, что народ имеет право свергнуть тирана. Согласно Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н. э.): «Человек имеет огромную ценность, за ним следуют учреждения и правила, а личность правителя имеет наименьшее значение» [55, с. 169–170]. Эти воззрения, конечно же, очень далеки от международного права в области прав человека, но, согласимся, все же они представляют собой хорошую почву для разработки теории основных прав человека.

Несмотря на ужасную жестокость, которая иногда встречается в войнах Древнего Китая, а может

быть, как раз из-за этого у китайцев есть понимание, что даже в войне должны соблюдаться определенные правила и ограничения. Между прочим, великий мыслитель, военный теоретик и полководец Сун-цзы (ок. 544 – 496 гг. до н. э.) в знаменитом трактате «Искусство войны» указал, что «к военнопленным надо относиться по-человечески и заботиться о них» [56, с. 16].

В рассматриваемых вопросах не отставали ни древние индусы – Вишнушарман, Камандака, Каутилья и другие. Они касались целого ряда философских вопросов и в то же время правовых институтов, имеющих практическое значение, таких как суверенитет, независимость, война, концепция справедливой войны и т. д. [57, с. 400–414; 58, с. 59–75; 59, с. 339–361; 60, с. 285–294]. Их особенно интересовали проблемы, касающиеся статуса послов и оснований их неприкосновенности. В «Панчатантра» (буквально – «Пять текстов»), основным автором которой считают брахмана Вишнушармана, жившего в VI в. до н. э., подчеркнуто, что ни при каких обстоятельствах нельзя убивать иностранного посла¹³. Это произведение, конечно, не представляло собой научную работу (оно всего лишь сборник поучительных историй), но все же, несомненно, свидетельствует о том, что эти вопросы еще тогда привлекали серьезное внимание.

К числу наиболее известных работ древнего мира, связанных с международными отношениями и правом, безусловно, принадлежит «Артхашастра», трактат, составителем которого считается Каутилья (ок. 370–283 гг. до н. э.), который был главным советником индийского императора Чандрагупты Маурьи. Трактат интересен тем, что содержит ряд международно-правовых норм и замечаний, касающихся международных отношений и дипломатических навыков. Следует заметить, что сам автор признается в том, что его сочинение на самом деле – сборник произведений более древних авторов [61, с. 38–46].

Интересно отметить и Ашока Великого (273–232 гг. до н. э.), который, как некоторые утверждают [58, с. 62], первым в мире ввел принцип запрета на применение силы в международных отношениях, ставший после Второй мировой войны важнейшим принципом современного международного права. Будучи правителем Империи Маурьев, в то время одной из крупнейших стран мира, около 260 г. до н. э. Ашока завоевал намного более слабое государство Калинга. Однако, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением, сделал это за счет ужасного кровопролития¹⁴. Но тогда, видя множество трупов, раненых и сирот и ужасные разрушения и страдания, которые причинил, искренне раскаялся, принял буддизм и начал пропо-

¹² Переговоры иногда велись на международных съездах правителей из сразу нескольких государств. Особенно известна образованная в 651 г. до н. э. лига князей, имеющая характер международно-правового объединения.

¹³ Считается, что основной текст из III в. до н. э., а некоторые части даже из XI в. до н. э.

¹⁴ Решающая битва была настолько ожесточенной, что река Даджи, у которой столкнулись соперники, багровела от крови. Ашока потерял 10 000 воинов, в то время когда на стороне Калинга было убито более 100 000 воинов и гражданских лиц.

ведовать мир и ненасилие. До конца своего правления (а это целых 30 следующих лет) он больше не воевал; одинаково относился ко всем, независимо от их религии или касты; следил за тем, чтобы не было беспричинного заключения в тюрьму; запретил принудительные работы; помогал бедным и немощным; строил бесплатные больницы, университеты и гостиницы; даже создал некий вид института правозащитника¹⁵. Взгляды и политику, которую проводил, Ашока описал в своих эдиктах, которых сохранилось более 150. Здесь нас, прежде всего, интересует тот факт, что и на словах, и на деле он продвигал отказ от силы в международных отношениях, религиозную и иную терпимость и вообще ряд ценностей и принципов, которые и сегодня лежат в основе международного права и прав человека. Причем в отличие от современных теоретиков и экспертов, которые за осуществление этих ценностей борются словами (книгами, статьями, выступлениями), он не просто проповедовал, но и сам своими поступками обеспечивал их [55, с. 171–172; 62].

Следует отметить и достаточно многих греков (Пифагор, Сократ, Исократ, Платон, Аристотель, Полибий и др.) и римлян (Цицерон, Тит Ливий, Сенека, Тацит, Прокул, Луций Анней Флор, Секст Помпоний, Ульпиан, Юлий Павел и др.), которые так или иначе затрагивали разные вопросы, связанные с международным правом.

У некоторых мыслителей греческого мира встречаются идеи о том, что отношения между государствами (по крайней мере между греческими) должны быть дружескими и основываться на равенстве. Начиная с IV в. до н. э. все чаще слышны голоса против гегемонии определенных полисов. Так, Исократ (436–338 гг. до н. э.) в своих речах «О мире» и «Филип» уговаривал греков прекратить взаимные войны и призывал Афины отказаться от гегемонии [10, с. 30].

Хотя в Греции и Риме не было понятия «суверенитет»¹⁶, его юридическое содержание существовало, и оно изучалось жившими в то время мыслителями, которые для его обозначения использовали слово «свобода». Обращает на себя внимание определение суверенитета, которое в I веке сформулировал Прокул: «Свободным является то государство, которое не подчинено какой-либо форме власти другого государства» [63, с. 24–25; 64, с. 195]. Хотя, на первый взгляд, эта мысль кажется очевидной, она оказала большое влияние на юридическую науку, была принята и процитирована самим Гроциусом [65, с. 48].

¹⁵ Это были государственные служащие, в ряд обязанностей которых входили, между прочим, забота о поддержании справедливости во всей стране, инспекция тюрем и т. д.

¹⁶ Даже в Средние века не было юридического термина который бы выражал верховенство государственной власти. Внутри государства оно приравнивалось к свободе принимать законы, а в международных отношениях – к независимости. Термин «суверенитет» был впервые введен в XVI веке французским ученым Ж. Боденом.

а также рядом других классических авторов [63, с. 25; 66, с. 2]. Другими словами, это наглядный пример конкретного влияния античного автора на представителей юридической науки, живших спустя много веков.

Уже в Риме высказывались мысли об ограниченном суверенитете, что связано с разделением договоров и союзов на равные и неравные [10, с. 33].

Грекам (Платон, Аристотель, стоики и другие) и римлянам мы обязаны возникновением концепции естественного права, которая на протяжении веков оказывала большое влияние на науку международного публичного права [67, с. 17] и сохранила своих сторонников вплоть до наших дней [68, с. 951–958; 69, с. 171–181; 70, с. 997–1030; 71, с. 269–307; 72, с. 279–305]. Так, Аристотель (384–322 гг. до н. э.) подметил, что естественная справедливость и естественное субъективное право приходят из естественного объективного права и что человеческие (позитивные) законы должны соответствовать естественному праву, а не нарушать или подрывать его. Если же дело обстоит иначе, можно сослаться на естественное право как высший авторитет, чтобы послушаться человеческих законов [55, с. 173]. Другие теоретики, особенно в Древнем Риме, полностью связали эту концепцию с международным правом. Так, Цицерон (106–43 гг. до н. э.) в речи «О Манилиевом законе» и других своих произведениях подчеркнул, что международное право является частично позитивным и частично естественным, причем первая часть основана на сходстве норм, применяемых в разных странах, а вторая – на характере людей, которые склонны поддерживать не только личные, но и межгосударственные отношения [10; 39].

Так как и греческие полисы, и Рим поддерживали разветвленную сеть международных отношений¹⁷, неудивительно, что у них были развиты нормы дипломатического права. Это, в свою очередь, привело к тому, что различные мыслители этих стран изучали соответствующие правила, интерпретировали их и при надобности напоминали о них. К примеру, во II в. до н. э. римский юрист Секст Помпоний указывал: «Если кто ударит посла врагов, то это действие признается противоречащим праву народов, ибо послы считаются святыми. И поэтому если у нас были послы какого-либо народа и им была объявлена война, то они остаются свободными» [10, с. 40; 51, с. 17].

Уже в Древней Греции существовали идеи о необходимости обеспечения вечного мира, по крайней мере между определенным кругом государств. Так, Платон (ок. 427–347 гг. до н. э.) утверждал, что война против варваров представляет собой естественное, необходимое состояние, но, с другой стороны, в «Законах» и других сочинениях выступал за прочный, «вечный» мир между эллина-

¹⁷ Древнегреческие города-государства посылали послов не только друг к другу, но и в Персию, Индию и другие страны; Александр Великий принимал эмиссаров от скифов и других народов; Рим поддерживал отношения с разными странами, причем с I века и с правителями Индии, а с II века даже с далеким Китаем.

ми. Он даже избегал называть войны между ними этим термином, а предпочитал употреблять другие понятия, такие как «междоусобицы» или «раздоры» [10, с. 29]. И другие, к примеру Исократ, тоже уговаривали греков прекратить взаимные войны.

Так как война была неотъемлемой частью их жизни, древние мыслители много думали о ней и правилах, которые к ней относятся. Уже Платон различал международные и внутренние войны [73, с. 8]. Кроме того, у Платона и Аристотеля, а затем и в Риме у Цицерона и других мыслителей встречается разделение войн на справедливые и несправедливые [10, с. 30, 39]. Эти размышления повлияли на юридическую науку последующих веков [16, с. 482–490].

Греки и римляне были жестокими завоевателями, и неудивительно, что многие из них, например Ливий и Тацит, утверждали, что на войне нет никаких ограничений, оправдывая тем самым такую практику своих стран. И все же можно было услышать и другие мнения. Уже Сократ, Платон, Полибий, Цицерон и другие выступают за определенную гуманизацию войны, утверждая, что нет необходимости разрушать храмы, что надо щадить пленных и воинов, покинувших поле сражения, что следует устраивать перемирия для погребения убитых и т. д. [10, с. 29, 39; 74, с. 15].

Уже древние греки, такие как софисты и Сократ, занимались положением иностранцев [10, с. 29–30]. При этом они исходили из того, что именно их народ исключительный, превосходящий всех других. Фукидид, Аристотель и Дионисий Галикарнасский постоянно развивали в своих работах идею о том, что греки – особый этнос, избранный богами, что им одним принадлежат определенные права. Поэтому они не только вправе, но и должны относиться с презрением ко всем другим. Словами Ф. Мартенса: «...в политическом и в международно-правовом смысле только греки считались лицами, имеющими известные человеческие права» [75, с. 33].

В Древнем Риме отношение к иностранцам также изначально было негативным. Со временем под влиянием развития внешнеэкономических связей и в Греции, и в Риме положение иностранцев улучшается, даже создаются правовые институты для их защиты – простаты, госпиция, патронат, перегринский претор и т. д. [76, с. 52–59]. Хотя, конечно, подход к иностранцам был основан на внутригосударственном праве, не следует упускать из виду, что речь шла о вопросе, который касался международных отношений и иногда был регулирован международными договорами. Все это (дифференциация различных категорий иностранцев, введение специальных правил и институтов для них, заключение договоров по этим вопросам и т. д.) подразумевало не просто наличие необходимых юридических знаний и навыков, но и существование определенных концепций, а значит, и теоретический подход.

В наше время важной отраслью международного права и его науки являются нормы и вопро-

сы, касающиеся прав человека. И древние греки уделяли внимание этой проблеме, хотя, конечно, видели ее по-другому, что неудивительно в условиях рабовладельческих государств, которых, как известно, характеризовало выраженное правовое неравенство. Аристотель, Демосфен, Дионисий Галикарнасский и другие философы древности даже пытались доказать, почему оправдано превращать людей в рабов. Говоря о варварах, т. е. тех, которые не принадлежат к эллинскому миру, они сравнивают их с животными или в лучшем случае считают своими естественными врагами, которые по своей натуре предопределены стать рабами [42, с. 57]. Мы охотно согласимся, что такие взгляды противоречат принципам, господствующим в наше время. Но какими бы отсталыми и нечеловеческими они ни были, нельзя опровергнуть тот факт, что речь идет в определенном смысле о теоретически обоснованных позициях. К тому же, если современных теоретиков, борющихся за развитие и защиту прав человека, считаем представителями науки международного права, по сути, нет оснований оспаривать такой статус у тех исследователей, которые в другие времена и в других условиях отстаивали противоположное. Впрочем, хотя они, конечно, имели в виду не рабов, а только свободных людей, и прежде всего совершеннолетних мужчин – граждан полисов, у эллинских философов находим и идеи, которые можно считать отправной точкой в развитии концепции о правах человека. Такой подход встречается, например, у Платона, который даже подчеркивал, что определенные права принадлежат также и женщинам. Некоторые греческие философские школы, такие как стоики, пошли дальше, указывая, что в глазах богов все люди свободны, что боги не знают о разделении между богатыми и бедными, греками и варварами [77, с. 82–83]. Особое развитие у греков получили космополитические идеи о том, что все люди являются членами единого человеческого сообщества и что у всех них есть общая родина – Земля. Эти идеи можно найти у Сократа и Диогена из Синопты, а в I веке Филон Александрийский разработал даже целую систему космополитизма. С учетом вышеизложенного очевидно, что такие мировоззрения могли только способствовать созданию предпосылок для ускоренного развития международного права.

Греческие и тем более римские авторы занимались проблемой гражданства своих стран (условиями его приобретения и утраты, правами и обязанностями, которые оно влекло за собой). Хотя эти вопросы являются частью внутреннего права, они по многим причинам даже сегодня актуальны для международного права и его науки. В Риме, различные аспекты этих проблем были рассмотрены особенно Цицероном [78, с. 87–108].

Так же как и в других сферах, в международном праве римляне охотно знакомились с опытом и достижениями других народов. Среди прочего они тщательно изучили традицию Древней Греции касательно международных договоров,

адаптировали эти решения к своим потребностям и использовали их в собственных интересах [79, с. 151–185]. Но как раз сбор, анализ, оценка, приспособление, применение решений из международной практики других стран и представляют важную часть задач международно-правовой науки, как и в наше время.

Хотя, конечно же, уже до римлян существовало множество норм международного права, мы обязаны Древнему Риму идеей об этом праве как об отдельном правопорядке, который регулирует отношения между народами (государствами). Выдающийся римский юрист Ульпиан (ок. 170–228 гг.) дал определение «права народов», содержащего ряд международно-правовых элементов. По его словам, это право включает в себя нормы, касающиеся войны, пленных, порабощения, оккупации, мирных договоров, перемирия, священных обязательств не оскорблять и не причинять вред дипломатическим представителям, а также запрета на вступление в брак с иностранцами. А «правом народов», говорил Ульпиан, его зовут потому, что им пользуются все народы [10, с. 39; 46, с. 15; 73, с. 8]. Кстати, даже сегодня термин «право народов», придуманный римлянами, используется в некоторых языках как одно из названий международного права, например в английском (*Law of Nations*) и немецком (*Völkerrecht*).

Как видно, приведенные примеры говорят лишь о некоторых идеях определенных мыслителей. О крупицах мудрости, оставленных одаренными людьми, которые на самом деле занимались не международным правом, а философскими, историческими и другими проблемами или просто записывали практику. Другими словами, можно подумать, что сталкиваемся с усилиями, лишь слегка и почти нечаянно затронувшими международное право. Нельзя сказать, что такой вывод был бы совсем ошибочным.

И все же, чтобы их вообще можно было применять на практике, старейшие институты международного права должны были иметь определенную теоретическую базу. Следует добавить, что уже в древние времена в некоторых странах, как, например, в Китае, при дворах существовали ведомства иностранных дел, к компетенции которых относились вопросы дипломатического церемониала, хранения договоров, объявления войны и тому подобное [10, с. 48]. Кроме того, уже Ассирия, Вавилон [9, с. 42], Египет, Китай, Индия, Рим и т. д. отправляли и принимали постоянные дипломатические миссии (первые посольства)¹⁸. Все это говорит нам о наличии необходимой специализации, которая всегда обязательно приводит к определенным теоретическим соображениям.

Наконец, как еще одно, причем достаточно веское доказательство того, что наука международного права родилась уже в древнем мире, следует подчеркнуть тот факт, что одна из первых попыток создать систему международного права при-

писывается афинскому философу, оратору и политическому деятелю Деметрию Фалеронскому (ок. 350–283 гг. до н. э.) [80, с. 46], который одно время был хранителем Александрийской библиотеки. Но ведь никакая серьезная попытка в области систематизации или кодификации невозможна без определенного исследования, изучения, классификации, толкования, анализа. Разве это не то, что мы сегодня называем научно-исследовательской работой?

Выводы (вместо заключения)

Античное международное право было далеко от того, что мы имеем сейчас. Но это касается и транспорта, средств связи, оружия, медицины, спорта и т. д. Они существовали уже в древние времена, хотя и в иной форме, чем сегодня. Точно так же то, что мы могли бы назвать наукой международного права древнего мира, было очень далеко от той отрасли знаний, что мы имеем в виду, когда говорим об этой науке в наше время. И действительно, те, кто занимался международным правом, не были учеными-профессионалами, как в наши дни. И все же нельзя отрицать, что еще в ту пору существовала мысль, которая изучала и толковала международное право и способствовала его развитию. Как мы будем ее называть – это другое дело. Будем ли мы говорить о «науке международного права в древности», о «теоретиках международного права античного мира» или о «предшественниках науки международного права», наверно, все-таки не так важно.

Особенно следует подчеркнуть, что в наши дни мы помним лишь некоторых древних авторов, не обязательно самых лучших и самых достойных из них. Имена подавляющего числа исследователей потеряны в «темных» коридорах истории. В древние времена знания о международном праве приобретались в основном непосредственно, на практике – путем сбора и анализа международных обычаев и договоров, посредством устных обсуждений и лишь частично путем ознакомления с работами других. Тогда, конечно, не было научных монографий, журналов и конференций в современном понимании этого слова. Те, кто занимались определенными вопросами в области международного права, обычно делали это в своих публичных выступлениях (речи в суде, на городской площади и т. п.). Многое из этого существовало лишь в устной форме, а из того, что было написано, только небольшая часть дожила до наших дней. Время, войны, пожары и стихийные бедствия сделали свое дело.

Если бы рукописи не сохранились (многие из них сохранились случайно, только благодаря переводам на арабский), что бы мы сегодня знали о капитальных трудах лучших греческих философов, математиков и писателей? Возможно, в своей надменности, с которой иногда смотрим на предков, порой совсем незаслуженно недооценивая их, мы бы считали, что древние греки были необычным

¹⁸ Так, после победы Римской республики над Пиром эллинистический Египет открыл в 273 г. до н. э. в Риме свое постоянное посольство.

народом, который только воевал, строил храмы и амфитеатры и делал прекрасные статуи. Другими словами, что этот народ умел воздвигать великолепные здания и памятники, но не был в состоянии создавать философские, математические, исторические, литературные и другие произведения. Мы, конечно, знаем, что это не так. Тогда имеем ли мы право думать, что греки и другие древние народы не изучали серьезно международное право?

Ко всему сказанному следует добавить, что очень много документов до сих пор не найдено. Достаточно напомнить, что архив Эблы с его договором с Абарсалом сразу отодвинул возраст старейшего сохранившегося международного соглашения на 1000 лет назад! Да и знаменитый договор между Рамзесом II и Хаттусили III обнаружен лишь в 1828 г. Не стоит удивляться, если уже в ближайшее время мы узнаем об открытии неизвестных древних трактатов по вопросам международного права. И их совсем не обязательно выкопают из земли – достаточно будет наконец перевести античные тексты, которые пылятся на полках и в тайниках музеев¹⁹.

Выступления древних мыслителей о необходимости отказа от силы в международных отношениях, в пользу вечного мира, запрета несправедливых войн, создания единого мирового общества, гуманизации войны, уважения определенных прав человека и т. д. можно рассматривать как филантропические взгляды людей, которые в принципе не имеют отношения к международному праву и тем более к науке этого права. Так многие и делают, и их в этом не стоит упрекать. Тем не менее возникает еще один вопрос: а разве важные изменения в международном праве, такие как отмена устаревших правил и институтов (рабство, каперство, смертная казнь, пытки, расовая и другая дискриминация и пр.) либо появление новых, передовых решений (достаточно вспомнить о развитии международного права в сфере прав человека) не начались с аналогичной критики или рекомендаций?

Кроме того, хотя вполне может казаться, что многие из приведенных нами примеров не имеют ничего общего с наукой, такое понимание было бы слишком поверхностным. Достаточно задаться вопросом, зачем вообще упоминается Ашока и какое отношение он имеет к науке международного права. И правда, его человеческое мировоззрение и практику, безусловно, следует приветствовать, но в них, в принципе, нет никаких теоретических подходов. И все же, не все так просто. На самом

¹⁹ Так, хотя руины древнего города Эблы были обнаружены еще в 1964 г., его архивы были раскопаны только в 1974–1975 гг., а договор с Абарсалом был переведен еще позже, что неудивительно, ведь в архиве было найдено около 20 000 глиняных табличек, которые надо было перевести и систематизировать.

деле Ашока проповедовал и осуществлял новые концепции, вносящие изменения в мировоззрение и межгосударственные и общественные отношения того времени. А разве не то же самое делали некоторые из величайших теоретиков международного права всех времен и народов? Даже Гроций, которого многие считают отцом науки международного права, прежде всего знаменит своей приверженностью свободе открытого моря, как, в конце концов, называется и его самая известная работа²⁰. В этом смысле с существенной точки зрения приверженность Ашока ненасилию и человечности (правам человека) на самом деле имели большее значение, так как эти ценности важнее свободы мореплавания, а также и потому, что, будучи царем, он не только распространял свои идеи, но и воплощал их в жизнь.

В конце концов, если и сегодня, спустя более 2000 лет, в науке международного права цитируются взгляды древних мыслителей о суверенитете государств, равенстве государств, о правилах, связанных с международными договорами, о неприкосновенности послов, о делении войн на справедливые и несправедливые, о необходимости гуманизации войны и др. – что нам еще нужно? А ведь современные ученые, занимающиеся международным правом, цитируют, по сути дела, своих коллег, занимавшихся с древних времен теми же проблемами, что и они.

Следует обратить внимание еще на один вопрос. Если уже в древности существовала определенная научная мысль в области международного права, могла ли она быть источником этого права? Конечно, нет. Известно, что и в наше время юридическая наука не создает правовых норм (не обладает законодательной властью), а лишь в определенных случаях может служить вспомогательным средством для определения этих норм, в первую очередь обычных. Так было на протяжении всей истории.

Вопреки тому, что некоторые настаивают на этом, международное право не появилось в Европе в XVI–XVII веках, а его наука не начинается с Гуга Гроция²¹. Международное право и его наука – объективные явления, корни которых уходят в далекое прошлое, так как их требовала и родила сама жизнь.

²⁰ Речь, конечно же, идет об «Открытом море» (1609), в котором он утверждал, что моря не могут принадлежать отдельным государствам и что все народы свободны в их использовании для мореплавательной торговли. Хотя у него были и более важные произведения, он больше всего известен как раз по этому трактату.

²¹ До Гроция и его современников (Дж. Селден, Р. Зуч, С. Пуфендорф и др.) были Бартоло да Сассоферрато, Дж. Леньяно, Ф. Витория, Д. Сото, П. Бели, Ж. Боден, Ф. Суарез, Б. Аяла, А. Джентили и многие другие, причем и они не начинали с пустого места, а опирались на работы предшественников.

Библиографический список

1. Кривокапич Б. Международное публичное право. Самара, 2018. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Mezhdunarodnoe-publichnoe-pravo-Elektronnyi-resurs-uchebnik-73890?mode=full>.

2. Nis E. *Poreklo međunarodnog prava*. Beograd, 1895.
3. Nussbaum A. The Significance of Roman Law in the History of International Law // *University of Pennsylvania Law Review*. 1952. Vol. 100, № 5. P. 678–687. DOI: <http://doi.org/10.2307/3310180>.
4. Lesaffer R. Argument from Roman Law in Current International Law: Occupation and Acquisite Prescription // *European Journal of International Law*. February 2005. Vol. 16, issue 1. P. 25–28. DOI: <http://doi.org/10.1093/ejil/chi102>.
5. Benton L., Straumann B. Acquiring Empire by Law: From Roman Doctrine to Early Modern European Practice // *Law and History Review*. 2010, Vol. 28, issue 1. P. 1–38. DOI: <http://doi.org/10.1017/S073824800990022>.
6. Hosack J. *On the Rise and Growth of the Law of Nations, as Established by General Usage and by Treaties, from the Earliest Time to the Treaty of Utrecht*. London, 1882. URL: https://books.google.ru/books/about/On_the_Rise_and_Growth_of_the_Law_of_Nat.html?hl=ru&id=cXQDAAAQAAJ&redir_esc=y.
7. Phillipson C. *The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome, I-II*. London, 1911. URL: <https://www.readanybook.com/ebook/the-international-law-and-custom-of-ancient-greece-and-rome-205449>.
8. Талалаев А. Н. *Международные договоры рабовладельческого общества* // *Правоведение*. 1960. № 3.
9. Karavites P. Diplomatic Envoys in the Homeric Period // *Revue internationale des droits de l'antiquite*. 1987. Vol. 34. P. 41–100. URL: <http://local.droit.ulg.ac.be/sa/rida/file/1987/04.%20Karavites.pdf>.
10. Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. *История международного права*. Москва, 1990.
11. Bederman D. J. *International Law in the Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. URL: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511494130>.
12. Krivokapić B. *Međunarodno pravo – koreni, razvoj, perspektive*. Beograd, 2006.
13. *Международное право / Игнатенко Г. В., Тиунов О. И., отв. ред.* Москва, 2009.
14. Podany A. H. *Brotherhood of Kings: How International Relations Shapped the Ancient Near East*. Oxford University Press, 2010. 456 p. URL: <https://readli.net/brotherhood-of-kings-how-international-relations-shaped-the-ancient-near-east>.
15. Krivokapić B. *Međunarodno javno pravo*. Beograd, 2017.
16. Krivokapić B. *Mir i rat u međunarodnim odnosima i pravu*. Beograd, 2017.
17. Cooper J. S. *Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict*, Undena Publication, 1983. URL: http://undena.com/EL-UP/Cooper_1983_Lagash-Umma_Border_Conflict_-_SANE_2.1.pdf.
18. Neff S. C. *Justice Among Nations*. Harward: Harward University Press, 2014. DOI: http://doi.org/10.1163/2468-1733_shafr_sim010200108.
19. Sand P. H. Mesopotamia 2550 B.C.: The Earliest Boundary Water Treaty // *Global Journal of Archaeology & Anthropology*. 2018. Vol. 5. issue 4. P. 555669. DOI: <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.05.555669>.
20. Bandyopadhyuay P. *International Law and Custom in Ancient India*. Calcuta University Press, 1920. 176 p. URL: https://rarebooksocietyofindia.org/book_archive/196174216674_10153995330316675.pdf.
21. Yasuaki O. When was the Law of International Society Born: an Inquiry of the History of International Law From an Intercivilization Perspective // *Journal of the History of International Law*. 2000. Vol. 2. P. 1–66. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718050020956740>.
22. Alshdaifat S. A. A visible theme in the history of international law: International or global? // *International Journal of Public Law and Policy*. 2017. Vol. 6, no. 1. DOI: <http://doi.org/10.1504/IJPLAP.2017.10006660>.
23. Davis G. B. *The Elements of International Law*. New York; London, 1900. URL: <https://archive.org/details/elementsinterna02davigoog/mode/2up>.
24. Brownlie I. *Principles of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press, 1995. URL: https://www.stephankinsella.com/wp-content/uploads/texts/brownlie_principles-4th.pdf.
25. Cassese A. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
26. Etinski R., Đajić S., Tubić B. *Međunarodno javno pravo*. Novi Sad, 2017.
27. Листъ Ф. *Международное право*. Рига, 1923.
28. Фердросс А. *Международное право*. Москва, 1959. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006284297/.
29. Akehurts M. *A Modern Introduction to International Law*. London, 1984.
30. *Международное право / Вылежгагин А. Н., отв. ред.* Москва, 2009. URL: <https://knigi.news/pravo-mejdunarodn/mejdunarodnoe-pravo-uchebnik.html>.
31. Besson S., Tasioulas J. *The Philosophy of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010. URL: <https://iuristebi.files.wordpress.com/2011/07/the-philosophy-of-international-law.pdf>.
32. Henderson C. W. *Understanding International Law*. Wiley-Blackwell, 2010. URL: <https://bookree.org/reader?file=1110560>.
33. Neff S. C. A. *Short History of International Law* // Evans M. D. ed. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: <http://doi.org/10.1093/he%2F9780198791836.003.0001>.

34. Международное публичное право / Бекашев К. А., отв. ред. Москва, 2009. URL: http://cawater-info.net/bk/water_law/pdf/byakishev.pdf.
35. Бекашев К. А., Стародубцев Г. С. История науки международного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 6 (10). С. 12–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24871964>.
36. Halleck H. W. Elements of International Law and Laws of War. Philadelphia, 1866. URL: https://books.google.ru/books/about/Elements_of_International_Law_and_Laws_o.html?hl=ru&id=CL8LAAAAYAAJ&redir_esc=y.
37. Wilson G. G., Tucker G. F. International Law. New York; Boston-Chicago, 1901. URL: <https://www.free-ebooks.net/sociology/International-Law>.
38. Курс международного права / Кожевников Ф. И., отв. ред. Москва, 1987.
39. Malanczuk P. Akehurst's Modern Introduction to International Law. Routledge, 1997. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203427712>.
40. Bederman D. J. International Law in the Ancient World // Armstrong D. ed. Routledge Handbook of International Law. Routledge, 2009. DOI: <http://doi.org/10.2139/SSRN.1092442>.
41. Boas G. Public International Law: Contemporary Principles and Perspective. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2012.
42. Стояновъ А. Н. Очерки истории и догматики международного права. Харьков, 1875. 756 с. URL: http://starietknigi.info/Knigi/S/Stoyanov_A_N_Ocherki_istorii_i_dogmatiki_mezhdunarodnogo_prava_1875.pdf.
43. Walker T. A. A History of the Law of Nations. Cambridge, 1899. 456 p. URL: <https://archive.org/details/historyoflawofna01walk/mode/2up>.
44. Лисовский В. И. Международное право. Москва, 1970.
45. Rhyne C. S. International Law. Washington, 1971.
46. Тункин Г. И. Международное право. Москва, 1982.
47. Дмитриев А. И. Международное право древнего периода // История международного права / Дмитриев А. И., Батлер У. Э., ред. Одесса, 2013. URL: <https://obuchalka.org/20201109126692/istoriya-mejdunarodnogo-prava-dmitrieva-a-i-batlera-u-e-2013.html>.
48. Витцтум В. Г. Понятие, история и источники международного права // Международное право / Витцтум В. Г., Прёльсс А., ред. Москва, 2015. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/Граф-Витцтум-В.-Прёльсс-А.-Боте-М.-Дольцер-Р.-Международное-право.-Völkerrecht-2015.pdf>.
49. Богатырев В. В. Международное право. Владимир, 2016. 276 с. URL: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/5926/1/01623.pdf>.
50. Geršić G. Današnje diplomatsko i konsularno pravo. Beograd, 1898.
51. Левин Д. Б. История международного права. Москва, 1962.
52. Митина С. И. Формы международного судопроизводства в эллинистическую эпоху // Zbornik radova sa naučne konferencije „Funkcionisanje pravnog sistema Republike Srbije“, Pravni fakultet u Nišu. Niš, 2006.
53. Janković B. Diplomacija. Beograd, 1988.
54. Pan J. Chinese Philosophy and International Law // Asian Journal of International Law. 2011. Vol. 1, issue 2. P. 233–248. DOI: <http://doi.org/10.1017/S2044251310000354>.
55. Lauren P. G. The Foundation of Justice and Human Rights in Early Legal Texts and Thoughts // Shelton D. (Ed.) The Oxford Handbook of International Human Rights Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: <http://doi.org/10.1093/LAW%2F9780199640133.003.0008>.
56. Sun Tzu on the Art of War. Translated from Chinese Giles L. London, 1910, Chapter II. Par. 17. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315030081>.
57. Sarkar B. K. Hindu Theory of International Relations // American Political Science Review. 1919, Vol. 13, issue 3. P. 400–414. DOI: <https://doi.org/10.2307/1945958>.
58. Mani V. S. International humanitarian law: An Indo-Asian perspective // International Review of the Red Cross. 2001, Vol. 83, issue 841. P. 59–76. DOI: <http://doi.org/10.1017/S1560775500106182>.
59. Subedi S. P. The Concept in Hinduism of 'Just War' // Journal of Conflict & Security Law. 2003. Vol. 8, no. 2. P. 339–361. DOI: <http://doi.org/10.1093/jcsl/8.2.339>.
60. Sinha M. K. Hinduism and international humanitarian law // International Review of the Red Cross. 2005. Vol. 87, no. 858. P. 285–294. DOI: <http://doi.org/10.1017/S1816383100181342>.
61. Alexandrowicz C. H. The Law of Nations in Global History, ed. by Armitage D., Pitts J. Oxford University Press, 2017. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof%3Aoso%2F9780198766070.001.0001>.
62. Lahiri N. Ashoka in Ancient India. Harvard: Harvard University Press, 2015, 402 p. DOI: <http://doi.org/10.4159/9780674915237>.
63. Korowicz M. S. Introduction to International Law. The Hague, 1959.

64. Cursi M. F. *International Relationships in the Ancient World* // *Fundamina*. 2014. Vol. 20, no. 1. P. 186–195. Available at: <http://www.scielo.org.za/pdf/funda/v20n1/17.pdf>.
65. Grotius H. *On the Law of War and Peace*. // Batoche Books, 2011. Book 1. Chapter 3, VII/1. URL: https://assets.cambridge.org/97805211/97786/frontmatter/9780521197786_frontmatter.pdf.
66. Ninčić Đ. *The Problem of Sovereignty in the Charter and in the Practice of the United Nations*. The Hague, 1970. 358 p. Available at: https://books.google.nl/books/about/The_Problem_of_Sovereignty_in_the_Charte.html?hl=ru&id=uxu3YiFs6OIC&redir_esc=y.
67. Shaw M. N. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781316979815>.
68. Kunz J. L. *Natural-Law Thinking in the Modern Science of International Law* // *American Journal of International Law*. 1961. Vol. 55, issue 4. P. 951–958. DOI: <http://doi.org/10.2307/2196276>.
69. Bull H. *Natural Law and International Relations* // *British Journal of International Studies*. 1979. Vol. 5, issue 2. P. 171–181. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0260210500114780>.
70. Schall S. J. J. *Natural Law and the Law of Nations: Some Theoretical Considerations* // *Fordham International Law Journal*. 1991–1992. Vol. 15, issue 4. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1324&context=ilj>.
71. Hall S. *The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism* // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12, issue 2. P. 269–307. DOI: <http://doi.org/10.1093/EJIL%2F12.2.269>.
72. Gordon G. *Natural Law in International Legal Theory: Linear and Dialectical Presentations* // Orford A., Hoffmann F., Clark M., eds. *The Oxford Handbook of the Theory of International Law*. Oxford University Press, 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2923286.
73. Курс международного права / Кожевников Ф. И., отв. ред. Москва, 1966.
74. Калугин В. Ю., Павлова В. Л., Фисенко И. В. *Международное гуманитарное право*. Минск, 1999.
75. Мартенс Ф. Ф. *Современное международное право цивилизованных народов*. Т. 1 (по изданию 1904 г.). Москва, 1996. URL: <https://runivers.ru/lib/book20758/>.
76. Krivokapić B. *Zaštita manjina: istorijski razvoj, osnovna pitanja i zaštita u okviru UN*. Beograd, 2004.
77. Lauterpacht H. *International Law and Human Rights*. London, 1950. URL: <https://archive.org/details/internationallaw00laut/mode/2up>.
78. *The Making of the Second Century Italy – The Roman Citizenship* // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1998. Vol. 42. S. 70.
79. Buis E. J. *Ancien Entanglements: The Influence of Greek Treaties in Roman ‘International Law’ under the Framework of Narrative Transculturation* // Duve T. ed. *Entanglements in Legal History: Conceptual Approaches*. Vol. 1. Max Planck Institute for European Legal History, 2014. P. 151–185. DOI: <http://www.jstor.org/stable/j.ctvqhtwr.8>.
80. Andrassy J., Bakotić B., Vukas B. *Međunarodno pravo 1*. Zagreb, 1998.

References

1. Krivokapich B. *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International public law]. Samara, 2018. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Mezhdunarodnoe-publichnoe-pravo-Elektronnyi-resurs-uchebnik-73890?mode=full> [in Russian].
2. Nis E. *Poreklo međunarodnog prava* [The origin of international law]. Beograd, 1895 [in Bosnian].
3. Nussbaum A. *The Significance of Roman Law in the History of International Law*. *University of Pennsylvania Law Review*, 1952, vol. 100, no. 5, pp. 678–687. DOI: <http://doi.org/10.2307/3310180>.
4. Lesaffer R. *Argument from Roman Law in Current International Law: Occupation and Acquisite Prescription*. *European Journal of International Law*, February 2005, vol. 16, issue 1, pp. 25–28. DOI: <http://doi.org/10.1093/ejil/chi102>.
5. Benton L., Straumann B. *Acquiring Empire by Law: From Roman Doctrine to Early Modern European Practice*. *Law and History Review*, 2010, vol. 28, issue 1, pp. 1–38. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0738248009990022>.
6. Hosack J. *On the Rise and Growth of the Law of Nations, as Established by General Usage and by Treaties, from the Earliest Time to the Treaty of Utrecht*. London, 1882. Available at: https://books.google.ru/books/about/On_the_Rise_and_Growth_of_the_Law_of_Nat.html?hl=ru&id=cXQDAAAQAAJ&redir_esc=y.
7. Phillipson C. *The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome, I–II*. London, 1911. Available at: <https://www.readanybook.com/ebook/the-international-law-and-custom-of-ancient-greece-and-rome-205449>.
8. Talalaev A. N. *Mezhdunarodnye dogovory rabovladel'cheskogo obshchestva* [International treaties of the slave-owning society]. *Pravovedenie*, 1960, no. 3 [in Russian].
9. Karavites P. *Diplomatic Envoys in the Homeric Period*. *Revue internationale des droits de l'antiquite*, 1987, vol. 34, pp. 41–100. Available at: <http://local.droit.ulg.ac.be/sa/rida/file/1987/04.%20Karavites.pdf>.
10. Baskin Ju. Ja., Feldman D. I. *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow, 1990. Available at: <https://www.rulit.me/author/feldman-david-isakovich/istoriya-mezhdunarodnogo-prava-download-437804.html> [in Russian].

11. Bederman D. J. *International Law in the Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511494130>.
12. Krivokapić B. *Međunarodno pravo – koreni, razvoj, perspektive* [International law – roots, development, perspectives]. Beograd, 2006 [in Bosnian].
13. Ignatenko G. V., Tiunov O. I. (Eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 2009 [in Russian].
14. Podany A. H. *Brotherhood of Kings: How International Relations Shaped the Ancient Near East*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 436 p. Available at: <https://readli.net/brotherhood-of-kings-how-international-relations-shaped-the-ancient-near-east>.
15. Krivokapić B. *Međunarodno javno pravo* [International Public Law]. Beograd, 2017 [in Bosnian].
16. Krivokapić B. *Mir i rat u međunarodnim odnosima i pravu* [Peace and war in international relations and law]. Beograd, 2017 [in Bosnian].
17. Cooper J. S. *Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict*. Undena Publication, 1983. Available at: http://undena.com/EL-UP/Cooper_1983_Lagash-Umma_Border_Conflict_-_SANE_2.1.pdf.
18. Neff S. C. *Justice Among Nations*. Harvard: Harvard University Press, 2014. DOI: http://doi.org/10.1163/2468-1733_shafr_sim010200108.
19. Sand P. H. Mesopotamia 2550 B.C.: The Earliest Boundary Water Treaty. *Global Journal of Archaeology & Anthropology*, 2018, vol. 5, issue 4, p. 555669. DOI: <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.05.555669>.
20. Bandyopadhyay P. *International Law and Custom in Ancient India*. Calcuta: Calcuta University Press, 1920, 176 p. Available at: https://rarebooksocietyofindia.org/book_archive/196174216674_10153995330316675.pdf.
21. Yasuaki O. When was the Law of International Society Born? – An Inquiry of the History of International Law From an Intercivilization Perspective. *Journal of the History of International Law*, 2000, vol. 2, pp. 1–66. DOI: <http://doi.org/10.1163/15718050020956740>.
22. Alshdaifat S. A. A visible theme in the history of international law: International or global?. *International Journal of Public Law and Policy*, 2017, vol. 6, no. 1. DOI: <http://doi.org/10.1504/IJPLAP.2017.10006660>.
23. Davis G. B. *The Elements of International Law*. New York; London, 1900. Available at: <https://archive.org/details/elementsinterna02davigoog/mode/2up>.
24. Brownlie I. *Principles of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press, 1995. Available at: https://www.stephankinsella.com/wp-content/uploads/texts/brownlie_principles-4th.pdf.
25. Cassese A. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
26. Etinski R., Đajić S., Tubić B. *Međunarodno javno pravo* [International public law]. Novi Sad, 2017 [in Bosnian].
27. List F. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Riga, 1923 [in Russian].
28. Ferdross A. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 1959. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006284297 [in Russian].
29. Akehurts M. A. *Modern Introduction to International Law*. London, 1984.
30. Vylezhagin A. N. (Ed.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 2009. Available at: <https://knigi.news/pravo-mejdunarodn/mejdunarodnoe-pravo-uchebnik.html> [in Russian].
31. Besson S., Tasioulas J. *The Philosophy of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Available at: <https://iuristebi.files.wordpress.com/2011/07/the-philosophy-of-international-law.pdf>.
32. Henderson C. W. *Understanding International Law*. Wiley-Blackwell, 2010. Available at: <https://bookree.org/reader?file=1110560>.
33. Neff S. C. A. Short History of International Law. In: *Evans M. D. (Ed.) International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010. DOI: <http://doi.org/10.1093/he%2F9780198791836.003.0001>.
34. Bekyashev K. A. (Ed.) *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International public law]. Moscow, 2009. Available at: http://cawater-info.net/bk/water_law/pdf/byakishev.pdf [in Russian].
35. Bekyashev K. A., Starodubtsev G. S. *Istoriya nauki mezhdunarodnogo prava* [History of the science of international law]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2015, no. 6 (10), pp. 12–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24871964> [in Russian].
36. Halleck H. W. *Elements of International Law and Laws of War*. Philadelphia, 1866. URL: https://books.google.ru/books/about/Elements_of_International_Law_and_Laws_o.html?hl=ru&id=CL8LAAAAYAAJ&redir_esc=y.
37. Wilson G. G., Tucker G. F. *International Law*. New York; Boston-Chicago, 1901. Available at: <https://www.free-ebooks.net/sociology/International-Law>.
38. Kozhevnikov F. I. (Ed.) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International law course]. Moscow, 1987 [in Russian].
39. Malanczuk P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law*. Routledge, 1997. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203427712>.
40. Bederman D. J. *International Law in the Ancient World*. In: *Armstrong D. (Ed.) Routledge Handbook of International Law*. Routledge, 2009. DOI: <http://doi.org/10.2139/SSRN.1092442>.

41. Boas G. *Public International Law: Contemporary Principles and Perspective*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2012.
42. Stoyanov A. N. *Ocherki istorii i dogmatiki mezhdunarodnago prava* [Essays on the history and dogmatics of international law]. Kharkiv, 1875, 756 p. Available at: http://stariyeknigi.info/Knigi/S/Stoyanov_A_N_Ocherki_istorii_i_dogmatiki_mezhdunarodnago_prava_1875.pdf [in Ukrainian].
43. Walker T. A. *A History of the Law of Nations*. Cambridge, 1899. 456 p. Available at: <https://archive.org/details/historyoflawofna01walk/mode/2up>.
44. Lisovsky V. I. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 1970, 476 p. [in Russian].
45. Rhyne C. S. *International Law*. Washington, 1971.
46. Tunkin G. I. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, 1982 [in Russian].
47. Dmitriev A. I. *Mezhdunarodnoe pravo drevnego perioda* [International law of the ancient period]. In: *Dmitriev A. I., Batler U. E. (Eds.) Istoriya mezhdunarodnago prava* [history of international law]. Odessa, 2013. Available at: <https://obuchalka.org/20201109126692/istoriya-mejdunarodnogo-prava-dmitrieva-a-i-batlera-u-e-2013.html> [in Russian].
48. Vitzthum V. G. *Ponyatie, istoriya i istochniki mezhdunarodnago prava* [Concept, history and sources of international law]. In: Vitzthum V. G., Proelß A. (Eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, 2015. Available at: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2017/10/Граф-Витцтум-В.-Прэльсс-А.-Боте-М.-Дольцер-Р.-Международное-право.-Völkerrecht-2015.pdf> [in Russian].
49. Bogatyrev V. V. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Vladimir, 2016, 276 p. Available at: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/5926/1/01623.pdf> [in Russian].
50. Geršić G. *Današnje diplomatsko i konsularno pravo* [Today's diplomatic and consular law]. Beograd, 1898 [in Bosnian].
51. Levin D. B. *Istoriya mezhdunarodnago prava* [History of international law]. Moscow, 1962 [in Russian].
52. Mitina S. I. *Formy mezhdunarodnago sudoproizvodstva v ellinisticheskuyu epokhu* [Forms of international legal proceedings in the Hellenistic era]. In: *Zbornik radova sa naučne konferencije „Funkcionisanje pravnog sistema Republike Srbije“*, Pravni fakultet u Nišu. Niš, 2006 [in Russian].
53. Janković B. *Diplomatija* [Diplomacy]. Beograd, 1988 [in Bosnian].
54. Pan J. Chinese Philosophy and International Law. *Asian Journal of International Law*, 2011, vol. 1, issue 2, pp. 233–248. DOI: <http://doi.org/10.1017/S2044251310000354>.
55. Lauren P. G. The Foundation of Justice and Human Rights in Early Legal Texts and Thoughts. In: *Shelton D. (Ed.) The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. Oxford: Oxford University Press, 2013. DOI: <http://doi.org/10.1093/LAW%2F9780199640133.003.0008>.
56. Sun Tzu on the Art of War. Translated from the Chinese by Giles L. London, 1910, Chapter II. Par. 17. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315030081>.
57. Sarkar B. K. Hindu Theory of International Relations. *American Political Science Review*, 1919, vol. 13, issue 3, pp. 400–414. DOI: <https://doi.org/10.2307/1945958>.
58. Mani V. S. International humanitarian law: An Indo-Asian perspective. *International Review of the Red Cross*, 2001, vol. 83, issue 841, pp. 59–76. DOI: <http://doi.org/10.1017/S1560775500106182>.
59. Subedi S. P. The Concept in Hinduism of 'Just War'. *Journal of Conflict & Security Law*, 2003, vol. 8, no. 2, pp. 339–361. DOI: <http://doi.org/10.1093/jcsl/8.2.339>.
60. Sinha M. K. Hinduism and international humanitarian law. *International Review of the Red Cross*, 2005, vol. 87, no. 858, pp. 285–294. DOI: <http://doi.org/10.1017/S1816383100181342>.
61. Alexandrowicz C. H. *The Law of Nations in Global History*; Armitage D., Pitts J. (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof%3Aoso%2F9780198766070.001.0001>.
62. Lahiri N. *Ashoka in Ancient India*. Harvard: Harvard University Press, 2015, 408 p. DOI: <http://doi.org/10.4159/9780674915237>.
63. Korowicz M. S. *Introduction to International Law*. The Hague, 1959.
64. Cursi M. F. International Relationships in the Ancient World. *Fundamina*. 2014, vol. 20, no. 1, pp. 186–195. Available at: <http://www.scielo.org.za/pdf/funda/v20n1/17.pdf>.
65. Grotius H. On the Law of War and Peace. In: *Batoche Books, 2011. Book 1. Chapter 3, VII/1*. Available at: https://assets.cambridge.org/97805211/97786/frontmatter/9780521197786_frontmatter.pdf.
66. Ninčić Đ. The Problem of Sovereignty in the Charter and in the Practice of the United Nations. The Hague, 1970, 358 p. Available at: https://books.google.nl/books/about/The_Problem_of_Sovereignty_in_the_Charte.html?hl=ru&id=uxu3YiFs6OIC&redir_esc=y.
67. Shaw M. N. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. DOI: <http://doi.org/10.1017/9781316979815>.
68. Kunz J. L. Natural-Law Thinking in the Modern Science of International Law. *American Journal of International Law*, 1961, vol. 55, issue 4, pp. 951–958. DOI: <http://doi.org/10.2307/2196276>.

69. Bull H. Natural Law and International Relations. *British Journal of International Studies*, 1979, vol. 5, issue 2, pp. 171–181. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0260210500114780>.
70. Schall S. J. J. Natural Law and the Law of Nations: Some Theoretical Considerations. *Fordham International Law Journal*, 1991–1992, vol. 15, issue 4. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1324&context=ilj>.
71. Hall S. The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism. *European Journal of International Law*, 2001, vol. 12, issue 2, pp. 269–307. DOI: <http://doi.org/10.1093/EJIL%2F12.2.269>.
72. Gordon G. Natural Law in International Legal Theory: Linear and Dialectical Presentations. In: *Orford A., Hoffmann F., Clark M. (Eds.) The Oxford Handbook of the Theory of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2016. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2923286.
73. Kozhevnikov F. I. (Ed.) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International law course]. Moscow, 1966 [in Russian].
74. Kalugin V. Yu., Pavlova V. L., Fisenko I. V. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo* [International humanitarian law]. Minsk, 1999. [in Russian].
75. Martens F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. T. 1 (po izdaniyu 1904)* [Modern international law of civilized peoples. Vol. 1 (with reference to the edition of 1904)]. Moscow, 1996. Available at: <https://runivers.ru/lib/book20758> [in Russian].
76. Krivokapić B. *Zaštita manjina: istorijski razvoj, osnovna pitanja i zaštita u okviru UN* [Protection of Minorities: Historical Development, Main Issues and Protection Within the Framework of the United Nations]. Beograd, 2004 [in Bosnian].
77. Lauterpacht H. *International Law and Human Rights*. London, 1950. Available at: <https://archive.org/details/internationallaw00laut/mode/2up>.
78. The Making of the Second Century Italy – The Roman Citizenship. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 1998, vol. 42, p. 70.
79. Buis E. J. Ancien Entranglements: The Influence of Greek Treaties in Roman ‘International Law’ under the Framework of Narrative Transculturation. In: *Duve T. (Ed.) Entanglements in Legal History: Conceptual Approaches. Vol. 1*. Max Planck Institute for European Legal History, 2014, pp. 151–185. Available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctvqhtwr.8>.
80. Andrassy J., Bakotić B., Vukas B. *Međunarodno pravo 1* [International Law 1]. Zagreb, 1998 [in Croatian].

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-65-75

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.98:343.1 «19» (477.62)

Дата поступления: 27.11.2021

рецензирования: 29.12.2021

принятия: 21.03.2022

Правовая регламентация использования научно-технических средств при раскрытии преступлений сотрудниками уголовного розыска на Донбассе в 1918–1953 гг.

В. К. Грошева

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Аннотация: В статье отражены основные аспекты становления правовой регламентации использования научно-технических средств при раскрытии преступлений сотрудниками уголовного розыска на Донбассе в 1918–1953 гг. Обозначена тесная взаимосвязь степени внедрения в деятельность оперативных сотрудников уголовного розыска научно-технических средств с ростом количественных и качественных показателей в борьбе с преступностью на Донбассе в 1918–1953 гг. Особое внимание уделено взаимодействию оперативных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел при раскрытии различных видов преступлений, что позволило результативно противодействовать преступности и росту наиболее опасных её проявлений в послевоенные годы в Советском Союзе. Резюмировано, что на основе накопленного опыта разрабатывались новые методики исследований, научно-технические методы, которые внедрялись в практику уголовного сыска. Поддерживая необходимость непосредственного сотрудничества следственно-оперативных органов с экспертами, автор указал на недопустимость принятия на основании выводов эксперта ошибочных решений из-за влияния различных факторов.

Ключевые слова: взаимодействие оперативных и экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел; криминалистическая экспертиза; научно-технические средства; оперативно-розыскная деятельность; раскрытие преступлений; уголовный розыск.

Цитирование. Грошева В. К. Правовая регламентация использования научно-технических средств при раскрытии преступлений сотрудниками уголовного розыска на Донбассе в 1918–1953 гг. // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 65–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-65-75>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Грошева В. К., 2022

Виктория Константиновна Грошева – кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии управления МВД России, 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.11.2021

Revised: 29.12.2021

Accepted: 21.03.2022

Legal regulation of the use of scientific and technical means when solving crimes by employees of the criminal investigation department in Donbass in 1918–1953

V. K. Groshevaya

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russian Federation

E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

Abstract: The article reflects the main aspects of formation of legal regulation of the use of scientific and technical means when solving crimes by the employees of the criminal investigation department in Donbass in 1918–1953. A close relationship is indicated between the degree of introduction of scientific and technical means into the activities of operational officers of the criminal investigation department with the growth of quantitative and qualitative indicators in

the fight against crime in Donbass in 1918–1953. Particular attention is paid to the interaction of operational and forensic departments of the internal affairs bodies in solving various types of crimes and there made it possible to effectively counteract crime and the growth of its most dangerous manifestations in the postwar years in the Soviet Union. It is summarized that on the basis of the accumulated experience, new research methods, scientific and technical methods were developed, which were introduced into the practice of criminal investigation. Supporting the need for direct cooperation of the investigative authorities with experts, it is indicated that it is inadmissible to make erroneous decisions based on the expert's conclusions due to the influence of various factors.

Key words: interaction of operational and forensic units of internal affairs bodies; criminalistics expert examination; scientific and technical means; criminal intelligence; legal regulation; crime detection; criminal investigation.

Citation. Groshevaya V. K. *Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv pri raskrytii prestuplenii sotrudnikami ugovnogo rozyska na Donbasse v 1918–1953 gg.* [Legal regulation of the use of scientific and technical department in Donbass in 1918–1953]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 65–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-65-75> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Groshevaya V.K., 2022

Victoria K. Groshevaya – Candidate of Legal Sciences, associate professor, doctoral student, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, Moscow, 125993, Russian Federation.

Научно-технический прогресс затрагивает все сферы социума, в том числе правоохранительную сферу, оптимизируя и совершенствуя ее. Применение научно-технических средств в процессе раскрытия и расследования преступлений открывает большие возможности перед органами досудебного расследования.

Вопросы, в той или иной мере касающиеся технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, нашли отражение в работах таких известных ученых, как Р. С. Мулукаев, П. П. Михайленко, Р. С. Белкин, Е. Р. Россинская, Т. В. Аверьянова, А. М. Зинин и др. Однако проблематика становления правового регулирования использования научно-технических средств при раскрытии преступлений сотрудниками уголовного розыска на Донбассе в 1918–1953 гг. в научной литературе не освещалась. Указанное обстоятельство и определило необходимость освещения рассматриваемых в статье вопросов.

Успешное раскрытие преступлений в значительной степени зависит от налаженного взаимодействия между оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел, каждое из которых реализует свои методы работы, что в комплексе позволяет достичь единой цели. Образуется тандем, который позволяет быстро и в полной мере раскрыть преступление, привлечь виновных к ответственности.

5 октября 1918 года после принятия решения об организации отделов уголовного розыска Народного комиссариата внутренних дел РСФСР возникла необходимость в обучении курсантов раскрывать преступления с помощью научных методов, в связи с чем в ноябре 1918 года в Москве были организованы курсы для работников уголовного розыска.

Также обсуждался вопрос о создании при Центrorозыске научного центра (отдела), сотрудники которого являлись бы постоянными консультантами для отделений уголовного розыска на местах. Предлагалось его назвать Кабинетом судебной экс-

пертизы, главными задачами которого должны были стать: постановка научной экспертизы на местах; обучение агентов уголовного розыска научным методам расследования преступлений (дактилоскопии, осмотру мест происшествий и др.); оказание практической помощи работникам губернских угрозысков; производство экспертиз [1, с. 184].

Главное управление милиции РСФСР очень тесно взаимодействовало с местными Советами, решая вопросы строительства уголовно-розыскного аппарата. В ноябре 1918 года в исполкомы местных Советов был направлен документ, в котором подчеркивалось, что «настало время поставить дело сыска на научную основу и создать кадры действительно опытных работников – научных специалистов». Главмилиция указывала на то, что необходимо усилить техническое оснащение органов уголовного розыска, совершенствовать знания и профессиональные навыки работников. В связи с трудностями первых лет советской власти было тяжело реализовать намеченную программу, однако принимались меры по налаживанию и усовершенствованию дактилоскопического учета, фотографирования на основе единых правил.

Созданный при Центrorозыске кабинет судебной экспертизы был первым научно-техническим подразделением не только в органах внутренних дел. Его задачи были очень широкими: постановка научной экспертизы на местах; обучение агентов угрозыска научным методам расследования преступлений, дактилоскопии, осмотру места происшествия и т. д. [2, с. 51, 54].

В апреле 1919 года были организованы Регистрационное и Дактилоскопическое бюро, являвшиеся органами, которые объединяли и направляли работу по регистрации преступлений и дактилоскопии преступников по всей стране. Также они разработали методику и правила фотографирования и дактилоскопирования преступников, закрепленные юридически приказом Главного управления милиции в сентябре 1920 года [3, с. 91].

В 1921 году в составе Центrorозыска имелся научно-технический подотдел, который вел реги-

страционную и статистическую работу, проводил экспертизы.

В 1923 году при МУРе был создан научный кабинет по изучению преступности и преступника, который стал первым научным учреждением в системе органов внутренних дел.

Наибольшую сложность представляло налаживание научно-технической службы на местах. К 1923 году лишь в 14 % губернских аппаратов уголовного розыска имелись фотолаборатории.

В Правилах прохождения службы в Рабоче-крестьянской красной милиции и уголовном розыске, утвержденных НКВД УССР 1 декабря 1923 года, среди прочих указаны лица, принадлежавшие к административному составу и занимающие должности регистратора-дактилоскопа, заведующего научно-техническим кабинетом [4, с. 326–340].

4 июня 1924 года после доклада о задачах и структуре милиции и уголовного розыска УССР на шестом Всеукраинском совещании работников НКВД обсуждались вопросы специального состава милиции и уголовного розыска и была принята резолюция: «Признать насущно необходимым организацию двухмесячных курсов дактилоскопов при Всеукраинской школе милиции и розыске, производя укомплектование их работниками с мест» [4, с. 366–372].

Дактилоскопический и фотографический учеты в большинстве случаев приходилось начинать заново. Потому что в докладе ОУР ЦАУ НКВД РСФСР от 12 декабря 1924 года были приведены многочисленные примеры уничтожения криминалистических учетов или самими уголовниками, или врагами советской власти.

В 1926 году была принята Инструкция по организации научно-технических кабинетов при губернских и областных учреждениях уголовного розыска [2, с. 82, 83].

К середине 30-х годов в советской милиции была создана единая общесоюзная централизованная система ее органов.

В этот период большое внимание уделялось внедрению в практику работы милиции достижений науки и техники, развитию научно-технической службы.

В докладе от 25 января 1927 года «О состоянии и деятельности милиции и розыска Украинской ССР за период 1925-1926 бюджетного года» указывается, что имеется 40 регистрационно-дактилоскопических бюро (по количеству округов) на Украине, а также в четырех больших городах Украины – Харькове, Киеве, Одессе и Днепропетровске.

«Из 40 округов в 16 (40 %) дактилоскопическая регистрация преступников проводится полностью во всех окружных районах; в 15 округах (37,5 %) регистрация проводится только частично, не во всех районах, и в 9 округах (22,5 %) регистрация в окррайонах совершенно отсутствует.

Несмотря на далеко не блестящее материальное положение большинства регистрационных бюро, количество штатных фотографий в них увеличилось за год на 18,1 %, причем 22 округа (55 %) имеют собственные фотографии, а половина из них снабжены специальным фотоаппаратом системы «Вертильон» для сигналитического фотографирования и выездов на места происшествий.

Главным тормозом работы регистрационных бюро на периферии в отчетном году, так же как и в прошлом, остался недостаток денежных средств, необходимых для выполнения всех обязанностей, возложенных на регистрационно-розыскные аппараты. Все отступления от требований инструкций, пробелы в работе, недостатки штатного и материального характера имеют место исключительно из-за отсутствия в округах необходимых ассигнований. Так, вследствие недостаточности денежных средств больше половины регбюро неудовлетворительно оборудованы приборами для дактилоскопической регистрации» [4, с. 605–614].

23 апреля 1932 года Совет Народных Комиссаров УССР утвердил Устав о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при СНК УССР, а 20 ноября того же года – Устав об областном управлении рабоче-крестьянской милиции. Указанные уставы обязывали работников милиции и уголовного розыска вести тщательный учет преступности, изучать причины, которые ее порождают, совершенствовать методы своей работы, разрабатывать научно-технические средства для борьбы с преступностью и др. [5, с. 89].

В предвоенные годы в оперативно-розыскной работе, а также при расследовании уголовных дел научно-технические средства применялись значительно шире. Приказ НКВД СССР «О порядке посылки вещественных доказательств для исследования в НКВД СССР» № 00783 от 8 июля 1939 года указывает, что «направляемые из периферии и из оперативных отделов для химического и бактериологического исследования в НКВД СССР вещественные доказательства, как правило, не оформляются надлежащим образом: вещественные доказательства не опечатываются, нет точной описи, упаковка недоброкачественная». В связи с этим обращается внимание на то, что все указанное снижает ценность и достоверность производимой экспертизы. Таким образом, в целях упорядочения посылки вещественных доказательств для исследования предлагалось строго руководствоваться прилагаемой при этом инструкцией, а также предупреждалось, что вещественные доказательства, присланные без соблюдения инструкции, будут возвращены обратно [6].

Вышеуказанная инструкция «О порядке приема, хранения и выдачи вещественных доказательств в органах РК милиции», прилагаемая к Приказу № 00783 от 8 июля 1939 года, содержала в себе следующие разделы: общее положение; порядок приема; хранение вещественных доказательств; хранение рабочего и домашнего скота; технические правила хранения вещественных до-

казательств; выдача, направление и пересылка вещественных доказательств; оборудование, содержание и охрана камер хранения; учет и контроль.

В инструкции указывалось, что в камерах вещественных доказательств хранятся предметы, сохранившие на себе следы преступления; предметы и вещи, похищенные преступником или изъятые у преступника; предметы, приобретенные им путем преступления; предметы, которые могут служить средством для раскрытия преступления и уличения преступника; орудия преступления, оставленные на месте преступления и т. п.

Также в инструкции было прописано, что предметы, изъятые при обысках-выемках и осмотрах (вещдок), немедленно опечатываются оперативным работником, производящим изъятие, причем печать должна была быть наложена таким образом, чтобы опечатанный предмет не мог быть заменен другим.

При хранении и направлении вещественных доказательств должны были соблюдаться предосторожности, необходимые для сохранения тех признаков и свойств, в силу которых тот или иной предмет по следственному делу получает значение вещественного доказательства [7].

В условиях военного времени увеличилось количество преступлений: разбоев, убийств и краж. В связи с этим при осмотре места происшествия значительно участилось привлечение специалиста-криминалиста. Следовательно, возрастало и количество экспертиз, проводимых сотрудниками научно-технических подразделений. «Количество экспертиз в последние годы войны увеличилось в основном за счет материалов из городских и районных отделений милиции. Это объясняется повышением уровня квалификации работников уголовного розыска, что, в свою очередь, стало возможным благодаря большой работе экспертных подразделений по популяризации криминалистических знаний» [8, с. 109–110].

В годы войны в освобожденных районах оперативная обстановка была сложной. 14 апреля 1943 г. происходит вновь разделение НКВД на два наркомата – НКВД И НКГБ. Милиция УССР осталась в составе НКВД.

В УНКВД Сталинской области были восстановлены прежние отделы. Добавились отделы по борьбе с бандитизмом, по управлению лагерями военнопленных, труд которых широко использовался при восстановлении промышленности и зданий, также был создан отдел по борьбе с преступностью среди несовершеннолетних [9, с. 83]. В начале 1944 г. создано научно-техническое отделение уголовного розыска, позже реорганизованное в научно-технический отдел [10, с. 273]. Для усиления борьбы с преступностью вскоре было признано необходимым воссоздать управление милиции г. Сталина с непосредственным подчинением Министерству внутренних дел УССР.

В соответствии с мерами по усилению борьбы с хулиганством и другими общественно опасными

преступлениями, во всех случаях совершения тяжких преступлений начальники органов милиции были обязаны лично выезжать на места происшествия совместно с оперативными работниками,

с судебно-медицинскими экспертами, с сотрудниками научно-технических отделений.

В нелегкое военное время, в 1944–1945 годах, укреплялись и расширялись сети научно-технических подразделений, подготавливались кадры экспертов-криминалистов. На первое января 1944 года в стране существовало два научно-технических отдела (в Москве и Ленинграде), 18 научно-технических отделений и 37 научно-технических групп [2, с. 170].

Научно-техническое отделение, которое являлось в то время организационной единицей оперативных отделов управлений милиции, систематически информировало оперативные отделы милиции о возможностях использования криминалистических исследований при раскрытии преступлений. Оперативно-методические ориентировки, такие, например, как «О сравнении предметов по линии разрыва, разреза или взлома», «Об использовании следов пальцев рук при расследовании преступлений» и другие, помогали оперативным работникам с помощью научных методов раскрывать преступления [5, с. 130–131].

В послевоенное время в связи с разрухой, голодом, с наличием большого количества оружия на руках у населения и другими обстоятельствами в стране ухудшилась криминогенная обстановка. В это время борьба с преступностью велась в сложных обстоятельствах, в связи с чем остро стоял вопрос о необходимости скорейшего установления всех обстоятельств преступного события.

С 1946 года в Советском Союзе наблюдалось резкое усиление темпов роста уголовной преступности по наиболее опасным ее видам (бандитизм, убийства, грабежи) [8, с. 180]. В связи с этим руководством МВД и МГБ СССР, а также всех союзных республик предпринимались серьезные меры по улучшению работы уголовного розыска и усилению борьбы с преступностью.

В Директиве МВД СССР № 169 от 26 июня 1946 года «О мероприятиях по борьбе с ограблениями инкассаторов сберегательных касс и магазинов» указывалось на то, что в случаях совершения налетов на магазины, сберкассы, на инкассаторов необходимо немедленно высылать на место происшествий квалифицированных оперативных работников с экспертами [11].

Директива МВД УССР «Об улучшении работы уголовного розыска и усилении борьбы с преступностью» № 111 от 26 июля 1946 года отмечала, что «органы милиции Украины в своей практической работе по борьбе с уголовной преступностью всех имеющихся в их распоряжении средств и возможностей полностью не используют. Это намного снижает эффективность мероприятий органов милиции по раскрываемости преступлений и значительно ослабляет чувствительность наносимого ими по уголовно-преступному элементу оперативного удара».

В документе отмечалось, что в практической деятельности органов милиции по борьбе с уголовной преступностью преобладают примитивные приемы и методы и совершенно слабо используются научно-технические средства.

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что Директива содержала указания: в практической работе по борьбе с уголовной преступностью органам милиции особое внимание уделять всемерному использованию научно-технических средств; ознакомить работников уголовного розыска с их применением в борьбе с преступностью; использовать в оперативной работе милиции достижения криминалистики и других наук (физики, химии, биологии и т. д.). Пункт 8 Директивы указывал на то, что на места сложных преступлений необходимо высылать квалифицированных оперативных работников управлений милиции, а также экспертов научно-технического отдела. Во всех случаях обнаружения трупов к их исследованию необходимо привлекать штатных судебно-медицинских экспертов [12].

В 1948 году всем начальникам ГО РО МВД области, начальникам городских управлений милиции г. Сталина направлена Директива, в которой указывалось на то, что анализ имеющихся в УМВД области данных о результатах проверки лиц, подвергнутых органами милиции приводу в порядке ст. 98 УПК УССР, за IV квартал 1947 года и два месяца 1948 года свидетельствует о том, что, несмотря на некоторые улучшения этой работы, во многих ГО РО МВД еще недостаточно используется дактилоскопический учет в борьбе с уголовной преступностью.

В тот период времени практика работы показала оперативную эффективность дактилоскопического учета в разоблачении уголовного элемента. Так, из Директивы следует, что за IV квартал 1947 года и два месяца 1948 года из числа задержанных органами милиции Сталинской области 547 человек, проверенных по дактилоскопическому учету, разоблачено 84 человека, скрывавшихся под вымышленными фамилиями, выданы справки о наличии серьезных компрометирующих материалов и о прежних судимостях за уголовные преступления, а также эти лица были установлены как разыскиваемые во всесоюзном розыске.

Однако органы милиции слабо используют дактилоскопический учет для разоблачения задерживаемых, что характеризуется следующими данными за январь-февраль 1948 года.

Городским управлением милиции г. Сталино и его отделениями были направлены материалы для проверки 132 человек. Значительно хуже обстоит дело с проверкой задерживаемых в некоторых ГО РО МВД (Артемовском, Славянском, Чистяковском, Дружковском, Дзержинском, Красно-Лиманском, Снежнянском, Андреевском, Ольгинском, Селидовском, Тельмановском и др., указанных в Директиве), от этих аппаратов в январе-феврале 1948 года совершенно не поступило материалов для проверки лиц, подвергнутых приводу в порядке ст. 98 УПК УССР.

Приведенные данные о неудовлетворительной постановке данной работы объяснялись недооценкой некоторыми работниками милиции такого серьезного средства в разоблачении преступников, каким является дактилоскопический учет.

Таким образом, в целях активизации работы по проверке в соответствии с данными дактилоскопического учета всех лиц, задержанных в порядке ст. 98 УПК, и устранения имеющихся недочетов было предложено: в соответствии с Приказом НКВД СССР № 001536 1945 года всех лиц, задерживаемых органами милиции в порядке ст. 98 УПК УССР, подвергать дактилоскопической регистрации и обязательно проверять по дактилоскопическим учетам I Спецотдела УМВД; всему оперативному составу органов милиции еще раз изучить инструкцию, объявленную Приказом НКВД СССР № 001536 1945 года «О порядке задержания органами милиции граждан, в порядке ст. 98 УПК УССР» и в дальнейшем не допускать каких-либо нарушений [13].

Наряду с другими опасными видами преступлений имело место еще одно опасное криминальное явление – фальшивомонетничество, которое относилось к разряду наиболее трудно раскрываемых. В целях решительного усиления работы по розыску фальшивомонетчиков и улучшения этой работы Приказом МВД СССР № 00726 «О мероприятиях по усилению борьбы с фальшивомонетничеством» от 24 июня 1948 г. указано, что за последнее время в ряде мест были отмечены случаи появления фальшивых денежных билетов, изготовленных с применением технических средств (клише, фоторепродукция) и от руки путем копирования и рисования. Для качественной работы и ее постановки приказано Главному управлению милиции издать для органов милиции методические ориентировки о способах изготовления фальшивых денег и о методах выявления и розыска фальшивомонетчиков. А также решено сконцентрировать в Научно-исследовательском институте криминалистики Главного управления милиции средства изготовления фальшивых денег, образцы фальшивых денежных билетов и необходимые данные о деятельности фальшивомонетчиков, как наглядный материал для изучения и практического использования [14].

18 октября 1948 года всем начальникам ГО РО МВД Сталинской области была направлена Директива следующего содержания: «Распоряжением МВД СССР № 547 от 31 августа 1948 года обращено внимание всех начальников ГО РО МВД на слабое использование дактилоскопического учета для опознания неизвестных трупов.

Об эффективности средства установления личности путем проверки неопознанных трупов по дактилоскопическому учету можно судить по результатам проверки неопознанных трупов в I Спецотделе МВД СССР, где опознание трупов за 1947 год составило 19 %.

В распоряжении МВД СССР обращено также внимание на качество пальцевых отпечатков, от-

чего в основном зависит результат проверки неопознанных трупов.

В целях упорядочения работы по установлению неопознанных трупов с признаками насильственной смерти предлагаю: 1. Распоряжение МВД СССР № 547 от 31 августа 1948 года проработать со всем оперативным составом и строго руководствоваться им в процессе повседневной работы. 2. При обнаружении трупов с признаками насильственной смерти, личность которых не установлена, подвергать дактилоскопированию. Дактилоскопирование поручать оперативным работникам, знакомым с техникой дактилоскопирования...» [15].

В целях быстрее раскрытия преступлений, улучшения осмотров мест происшествий, являющихся одним из основных оперативных действий, от которых зависит успех раскрытия преступления, и для обеспечения научно-техническими средствами работы по розыску и изъятию следов и вещественных доказательств, оставляемых преступниками, Главное управление МВД СССР, согласно Приказу № 454 от 26 октября 1948 года «Об усилении использования научно-технических методов и средств в борьбе с преступностью», направляет всем органам милиции оперативные сумки, снабженные необходимыми инструментами и материалами [16].

Приказано объявляемое наставление по пользованию оперативной сумкой образца 1948 года ввести в действие. Министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД по краям и областям и их заместителям по милиции обеспечить: а) изучение наставления и овладение техникой применения оперативной сумки всем руководящим и оперативным составом ОУР, ОБХСС, НТО и следственных отделов (отделений); б) обязательное использование оперативных сумок при всех осмотрах мест происшествий; в) повседневный контроль за содержанием сумок.

Было поручено работников милиции, успешно использующих оперативные сумки для розыска и изъятия следов преступлений, поощрять, игнорирующих – наказывать.

Оперативная сумка образца 1948 года предназначена для производства квалифицированного осмотра места происшествия с применением научно-технических средств. В оперативной сумке имелся набор специальных предметов и материалов, с помощью которых можно обнаружить, измерить, закрепить, изъять следы и вещественные доказательства, вычертить план и составить протокол осмотра места происшествия. В наставлении указывалось, как при помощи оперативной сумки можно было произвести изъятие следов пальцев рук; изъятие вдавленных следов ног и транспорта; изъятие следов от орудий взлома.

В результате проведения агентурно-оперативных мероприятий в Москве в 1948 году были вскрыты крупные злоупотребления в работе ряда скупочных пунктов, комиссионных магазинов и артелей, занимающихся реставрацией одежды. Согласно Распоряжению министра внутренних

дел СССР № 793 от 27 декабря 1948 года «Об усилении борьбы со злоупотреблением в скупочных пунктах, комиссионных магазинах и артелях, занимающихся реставрацией одежды», всю выявленную кустарную и недоброкачественную продукцию необходимо было подвергнуть тщательной технической экспертизе для определения качества и действительной стоимости каждого изделия. Квитанции и накладные, выписанные скупщиками, также необходимо было проверить по указанным в них адресам и подвергнуть графической экспертизе для установления фиктивности либо подлинности подписей лиц, расписавшихся в получении денег [17].

В 1949 году милиция была передана в ведение Министерства государственной безопасности СССР. 23 августа 1950 года приказом министра государственной безопасности СССР № 00450 при Главном управлении милиции МГБ СССР создан Научно-исследовательский институт криминалистики со штатной численностью 70 человек [18]. Также объявлено Положение о Научно-исследовательском институте, утвержденное постановлением Совета Министров СССР № 3632-1516сс от 22 августа 1950 года. Согласно Положению, перед институтом ставилась задача – «подготовка для уголовного сыска научных кадров по криминалистике в порядке аспирантуры и усовершенствование подготовки экспертов-криминалистов для органов милиции» [19].

Приказ министра государственной безопасности СССР № 0049 от 19 января 1951 года «О перестройке Уголовного розыска и мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью» указывал, что «добросовестно проведенный осмотр может дать верный ключ к раскрытию истины, а, казалось бы, мелочь, незначительная улика или след играют порой решающую роль в поимке и разоблачении преступника. Оттиск пальцев или след ноги, папиросный окурок или клочок одежды, обнаруженные на месте преступления, все эти и им подобные улики в сочетании с показаниями свидетелей являются убедительными доказательствами по следственным делам». Там же указывалось, что осмотры мест происшествий в связи с бандпроявлениями, убийствами, разбоями и крупными кражами производить только руководящим работникам милиции и уголовного сыска с участием сыщиков и экспертов-криминалистов; обнаруженные вещественные доказательства направлять на экспертизу в научно-технические отделы милиции. Для раскрытия уголовных преступлений широко применялись научно-технические методы: дактилоскопия, криминалистические исследования следов и вещественных доказательств, судебная баллистика, фотография, химия, словесный портрет и др.

Научно-исследовательскому институту криминалистики Главного управления милиции МГБ СССР было поручено производить экспертизы по наиболее важным следственным делам, а также повторные экспертизы. Научно-техническим отделам милиции предписано обобщать опыт проведения экспертиз вещественных доказательств,

а также практику применения в уголовном сыске научно-технических методов раскрытия преступлений, чтобы на этой основе разрабатывать новую оперативную технику [20].

Для организации работы научно-исследовательского института криминалистики Главного управления милиции МГБ СССР было необходимо установить единый порядок оформления материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз. Приказом министра юстиции Союза ССР № 103 от 12 ноября 1952 года была утверждена «Инструкция по оформлению материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз в научно-исследовательские учреждения Министерства юстиции СССР и министерств юстиции союзных республик», которая была разработана Центральной криминалистической лабораторией ВИЮН и отделом криминалистических учреждений Министерства юстиции СССР и согласована с Генеральным прокурором СССР [21]. Согласно Инструкции, научно-исследовательские учреждения Министерства юстиции СССР и министерств юстиции союзных республик занимаются производством: экспертиз почерка в целях установления личности писавшего; технических экспертиз документов в целях установления признаков подделок документов, идентификации пишущих машин и т.д.; трасологических экспертиз для установления, кем или чем были оставлены различного рода следы; экспертиз оружия, боеприпасов и следов применения огнестрельного оружия; экспертиз в целях идентификации личности по чертам внешности; химических экспертиз; биологических экспертиз (порядок оформления материалов, направляемых для производства химических и биологических экспертиз устанавливался особой инструкцией).

Хотелось бы отметить, что в 1952 году в СССР производство экспертиз вещественных доказательств проводилось 16 научно-исследовательскими криминалистическими лабораториями, которые находились в центральных городах, таких как: Москва (Центральная криминалистическая лаборатория), Ленинград, Казань, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Новосибирск, Хабаровск, Киев, Харьков, Одесса, Минск, Рига, Тбилиси, Ташкент, Алма-Ата. Каждая из них имела свою обслуживаемую зону. Сталинская и Ворошиловградская область относились к Харьковскому научно-исследовательскому институту судебной экспертизы МЮ УССР им. заслуж. проф. Н. С. Бокариуса [22].

В Приказе МВД СССР № 0202 от 17 сентября 1953 года «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» делается акцент на том, что в работе по раскрытию уголовных преступлений необходимо шире применять научно-технические методы и средства. Также необходимо обучать работников уголовного розыска правилам осмотра мест происшествия, отбора и направления на экспертизу вещественных доказательств, что повысит качество производства экспертиз следов и вещественных доказательств [23].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что усилению борьбы с преступностью в значительной степени способствовали меры по внедрению в работу органов внутренних дел технических средств.

Налаженное взаимодействие между оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел в исследуемый период (1918–1953 гг.) позволило эффективно противодействовать преступности и сдерживать рост наиболее опасных ее проявлений, который наблюдался в послевоенные годы в Советском Союзе. Об усилении и качестве такого взаимодействия свидетельствует ряд нормативных правовых актов, регламентировавших работу подразделений органов внутренних дел по оснащению научно-техническими средствами работы для исследования следов и вещественных доказательств. При раскрытии уголовных преступлений широко применялись научно-технические методы, такие как дактилоскопия, криминалистические исследования следов и вещественных доказательств, судебная баллистика, фотография, химия, словесный портрет и др. На основе накопленного опыта разрабатывались новые методики исследований, научно-технические методы, которые внедрялись в практику уголовного сыска.

Отстаивая необходимость тесного сотрудничества следственно-оперативных органов с экспертами, следует указать на недопустимость принятия на основании выводов эксперта неверных (ошибочных) решений из-за влияния различных факторов, как это неоднократно имело место в истории советской криминалистики. Классическим примером могут служить дела известных маньяков Чикатило, Ткача и др. в 60–80-е годы, за зверства которых были осуждены невиновные лица. Как правило, в этих делах работали солидные экспертные группы, а «вина» осужденных опиралась на результаты экспертиз. Здесь будет уместным вспомнить, что «заблуждение и ошибка обычны и повсеместны, безошибочная деятельность – удел опытных и немногих, которые пришли к этому состоянию через ошибки и их преодоление» [24].

Безусловно, в этих трагедиях в известной мере есть серьезные претензии и к суду. В этой связи обретает особую ценность положение п. 20 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года в части неограничения суда никакими формальными доказательствами и возможности допуска по обстоятельствам дела тех или иных доказательств. Нельзя не отметить, что во времена СССР, когда о таких методах поиска преступников, как биллинг, «жучки», камеры, детекторы лжи и пр., не могло быть и речи, анализ отпечатков пальцев, группы крови, структуры биоматериала осуществлялся специалистами, познания и опыт которых заменяли процессоры современных ЭВМ, при этом исход многих преступлений зависел от интуиции, способности, опыта специалистов, ведущих дело.

Библиографический список

1. Российская Е. Р., Зинин А. М. К 100-летию экспертно-криминалистической службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 183–192. URL: <https://vestnik.msaf.ru/jour/article/view/796>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38563864>.
2. Советская милиция: история и современность (1917–1987). Москва: Юридическая литература, 1987. 336 с., ил. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25375053>.
3. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917–1920 гг.): учебное пособие. Москва: Академия МВД СССР, 1975. 108 с.
4. Бюллетень НКВД УССР 1924 г. № 1–2. Министерство внутренних дел СССР. Киевская школа милиции. История милиции Украинской ССР в документах и материалах: Т. 1: 1917–1937 гг. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. П. П. Михайленко. Киев, 1969. 884 с.
5. Из истории милиции советской Украины / Ю. В. Александров, Б. А. Воронин, И. А. Гельфанд и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. полковника П. П. Михайленко. Киев: Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР, 1965. 400 с.
6. Приказ НКВД СССР № 00783 от 8 июля 1939 года «О порядке посылки вещественных доказательств для исследования в НКВД СССР» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-8, Л. 144 / УВД Луганской области: приказы НКВД СССР за 1939 год. Т. 2 (на 319 листах).
7. Инструкция «О порядке приема, хранения и выдачи вещественных доказательств в органах РК милиции» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-11, Л. 272–278 / УВД Луганской области: приказы НКВД СССР за 1939 год с № 01 по № 0172. Т. 1 (на 319 листах).
8. Селезнев В. М., Червяков М. Э. Из истории экспертных учреждений органов внутренних дел // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2 (2). С. 108–115. URL: <https://docplayer.com/57831971-V-m-seleznev-m-e-chervyakov-iz-istorii-ekspertnyh-uchrezhdeniy-organov-vnutrennih-del.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26290606>.
9. Лагоша М. Діяльність міліції України по ліквідації дитячої безпритульності і бездоглядності в післявоєнні роки (1945–1953 рр.) // Схід. 2003. № 7. С. 82–85. Текст: безпосередній.
10. Історія донецької міліції / под ред. Малишева В. С. Донецьк: Юрпрес, 2000. 472 с.
11. Директива МВД СССР № 169 от 26 июня 1946 года «О мероприятиях по борьбе с ограблениями инкассаторов сберегательных касс и магазинов» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-85, Л. 57 об.–58 / МВД СССР Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 12: директивы, распоряжения и циркуляры МВД СССР за 1946 год. Начато 10.01.1946, окончено 29.12.1946 (на 146 листах).
12. Директива Министра Внутренних Дел Украинской ССР № 111 от 26 июля 1946 года «Об улучшении работы уголовного розыска и усилении борьбы с преступностью» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 21, Ед. хр.-44, Л. 34 об.–38 об. МВД СССР Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 35: совершенно секретные директивы, распоряжения, циркуляры МВД УССР за 1946 год. Начато 10.01.1946, окончено 10.12.1946 (на 48 листах).
13. Директива начальника УМВД по Сталинской области // Архив МВД ДНР Ф-23, Арх.-35, Л. 46–47 / Управление МВД по Сталинской области: Секретариат. Дело № 33: директивы и распоряжения начальника УМВД за 1948 год. Начато 07.01.1948, окончено 31.12.1948 (на 335 листах).
14. Приказ МВД СССР № 00726 от 24 июня 1948 года «О мероприятиях по усилению борьбы с фальшивомонетничеством» / Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-118, Л. 63 об.–65 об. МВД СССР / Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 17: совершенно секретные приказы МВД СССР за 1948 год. Начато 09.01.1948, окончено 29.11.1948 (на 89 листах).
15. Директива начальника УМВД по Сталинской области // Архив МВД ДНР Ф-23, Арх.-35, Л. 251 / Управление МВД по Сталинской области: Секретариат. Дело № 33: директивы и распоряжения начальника УМВД за 1948 год. Начато 07.01.1948, окончено 31.12.1948 (на 335 листах).
16. Приказ МВД СССР № 454 от 26 октября 1948 года «Об усилении использования научно-технических методов и средств в борьбе с преступностью» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-127, Л. 51–53. МВД СССР / Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 19: несекретные приказы МВД СССР за 1948 год. Начато 12.01.1948, окончено 30.12.1948 (на 131 листе).
17. Распоряжение Министра внутренних дел Союза ССР № 793 от 27 декабря 1948 года «Об усилении борьбы со злоупотреблениями в скупочных пунктах, комиссионных магазинах и артелях, занимающихся реставрацией одежды» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-130, Л. 104–105. МВД СССР / Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 20: директивы, распоряжения, циркуляры МВД СССР за 1948 год. Начато 09.01.1948, окончено 27.12.1948 (на 105 листах).
18. Приказ МГБ СССР № 00450 от 23 августа 1950 года «О создании при Главном Управлении милиции МГБ СССР Научно-исследовательского института криминалистики» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-165, Л. 2: дело с совершенно секретными приказами МГБ СССР за 1950 год. Начато 12.04.1950, окончено 28.08.1950 (на 32 листах).
19. Положение «О Научно-исследовательском институте криминалистики Главного Управления милиции МГБ СССР» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-165, Л. 26–28: дело с совершенно секретными приказами МГБ СССР за 1950 год. Начато 12.04.1950, окончено 28.08.1950 (на 32 листах).

20. Приказ МГБ СССР № 0049 от 19 января 1951 года «О перестройке Уголовного розыска и мерах по усилению борьбы с уголовной преступностью» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-184, Л. 12–28. МВД СССР: дело с совершенно секретными приказами МГБ СССР за 1951 год. Начато 19.01.1951, окончено 21.12.1951 (на 102 листах).
21. Приказ министра юстиции СССР № 103 от 12 ноября 1952 года «Об утверждении Инструкции по оформлению материалов, назначенных для производства криминалистических экспертиз в научно-исследовательские учреждения Министерства юстиции СССР и МЮ союзных республик» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-238, Л. 3. МГБ УССР Управление МГБ по Ворошиловградской области: Дело № 11: приказы ГУМ МГБ СССР за 1953 год. Начато 30.03.1953, окончено 21.11.1953 (на 145 листах).
22. Инструкция по оформлению материалов, направляемых для производства криминалистических экспертиз в научно-исследовательские учреждения Министерства юстиции СССР и Министерств юстиции союзных республик 1952 года // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-238, Л. 4–13. МГБ УССР Управление МГБ по Ворошиловградской области: Дело № 11: приказы ГУМ МГБ СССР за 1953 год. Начато 30.03.1953, окончено 21.11.1953 (на 145 листах). Текст: непосредственный.
23. Приказ МВД СССР № 0202 от 17 сентября 1953 года «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью» // Архив МВД ЛНР Ф-13, оп. 1, Ед. хр.-227, Л. 115–117 об. МВД СССР / Управление МВД Луганской области: Секретариат. Дело № 1: секретные приказы МВД СССР за 1953 год. Начато 16.03.1953, окончено 31.12.1953 (на 219 листах).
24. Бушуев В. В. Экспертные ошибки: причины и профилактика // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 23–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23271040>.

References

1. Rossinskaya E. R., Zinin A. M. *K 100-letiyu ekspertno-kriminalisticheskoi sluzhby v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii* [On the 100th anniversary of forensic service in the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2019, no. 5, pp. 183–192. Available at: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/796>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38563864> [in Russian].
2. *Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1987)* [Soviet militia: history and modernity (1917–1987)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1987, 336 p., illustrated. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25375053> [in Russian].
3. Mulukaev R. S. *Organizatsionno-pravovye osnovy stanovleniya Sovetskoi militsii (1917–1920 gg.): uchebnoe posobie* [Organizational and legal foundations for the formation of Soviet militia (1917–1920): textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1975, 108 p. [in Russian].
4. *Byulleten' NKVD USSR 1924 g., № 1–2. Ministerstvo vnutrennikh del SSSR. Kievskaya shkola militsii. Istoriya militsii Ukrainskoi SSR v dokumentakh i materialakh: Tom 1: 1917–1937 gg. Pod redaktsiei doktora yuridicheskikh nauk professora P. P. Mikhailenko* [Mikhailenko P. P. (Ed.) Bulletin of the NKVD of the Ukrainian SSR, 1924, no. 1–2. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Kiev police school. History of the militia of the Ukrainian SSR in documents and materials: vol. 1: 1917–1937]. Kyiv, 1969, 884 p. [in Russian].
5. *Iz istorii militsii sovetskoi Ukrainy. Yu. V. Aleksandrov, B. A. Voronin, I. A. Gel'fand i dr. Pod red. d.yu.n. professora polkovnika P. P. Mikhailenko* [Alexandrov Yu. V., Voronin B. A., Gelfand I. A. et al. From the history of the police of Soviet Ukraine. Mikhailenko P. P. (Ed.)]. Kyiv: Ministerstvo okhrany obshchestvennogo poryadka Ukrainskoi SSR, 1965, 400 p. [in Russian].
6. *Prikaz NKVD SSSR № 00783 ot 8 iyulya 1939 goda «O poryadke posylki veshchestvennykh dokazatel'stv dlya issledovaniya v NKVD SSSR»* [Order of the NKVD of the USSR № 00783 dated July 8, 1939 «On the procedure for sending material evidence for research in the NKVD of the USSR»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-8, L. 144 UVD Luganskoi oblasti: prikazy NKVD SSSR za 1939 god. T. 2 (na 319 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-8, s. 144 of the Internal Affairs Directorate of the Lugansk region: orders of the NKVD of the USSR for 1939. Volume 2 (on 319 sheets)] [in Russian].
7. *Instruktsiya «O poryadke priema, khraneniya i vydachi veshchestvennykh dokazatel'stv v organakh RK militsii»* [Instruction “On the procedure for receiving, storing and issuing material evidence in the bodies of the RK police”]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-11, L. 272–278. UVD Luganskoi oblasti: prikazy NKVD SSSR za 1939 god s № 01 po № 0172. Tom 1 (na 319 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-11, ss. 272–278. Department of Internal Affairs of the Lugansk region. orders of the NKVD of the USSR for the period of 1939 with № 01 to № 0172. Vol. 1 (on 319 sheets)] [in Russian].
8. Seleznyov V. M., Chervyakov M. E. *Iz istorii ekspertnykh uchrezhdenii organov vnutrennikh del* [From the history of expert institutions internal affairs bodies]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [The social and economic and humanitarian magazine of Krasnoyarsk SAU], 2015, no. 2 (2), pp. 108–115. Available at: <https://docplayer.com/57831971-V-m-seleznev-m-e-chervyakov-iz-istorii-ekspertnykh-uchrezhdeniy-organov-vnutrennih-del.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26290606>.
9. Lagosha M. *Diyal'nist' militsii Ukraini po likvidatsii dityachoi bezpritul'nosti i bezdoglyadnosti v pislyavoenni roki (1945–1953 rr.)* [Activities of the police of Ukraine to eliminate child homelessness and neglect in the postwar years (1945–1953)]. *Skhid*, 2003, no. 7, pp. 82–85 [in Ukrainian].

10. *Istoriya donets'koi militsii. Pod red. Malisheva V. S.* [Malyshev V. S. (Ed.) History of Donetsk police]. Donetsk: Yurpres, 2000, 472 p. [in Ukrainian].
11. *Direktiva MVD SSSR № 169 ot 26 iyunya 1946 goda «O meropriyatiyakh po bor'be s ogrableniyami inkassatorov sberegatel'nykh kass i magazinov»* [Directive of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 169 as of June 26, 1946 «On measures to combat robberies of collectors of savings banks and stores»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-85, L. 57ob-58. MVD SSSR Upravlenie MVD po Voroshilovgradskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 12: direktivy, rasporyazheniya i tsirkulyary MVD SSSR za 1946 god. Nachato 10.01.1946, okoncheno 29.12.1946 (na 146 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-85, S. 57 ob.–58. Ministry of Internal Affairs of the USSR Department of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad Region: Secretariat. Case № 12: directives, orders and circulars of the Ministry of Internal Affairs of the USSR for 1946. Started on 10.01.1946, completed on 29.12.1946 (on 146 sheets)] [in Russian].
12. *Direktiva Ministra Vnutrennikh Del Ukrainskoi SSR № 111 ot 26 iyulya 1946 goda «Ob uluchshenii raboty ugolovnogo rozyska i usilenii bor'by s prestupnost'yu»* [Directive of the Minister of Internal Affairs of the Ukrainian SSR № 111 as of July 26, 1946 «On improving the work of the criminal investigation department and strengthening the fight against crime»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 21, Ed. khr.-44, L. 34 ob.–38 ob. MVD SSSR Upravlenie MVD po Voroshilovgradskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 35: sovershenno sekretnye direktivy, rasporyazheniya, tsirkulyary MVD USSR za 1946 god. Nachato 10.01.1946, okoncheno 10.12.1946 (na 48 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 21, Single repository-44, S. 34 ob.–38 ob. Ministry of Internal Affairs of the USSR Department of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad Region: Secretariat. Case № 35: top secret directives, orders, circulars of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR for 1946. Started on 10.01.1946, completed on 10.12.1946 (on 48 sheets)] [in Russian].
13. *Direktiva nachal'nika UMVD po Stalinskoi oblasti* [Directive of the head of the Ministry of Internal Affairs for the Stalin Region]. *Arkhiv MVD DNR F-23, Arkh.-35, L. 46-47. Upravlenie MVD po Stalinskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 33. Direktivy i rasporyazheniya nachal'nika UMVD za 1948 god. Nachato 07.01.1948, okoncheno 31.12.1948 (na 335 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the DPR F-23, Arch.-35, s. 46–47. Department of the Ministry of Internal Affairs for the Stalin region: Secretariat. Case № 33. Directives and orders of the head of the Ministry of Internal Affairs for 1948. Started on 07.01.1948, completed on 31.12.1948 (on 335 sheets)] [in Russian].
14. *Prikaz MVD SSSR № 00726 ot 24 iyunya 1948 goda «O meropriyatiyakh po usileniyu bor'by s fal'shivomonetnichestvom»* [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 00726 as of June 24, 1948 “On measures to strengthen the fight against counterfeiting”]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-118, L. 63ob-65ob. MVD SSSR. Upravlenie MVD po Voroshilovgradskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 17. Sovershenno sekretnye prikazy MVD SSSR za 1948 god. Nachato 09.01.1948, okoncheno 29.11.1948 (na 89 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-118, pp. 63ob–65ob. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Department of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad Region: Secretariat. Case № 17: top secret orders of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1948. Started on 09.01.1948, completed on 29.11.1948 (on 89 sheets)]. [in Russian].
15. *Direktiva nachal'nika UMVD po Stalinskoi oblasti* [Directive of the head of the Ministry of Internal Affairs for the Stalin Region]. *Arkhiv MVD DNR F-23, Arkh.-35, L. 251. Upravlenie MVD po Stalinskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 33. Direktivy i rasporyazheniya nachal'nika UMVD za 1948 god. Nachato 07.01.1948, okoncheno 31.12.1948 (na 335 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the DPR F-23, Arch.-35, p. 251. Department of the Ministry of Internal Affairs for the Stalin Region: Secretariat. Case № 33. Directives and orders of the head of the Ministry of Internal Affairs for 1948. Started on 07.01.1948, completed on 31.12.1948 (on 335 sheets)] [in Russian].
16. *Prikaz MVD SSSR № 454 ot 26 oktyabrya 1948 goda «Ob usilenii ispol'zovaniya nauchno-tekhnicheskikh metodov i sredstv v bor'be s prestupnost'yu»* [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 454 as of October 26, 1948 «On strengthening the use of scientific and technical methods and means in the fight against crime»]. In: *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-127, L. 51-53. MVD SSSR. Upravlenie MVD po Voroshilovgradskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 19 // Nesekretnye prikazy MVD SSSR za 1948 god. Nachato 12.01.1948, okoncheno 30.12.1948 (na 131 liste)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-127, pp. 51–53. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Department of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad Region: Secretariat. Case № 19. Unclassified orders of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1948. Started on 12.01.1948, completed on 30.12.1948 (on 131 sheet)] [in Russian].
17. *Rasporyazhenie Ministra vnutrennikh del Soyuzov SSR № 793 ot 27 dekabrya 1948 goda «Ob usilenii bor'by so zloupotrebleniyami v skupochnykh punktakh, komissionnykh magazinakh i artelyakh, zanimayushchikhsya restavratsiei odezhd»* [Decree of the Minister of Internal Affairs of the USSR № 793 as of December 27, 1948 «On strengthening the fight against abuses in buying points, commission stores and artels engaged in the restoration of clothing»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-130, L. 104-105. MVD SSSR. Upravlenie MVD po Voroshilovgradskoi oblasti: Sekretariat. Delo № 20. Direktivy, rasporyazheniya, tsirkulyary MVD SSSR za 1948 god. Nachato 09.01.1948, okoncheno 27.12.1948 (na 105 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-130, s. 104–105. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Department of the Ministry of Internal Affairs for the Voroshilovgrad Region: Secretariat. Case № 20. Directives, orders, circulars of the Ministry of Internal Affairs of the USSR for 1948. Started on 09.01.1948, completed on 27.12.1948 (on 105 sheets)] [in Russian].
18. *Prikaz MGB SSSR № 00450 ot 23 avgusta 1950 goda «O sozdanii pri Glavnom Upravlenii militsii MGB SSSR Nauchno-issledovatel'skogo instituta kriminalistiki»* [Order of the Ministry of State Security of the USSR № 00450 dated August 23, 1950 «On the establishment of the Research Institute of Criminalistics under the Main Police Department of the Ministry of State Security of the USSR»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-165, L. 25. Delo s sovershenno sekretnymi prikazami MGB SSSR za 1950 god. Nachato 12.04.1950, okoncheno 28.08.1950 (na 32 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-165, s. 25. Case with top secret orders of the Ministry of State Security of the USSR for 1950. Started 12.04.1950, completed 28.08.1950 (on 32 sheets)] [in Russian].

19. *Polozhenie «O Nauchno-issledovatel'skom institute kriminalistiki Glavnogo Upravleniya militsii MGB SSSR»* [Regulations “On the Research Institute of Criminalistics of the Main Police Department of the USSR Ministry of State Security”]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed.khr.-165, L. 26–28. Delo s sovershenno sekretnymi prikazami MGB SSSR za 1950 god. Nachato 12.04.1950, okoncheno 28.08.1950 (na 32 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-165, s. 26–28. Case with top secret orders of the USSR Ministry of State Security for 1950. Started 12.04.1950, completed 28.08.1950 (on 32 sheets)] [in Russian].
20. *Prikaz MGB SSSR № 0049 ot 19 yanvarya 1951 goda «O perestroike Ugolovnogo rozyska i merakh po usileniyu bor'by s ugolovnoi prestupnost'yu»* [Order of the Ministry of State Security of the USSR № 0049 as of January 19, 1951 “On the restructuring of the Criminal Investigation Department and measures to strengthen the fight against criminality”]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed.khr.-184, L. 12–28. MVD SSSR. Delo s sovershenno sekretnymi prikazami MGB SSSR za 1951 god. Nachato 19.01.1951, okoncheno 21.12.1951 (na 102 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-184, s. 12–28. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Case with top secret orders of the Ministry of State Security of the USSR for 1951. Started on 19.01.1951, completed on 21.12.1951 (on 102 sheets)] [in Russian].
21. *Prikaz ministra yustitsii SSSR № 103 ot 12 noyabrya 1952 goda «Ob utverzhdenii Instruktsii po oformleniyu materialov, naznachennykh dlya proizvodstva kriminalisticheskikh ekspertiz v nauchno-issledovatel'skie kriminalisticheskie uchrezhdeniya Ministerstva yustitsii SSSR i MYu soyuznykh respublik»* [Order of the Minister of Justice of the USSR № 103 as of November 12, 1952 «On approval of the Instructions for the preparation of materials assigned for the production of forensic examinations in research forensic institutions of the Ministry of Justice of the USSR and the Ministry of Justice of the Union Republics»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed.khr.-238, L. 3. MGB USSR Upravlenie MGB po Voroshilovgradskoi oblasti: Delo № 11. Prikazy GUM MGB SSSR za 1953 god. Nachato 30.03.1953, okoncheno 21.11.1953 (na 145 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-238, p. 3. MGB of the Ukrainian SSR Department of the MGB in the Voroshilovgrad region: Case № 11. Orders of the GUM MGB of the USSR for 1953. Started 30.03.1953, completed 21.11.1953 (on 145 sheets)] [in Russian].
22. *Instruktsiya po oformleniyu materialov, napravlyaemykh dlya proizvodstva kriminalisticheskikh ekspertiz v nauchno-issledovatel'skie uchrezhdeniya Ministerstva yustitsii SSSR i Ministerstv yustitsii soyuznykh respublik 1952 goda* [Instructions for the preparation of materials sent for the production of forensic examinations to research institutions of the Ministry of Justice of the USSR and the Ministries of Justice of the Union Republics, 1952]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed.khr.-238, L. 4-13. MGB USSR Upravlenie MGB po Voroshilovgradskoi oblasti: Delo № 11. Prikazy GUM MGB SSSR za 1953 god. Nachato 30.03.1953, okoncheno 21.11.1953 (na 145 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-238, pp. 4–13. MGB of the Ukrainian SSR Department of the MGB in the Voroshilovgrad region: Case № 11. Orders of the GUM MGB of the USSR for 1953. Started 30.03.1953, completed 21.11.1953 (on 145 sheets)] [in Russian].
23. *Prikaz MVD SSSR № 0202 ot 17 sentyabrya 1953 goda «O merakh po usileniyu okhrany obshchestvennogo poryadka i bor'by s ugolovnoi prestupnost'yu»* [Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR № 0202 as of September 17, 1953 «On measures to strengthen the protection of public order and the fight against criminality»]. *Arkhiv MVD LNR F-13, op. 1, Ed. khr.-227, L. 115–117 ob. MVD SSSR. Upravlenie MVD Luganskoj oblasti: Sekretariat. Delo № 1. Sekretnye prikazy MVD SSSR za 1953 god. Nachato 16.03.1953, okoncheno 31.12.1953 (na 219 listakh)* [Archive of the Ministry of Internal Affairs of the LPR F-13, inv. 1, Single repository-227, s. 115–117 rev. Ministry of Internal Affairs of the USSR. Department of the Ministry of Internal Affairs of the Lugansk region: Secretariat. Case № 1. Secret orders of the USSR Ministry of Internal Affairs for 1953. Started on 16.03.1953, completed on 31.12.1953 (on 219 sheets)] [in Russian].
24. Bushuev V. V. *Ekspertnye oshibki: prichiny i profilaktika* [Expert errors: causes and prevention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 3, pp. 23–26. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23271040> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.148

Дата поступления: 24.10.2021
рецензирования: 26.11.2021
принятия: 21.03.2022

**Геномная регистрация в России при расследовании преступлений:
современное состояние и перспективы**

В. В. Кубанов

Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vkubanov@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются проблемы правового регулирования и практического воплощения государственной геномной регистрации в деятельности правоохранительной системы, высказано мнение о перспективах использования гено-молекулярной информации в различных областях деятельности. Охарактеризована нормативно-правовая регламентация института геномной регистрации в РФ, проанализированы изменения в отдельных законодательных актах Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации. Исследованы вопросы расширения круга лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Указано на неправомерность предложенных законодателем изменений трактовки понятия «геномная информация». Сделан вывод о недопустимости слияния правоохранительной и здравоохранительной функций в одной базе данных геномной информации. Затронуты вопросы расширения возможностей гено-молекулярных экспертных исследований в решении задач как правоохранительной системы, так и системы здравоохранения, так как геномный учет дает чрезвычайно широкие возможности для решения вопросов, связанных с охраной здоровья. В то же время смешение правоохранительной функции с другими, прежде всего здравоохранительной, в одном регистрационном массиве недопустимо. Проблема может быть решена при условии функционирования самостоятельных информационно-аналитических систем, имеющих разное целевое назначение.

Ключевые слова: геномная регистрация; преступления против половой свободы и половой неприкосновенности; ДНК-учет; гено-молекулярный метод; забор биологического материала; федеральная база данных геномной информации; генетическая паспортизация, генетический профиль населения.

Цитирование. Кубанов В. В. Геномная регистрация в России при расследовании преступлений: современное состояние и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-75-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кубанов В. В., 2022

Валерий Викторович Кубанов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рьльская, 24 в.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.10.2021
Revised: 26.11.2021
Accepted: 21.03.2022

**Genomic registration in Russia in crime investigation:
current state and prospects**

V. V. Kubanov

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary System of Russia, Samara, Russian Federation
E-mail: vkubanov@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the problems of legal regulation and practical implementation of the state genomic registration in the activities of the law enforcement system, the opinion is expressed about the prospects for the use of gene-molecular information in various fields of activity. The regulatory and legal regulation of the Institute of genomic registration in the Russian Federation is characterized, changes to certain legislative acts of the Russian Federation on issues of state genomic registration are analyzed. The issues of expanding the circle of persons subject to mandatory state genomic registration are investigated. It is pointed out that the amendments proposed by the legislator to the interpretation of the concept of «genomic information» are illegitimate. It is concluded that it is unacceptable to merge law enforcement and healthcare functions in one database of genomic information. The issues of expanding the capabilities of genetic and molecular expert research in solving the problems of both the law enforcement system and the healthcare system are touched upon, since genomic accounting provides extremely wide opportunities for solving issues related to health protection. At the same time, mixing law enforcement functions with others, primarily healthcare, in one registration array is unacceptable. The problem can be solved under the condition of functioning of independent information and analytical systems with different purposes.

Key words: genomic registration; crimes against sexual freedom and sexual inviolability; DNA accounting; genemolecular method; sampling of biological material; federal database of genomic information; genetic certification; genetic profile of the population.

Citation. Kubanov V. V. *Genomnaya registratsiya v Rossii pri rassledovanii prestuplenii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Genomic registration in Russia in crime investigation: current state and prospects]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 76–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-76-80> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kubanov V. V., 2022

Valery V. Kubanov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary System of Russia, 24v, Rylskaya street, Samara, 443022, Russian Federation.

Институт геномной регистрации действует в России более двенадцати лет, и за это время накопилось достаточное количество вопросов, связанных с правовым и организационным обеспечением данного вида учетно-регистрационной деятельности. Эти вопросы требуют разрешения, особенно в связи с активным расширением сферы использования генно-молекулярной информации как в медицинской, так и правоохранительной практике.

Основной и методологической базой геномной регистрации является молекулярно-генетический идентификационный анализ, разработанный в 1984 году британским генетиком А. Джефрисом. В специальной литературе он также именуется геномным, генно-молекулярным, ДНК-анализом. Данный метод реализуется на молекулярном уровне и представляет собой достаточно точный, научно обоснованный инструмент, позволяющий с крайне высокой степенью вероятности устанавливать личность человека. Объектом исследования являются следы биологического происхождения, содержащие хромосомную ДНК в ядрах живых клеток (кровь, слюна, сперма, волосы с волосяными луковицами, потожировые выделения). Распространенность данных биологических следов, их стабильность и генетическое постоянство в течение всей жизни организма способствуют активному использованию генно-молекулярного метода в уголовном судопроизводстве.

С 1 января 2009 года на территории Российской Федерации действует система государственной регистрации, в рамках которой определенные категории лиц проходят обязательную процедуру постановки на учет в федеральную базу данных геномной информации (далее – ФБДГИ). Данная процедура осуществляется с целью раскрытия и расследования совершенных преступлений, а также предотвращения возможных. Для постановки на учет в настоящее время законом определены лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности [1]. Это сравнительно небольшая по численности категория лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, но результаты от введения нового вида криминалистической регистрации получены впе-

чатляющие. В 2019 году в результате проверок по массиву данных ФБДГИ установлено более трех тысяч совпадений профилей ДНК проверяемых лиц со следами, изъятыми с мест нераскрытых преступлений. В 2019 году из 127,1 тыс. назначенных исследований ДНК 92,8 тыс. (73 %) способствовали выявлению и раскрытию преступлений, в основном тяжких и особо тяжких. За шесть месяцев 2020 года из 70,9 тыс. назначенных исследований ДНК 49,8 тыс. (70,2 %) способствовали выявлению и раскрытию преступлений [2].

Фактически произошли революционные изменения в системе криминалистической регистрации, а также судебной экспертизе, направленной на отождествление личности. Аналогичные результаты получены и в других странах, давно и успешно использующих возможности геномного учета.

В то же время практика работы экспертно-криминалистических подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации показывает, что в ходе раскрытия и расследования преступлений значительная часть поступающего для исследования биологического материала принадлежит лицам, не подлежащим обязательной государственной геномной регистрации, например осужденным за совершение преступлений средней и небольшой тяжести. После проведения исследования указанных лиц реализовать возможность дальнейшего использования геномной информации при раскрытии других преступлений практически невозможно. С целью повышения эффективности генно-молекулярного учета разными авторами в разное время предлагались различные варианты расширения круга регистрируемых субъектов. Обобщив их, можно выделить следующие категории лиц, потенциально подлежащих обязательной постановке на учет: 1) осужденные за совершение умышленных преступлений независимо от вида наказания; 2) обвиняемые в совершении преступлений [3, с. 135; 4, с. 161]; 3) совершившие административные правонарушения (в первую очередь – в сфере миграционного законодательства); 4) состоящие на учете в психиатрических диспансерах; 5) работающие (служащие) по специальностям, сопряженным с риском для жизни [5, с. 58]. Отдельные авторы предлагают и более радикальные меры, включающие всеобщую биометрическую регистрацию населения [6, с. 24],

а также геномную регистрацию путем забора крови у новорожденных детей [7, с. 64].

Следует отметить, что зарубежное законодательство в области уголовной юстиции также идет по пути расширения перечня категорий граждан, подвергаемых обязательной геномной регистрации. Так, в автоматизированные базы данных ДНК Великобритании и США подлежат помещению образцы не только осужденных лиц по различным видам преступлений, но и подозреваемых, а также лиц, совершивших административные правонарушения. Также зарубежный опыт показывает, что базы данных ДНК начинают эффективно функционировать при условии содержания в них геномной информации не менее 1 % от общего количества населения страны. В отечественной федеральной базе данных геномной информации содержится геномная информация 0,6 % от общего количества населения Российской Федерации (965 315 объектов учета) по состоянию на 1 января 2020 года [2].

Таким образом, спустя десятилетие после введения закона об обязательной геномной регистрации в РФ сложилась стойкая тенденция к увеличению числа регистрируемых. Результатом ее явилось внесение 3 ноября 2020 года Комитетом Государственной думы по безопасности и противодействию коррупции в Государственную думу Российской Федерации проекта федерального закона № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» (далее – ПФЗ), подготовленного в целях совершенствования законодательства о государственной геномной регистрации. Он был принят Государственной Думой РФ в первом чтении. Законодатель предлагает внести ряд изменений в федеральные законы «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», «О порядке отбывания административного ареста» и «О персональных данных». Так, п. 3 статьи 1 ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», закрепляющий понятие «геномная информация», предлагается изложить в следующей редакции: «геномная информация является биометрическими персональными данными, включающими кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа». Сравнив указанную формулировку с текстом действующего закона, нетрудно заметить исчезновение важного положения о том, что фрагменты дезоксирибонуклеиновой кислоты того или иного лица *не характеризуют его физиологические особенности* (курсив наш. – В. К.). Значит ли это, что, согласно новой формулировке, обработке может подлежать и геномная информация, детерминирующая физиологические особенности личности?

Необходимо отметить, что процедуры, связанные с исследованием подобной геномной информации, в настоящее время практикуются в медицине под названием генетических скрининг-исследо-

ваний. Их цель – предотвратить распространение наследственных болезней. Известно, что ряд заболеваний (синдромы Дауна, Шерешевского-Тернера, Эдвардса, муковисцидоз и др.) обусловлены хромосомными и генными мутациями. Генетическое обследование одного или обоих супругов на носительство наиболее распространенных моногенных заболеваний позволяет предотвратить риск рождения больного ребенка. Специалисты в области судебной медицины справедливо обращают внимание на рост интереса к получению, хранению и последующему использованию геномной информации не только правоохранительных, но также и научных, медицинских и других организаций [8, с. 105]. Объем необходимой им информации значительно шире, чем тот, что используется для целей идентификации. Представляется, что предложенная в ПФЗ корректировка понятия «геномная информация» объективно выводит государственную геномную регистрацию за рамки поставленной ст. 2 закона цели «идентификации личности человека» и затрагивает предметную область медицинской генетики. В задачи последней, как известно, борьба с преступностью не входит. В то же время при надлежущей организации генно-молекулярный учет дает чрезвычайно широкие возможности для решения вопросов, связанных с охраной здоровья. В последние годы геномная наука достигла серьезного прогресса, обнаружив множество генетических, эпигенетических и нейробиологических механизмов, посредством которых ДНК, взаимодействуя с окружающей средой, способствует развитию тех или иных заболеваний, расстройств и отклонений поведения [9, с. 14]. В Исландии в рамках государственной программы зарегистрированы генетические профили всего населения, что способствовало оптимизации оказания медицинских услуг в условиях развитой здравоохранительной системы конкретного государства. Такую форму регистрации принято называть генетической паспортизацией населения. В РФ данная процедура нашла отражение в одном из подзаконных нормативных актов 2019 года. Так, в тексте Основ государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года сформулированы основные задачи государственной политики в указанной области в части, касающейся осуществления мониторинга химических и биологических рисков. В частности, предлагается осуществление генетической паспортизации населения и формирование генетического профиля населения [10]. Значит ли это, что действующий криминалистический учет (разновидностью которого является федеральная база данных геномной информации) будет наделен несвойственной ему функцией здравоохранения и обеспечения биологической безопасности? Вопрос требует разрешения, а предложенные ПФЗ изменения трактовки понятия «геномная информация» серьезной аргументации.

Представляется, что смешение правоохранительной и здравоохранительной функций в од-

ном регистрационном массиве недопустимо. С таким же успехом можно в дактилоскопический учет внести сведения из амбулаторных карт отдельных лиц о перенесенных кожных заболеваниях, аргументируя наличием общего источника регистрируемой информации – кожного покрова ладонных поверхностей. Возможно, по мнению законодателя, ДНК, извлеченная из эпителиальных клеток живых людей, должна обслуживать интересы как правоохранительной системы, так и здравоохранительной. Вероятно, это вполне допустимо, но при условии одновременного функционирования двух самостоятельных информационно-аналитических систем, имеющих разное целевое назначение.

Помимо вышеизложенного, рассматриваемый ПФЗ предполагает расширение круга лиц, подлежащих обязательной регистрации. На данный момент, это лица, осужденные и лишенные свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также за совершение всех категорий преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» с помощью формулировки «лица, осужденные и отбывающие наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений». Внести дополнения «лица, подозреваемые в совершении преступлений, обвиняемые в совершении преступлений» и «лица, подвергнутые административному аресту».

Довольно специфический перечень субъектов, так или иначе вовлеченных в орбиту уголовного и административного судопроизводства, свидетельствует о том, что геном-молекулярная регистрация в России преследует прежде всего цель криминалистическую, заключающуюся в отождествлении лиц, причастных к событию преступления или административного правонарушения. Такой подход можно назвать правоохранительным, так как он нацелен на борьбу с преступностью и ставит геномный учет в один ряд с иными видами криминалистической регистрации, например дактилоскопическим учетом. В то же время нужно понимать, что возможности геномной регистрации

значительно шире, чем у дактилоскопического учета и других традиционных средств отождествления личности. Наличие и длительное хранение в базе данных генетических профилей конкретных лиц позволяет установить личность человека в случае его гибели и последующего обнаружения неопознаваемых останков. Так, сгоревшие и скелетированные трупы исключают дактилоскопическую идентификацию, но остаются пригодны для генно-молекулярного анализа. Указанная ситуация потенциально применима к лицам, профессии которых связаны с риском для жизни (пожарные, спасатели, военнослужащие и др.) Однако в тексте ПФЗ в перечне обязательно регистрируемых таких мы не находим.

Далее возникает вопрос, каким образом организовать деятельность по изъятию биологического материала и его последующей постановке на учет в федеральную базу данных генетической информации. С введением поправок в закон количество обязательно регистрируемых лиц существенно увеличится. Также окажутся задействованными в учетно-регистрационной деятельности государственные органы, ранее с таковой не связанные (подразделения Следственного комитета РФ, сотрудники мест отбывания административного ареста). Справедливо ставится вопрос об уместности сосредоточения базы данных генетической информации в исключительной компетенции правоохранительных органов в лице Министерства внутренних дел РФ.

Таким образом, современное состояние и потенциальные возможности геном-молекулярной регистрации в РФ свидетельствуют о том, что она объективно не может ограничиваться узкой задачей раскрытия преступлений и установления причастных к ним лиц. Геномный учет дает чрезвычайно широкие возможности для решения вопросов, связанных с охраной здоровья. В то же время смешение правоохранительной функции с другими, прежде всего здравоохранительной, в одном регистрационном массиве недопустимо. Проблема может быть решена при условии функционирования самостоятельных информационно-аналитических систем, имеющих разное целевое назначение.

Библиографический список

1. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (с изм. от 17.12.2009) // СПС «Гарант» (дата обращения: 10.09.2021). URL: <https://base.garant.ru/12163758/>.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» // Официальный сайт Государственной думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 20.09.2021)
3. Попова Т. В., Сергеев А. Б. Федеральная база данных геномной информации в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 132–139. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28831417>.
4. Чернышев С. А., Цыганкова И. В. Актуальные вопросы совершенствования Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2016. № 3 (224). С. 160–162. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900172>.
5. Данилкин И. А., Белевцов И. Ю., Захаров И. П. ДНК-технологии в судебно-экспертной деятельности: проблемы

и перспективы развития // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 2. С. 57–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23905139>.

6. Колотушкин С. М., Егельский В. А. К вопросу о технологии создания системы всеобщей обязательной биометрической регистрации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 22–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25849346>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/93047-voprosu-tehnologii-sozdaniya-sistemy-vseobshhej-obyazatelnoj-biometricheskoj>.

7. Карякин И. П. К вопросу о государственной геномной регистрации // Законодательство и практика. 2012. № 2 (29). С. 62–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22620076>.

8. Мохов А. А. Геномная регистрация в России: проблемы и перспективы развития // Актуальные проблемы Российского права. 2020. Том 15. № 7 (116). С. 103–113. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.103-113>.

9. Андреева О. И., Мацепуро Д. М., Ольховик Н. В., Трубникова Т. В. Уголовная юстиция в постгеномную эпоху: новые вызовы и поиск баланса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 14–28. URL: <http://doi.org/10.17223/22253513/35/2>.

10. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72192478/#friends> (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. *O gosudarstvennoi genomnoi registratsii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 03.12.2008 № 242-FZ (s izm. ot 17.12.2009)* [On State Genomic Registration in the Russian Federation: Federal law № 242-FZ as of 03.12.2008 (with amendments from 17.12.2009)]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://base.garant.ru/12163758/> (accessed 10.09.2021) [in Russian].

2. *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty rossiiskoi federatsii po voprosam gosudarstvennoi genomnoi registratsii* [Explanatory note to the draft federal law «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on state genomic registration»]. Retrieved from the official website of State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (accessed 20.09.2021) [in Russian].

3. Popova T. V., Sergeev A. B. *Federal'naya baza dannykh genomnoi informatsii v sisteme obespecheniya balansa chastnykh i publichnykh interesov v ugovnom sudoproizvodstve* [The federal database of genomic information in the system of ensuring the balance of private and public interests in criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2017, no. 1 (39), pp. 132–139. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28831417> [in Russian].

4. Chernyshev S. A., Tsygankova I. V. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya Federal'nogo zakona «O gosudarstvennoi genomnoi registratsii v Rossiiskoi Federatsii* [Topical issues of improving the Federal Law «On State Genomic Registration in the Russian Federation»]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo»* [Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law], 2016, no. 3 (224), pp. 160–162. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25900172> [in Russian].

5. Danilkin I. A., Belevtsov I. Yu., Zakharov I. P. *DNK-tehnologii v sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti: problemy i perspektivy razvitiya* [DNA technologies in forensic activity: problems and prospects of development]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii* [Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 2, pp. 57–60. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23905139> [in Russian].

6. Kolotushkin S. M., Egelskiy V. A. *K voprosu o tekhnologii sozdaniya sistemy vseobshchei obyazatel'noi biometricheskoj registratsii v Rossii* [Revisiting technologies of creating the system of universal compulsory biometric registration in Russia]. *Ugovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2016, no. 2, pp. 22–24. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25849346>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/93047-voprosu-tehnologii-sozdaniya-sistemy-vseobshhej-obyazatelnoj-biometricheskoj> [in Russian].

7. Karyakin I. P. *K voprosu o gosudarstvennoi genomnoi registratsii* [On the issue of state genomic registration]. *Zakonodatel'stvo i praktika*, 2012, no. 2 (29), pp. 62–64. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22620076> [in Russian].

8. Mokhov A. A. *Genomnaya registratsiya v Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Genome registration in Russia: problems and prospects of development]. *Aktual'nye problemy Rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 7 (116), pp. 103–113. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.116.7.103-113> [in Russian].

9. Andreeva O. I., Matsepuro D. M., Olkhovik N. V., Trubnikova T. V. *Ugolovnaya yustitsiya v postgenomnyu epokhu: novye vyzovy i poisk balansa* [Criminal justice in the post-genomic era: new challenges and the search for balance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Tomsk State University Journal of Law], 2020, no. 35, pp. 14–28. DOI: <http://doi.org/10.17223/22253513/35/2> [in Russian].

10. *Ob Osnovakh gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti obespecheniya khimicheskoi i biologicheskoi bezopasnosti na period do 2025 goda i dal'neishuyu perspektivu: ukaz Prezidenta RF ot 11 marta 2019 g. № 97* [On the Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of chemical and biological safety for the period up to 2025 and beyond: decree of the President of the Russian Federation № 97 dated March 11, 2019]. Retrieved from legal reference system «Garant». Available at: <https://base.garant.ru/72192478/#friends> (accessed 10.09.2021) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

Дата поступления: 01.11.2021
рецензирования: 26.12.2021
принятия: 21.03.2022

К вопросу о содержании понятия «свидетель»

И. Ю. Панькина

БФУ им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

О. А. Славгородская

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: slavkur-htc@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема формирования критериев оценки достоверности показаний свидетеля на основе анализа процесса развития данного понятия. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить наиболее традиционные позиции, определяющие ее содержание, провести их сравнение. Основное содержание исследования составляет анализ генезиса понятия «свидетель» в разрезе различных исторических периодов. Подчеркивается, что непосредственность восприятия лежит в основе практически всех определений понятия свидетеля. Установлено, что, несмотря на длительность существования исследуемой категории в уголовном судопроизводстве, процессуальные функции свидетеля относятся к категории малоизученных. Обосновывается мысль о том, что необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального закрепления понятия «свидетель» в совокупности с востребованностью развития криминалистического изучения свидетеля и формированием критериев достоверности показаний свидетеля.

Ключевые слова: доказательство; допрос; достоверность; показания; свидетель; свидетельствование; уголовное судопроизводство.

Цитирование. Панькина И. Ю., Славгородская О. А. К вопросу о содержании понятия «свидетель» // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-81-87>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Панькина И. Ю., Славгородская О. А., 2022

Инга Юрьевна Панькина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики БФУ им. И. Канта, 236006, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Фрунзе, 6.

Ольга Александровна Славгородская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Саратовская государственная юридическая академия, 410028, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.11.2021

Revised: 26.12.2021

Accepted: 21.03.2022

To the question of the content of the term «witness»

I. Yu. Pankina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: iupanjkina@yandex.ru

O. A. Slavgorodskaya

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

E-mail: slavkur-htc@yandex.ru

Abstract: This article examines the problem of the formation of criteria for assessing the reliability of the testimony of a witness, based on the analysis of the development process of this category. As a research task, the authors identified an attempt to evaluate the most traditional positions that determine its content, to compare them. The main content of the research is the analysis of the genesis of the category «witness» in the context of various historical periods. It is emphasized that the immediacy of perception underlies almost all definitions of the concept of witness. It has been established that, despite the duration of the existence of the studied category in criminal proceedings, the procedural functions of a witness belong to the category of poorly studied. The idea is substantiated that it is necessary to further improve the criminal procedural consolidation of the category of witness in conjunction with the demand for the development of forensic study of the witness and the formation of criteria for the reliability of the testimony of the witness.

Key words: evidence; interrogation; reliability; testimony; witness; testimony; criminal proceedings.

Citation. Pankina I. Yu., Slavgorodskaya O. A. *K voprosu o sodержanii ponyatiya «svidetel'»* [To the question of the content of the term «witness»]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-81-87> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Pankina I. Yu., Slavgorodskaya O. A., 2022

Inga Yu. Pankina – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, A. Nevskogo Street, Kaliningrad, 236016, Russian Federation

Olga A. Slavgorodskaya – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Street, Saratov, 410028, Russian Federation.

Преимущество закрепленных еще в правовых актах древности требований, предъявляемых к лицу, способному выступать в качестве свидетеля, подтверждает значение получения информации, наиболее соответствующей требованиям полноты и объективности.

Специфика свидетельских показаний такова, что отражение объективной реальности происходит через призму личного восприятия. Указанным обстоятельством и определяется критичное отношение к информации, сообщаемой свидетелями, поскольку сведения, сообщаемые свидетелем, в последующем используются в качестве доказательств. И поскольку доказательства не могут реализовываться в процессе судопроизводства произвольно, а требуется их оценка, то получение объективной информации, способствующей установлению истины по уголовным делам, – одна из важнейших задач, решаемых криминалистикой. Результатом реализации информационно-познавательного процесса, направленного на оценку доказательств, выступает суждение о ценности доказательственной информации [1, с. 296]. В связи с этим необходимым атрибутом использования показаний свидетелей в судопроизводстве является установление их максимальной достоверности.

Достоверность свидетельских показаний была и остается одним из наиболее сложных вопросов правоприменительной практики. Анализ истории свидетельствования показывает, что свидетельские показания рассматривались как с позиции признания их как источника объективной информации, так и до полного отрицания возможности получить от свидетелей сведения, соответствующие действительности.

Отмечая, что свидетельские показания являются самой важной и серьезной группой доказательств, профессор Г. С. Фельдштейн в «Лекциях по уголовному процессу» указывает, что их общая черта – недостоверность. И причиной ее являются условия психической жизни человека, влекущие за собой возможные искажения в процесс воспоминания. Однако признание несовершенства свидетельских показаний противопоставляется ученым подтверждением того, что «это единственный возможный путь в современном процессе в деле выяснения материальной истины» [2, с. 277–279].

Критичность отношения к свидетельским показаниям основывалась на свойстве личного характера передачи сведений. Исходя из специфики сущности института свидетельствования,

формировалось и определение самого «свидетеля».

В дореволюционный период при определении понятия свидетеля акцент делался на степени личного восприятия обстоятельств, сообщение которых определенным компетентным лицам или органам непосредственно конкретным лицом придавало им характер незаменимости.

«Свидетели в уголовном процессе – лица, имеющие об обстоятельствах рассматриваемого на суде дела сведения, добытые путем личного наблюдения, и призываемые к суду для удостоверения перед ним этих обстоятельств в установленном законом порядке. Показание свидетеля именно потому, что оно относится к лично им виденному или слышанному, представляется доказательством незаменимым» [3, с. 116].

Само понимание свидетеля, сформировавшееся в самостоятельную категорию, прошло в свое время путь становления и развития, включающий различные подходы и способы его формирования. В то же время непосредственность восприятия лежит в основе практически всех определений понятия свидетеля.

В курсе уголовного судопроизводства И. Я. Фойницкого свидетель был определен как «физическое лицо, имеющее об обстоятельствах производимого в суде дела сведения, добытые путем личного наблюдения, и призванное к суду для удостоверения перед ним этих обстоятельств в установленном законом порядке. Даваемые им ответы образуют вид доказательств, именуемый свидетельским показанием и имеющий в уголовном процессе наиболее широкое применение как потому, что события уголовных дел обыкновенно происходят негласно и могут быть лишь наблюдаемы, так и потому, что при этом виде доказательств в наибольшей мере обеспечивается непосредственность судебного разбора» [4, с. 265].

Аналогичный подход нашел отражение в справочной литературе: «Свидетель есть очевидец или лицо, имеющее каким-либо другим способом сведения о фактическом положении спорного дела. Его показания, таким образом, разъясняют те факты, на которые ссылаются стороны, подтверждают или отрицают утверждения противников и служат, таким образом, одним из видов допущенных доказательств» [5, с. 140–141].

В Еврейской энциклопедии, выпущенной в дореволюционной России, указывается, что «свидетель – посторонние данному процессу лица, показывающие суду об обстоятельствах, имеющих значение для исхода процесса на основании своих

непосредственных наблюдений. ...Способность к свидетельству по европейскому праву предполагает развитое нравственное чувство, сознание ответственности, твердость в исполнении долга» [6, с. 62, 67].

В период становления советского государства акцент был сделан уже на необходимости сообщения свидетелем известных ему сведений судебному или следственному органу. В Малой советской энциклопедии 1930 года понятие свидетеля определялось следующей формулировкой: «Лицо, дающее показания перед каким-либо судебным или следственным органом об обстоятельствах, известных ему по какому-либо судебному делу» [7, с. 671].

В Большой Советской энциклопедии 1944 года в статье, дающей понятие свидетеля, указано: «Свидетель, лицо, располагающее как очевидец или в силу иных обстоятельств данными, касающимися фактов, подлежащих установлению в судебном деле... По уголовно-процессуальному кодексу, свидетель вызывается также и для характеристики личности обвиняемого» [8, с. 489].

В словаре С. И. Ожегова мы находим следующее определение свидетеля: «1. Тот, кто лично присутствовал, присутствует при каком-нибудь событии, очевидец. 2. Человек, располагающий сведениями об обстоятельствах дела и вызванный для дачи показаний суду или следствию» [9, с. 702].

Очевидно, что преимущественно при определении понятия «свидетель» учитывается не категория дела, по которому лицо обладает информацией, а сам факт обладания определенной информацией как таковой. Это обстоятельство можно отметить как единую природу свидетельствования, вне зависимости от того, в рамках какого процесса оно осуществляется. Разграничение происходит на уровне процессуальных особенностей, присущих свидетелям в том или ином виде судопроизводства. Само же свидетельствование основано на факте осведомленности свидетеля относительно определенного обстоятельства. Осведомленность может иметь различный объем и содержание.

Генезис понятия свидетеля происходил не только в общепринятом понимании, но затронул и процессуальные аспекты. Придание свидетелю процессуального статуса является руководящим началом для привлечения лица, располагающего определенным объемом информации в отношении события преступления, к участию в процессе уголовного судопроизводства.

Взгляды отечественных процессуалистов дали основание вести речь о необходимости и возможности участия свидетелей в уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельных субъектов. Причем в работах ученых акцент делался преимущественно на вопросы, касающиеся возможности получения от свидетелей наиболее полных и объективных показаний. Одним из способов повышения качества свидетельских показаний служит формирование наиболее объективного представления о самом лице, выступающем в качестве свидетеля, посредством получения наиболее полной информации о нем.

О необходимости изучения свидетеля пишет в своих работах еще С.И. Викторский. Он подчеркивает, что свидетельские показания могут рассматриваться в качестве доказательств при соблюдении следующих трех условий: «1) фактическая для свидетеля возможность знать предмет показания, что зависит от степени близости к событию о котором он повествует и от обстановки, в которой он находился (например, ночное время и т. д.), 2) способность свидетеля понять и изложить им указанное (например, степень близорукости, развитость, память, речистость), и 3) желание или, вернее, хотение свидетеля сказать правду, что стоит в зависимости от его отношений к участвующим в процессе, его прежней деятельности и качеств (напр., он уже ранее судился за лжесвидетельство) и т.д.» [10, с. 279]. Основываясь на рассматриваемых критериях, ученый пришел к следующему выводу: «...ясно отсюда, как для суда и сторон важно знать, изучить свидетеля» [10, с. 279].

Рассматривая существующее отношение к свидетельским показаниям, С. И. Викторский указывает, что именно попытки получить максимально объективные показания от свидетелей привели к существенному сужению круга лиц, которые могут быть допущены к свидетельствованию, через введенные в свое время ограничения и предопределения лиц, чьи показания заранее признаются достоверными. Существование ограничений не способствует повышению объективности показаний, и ученый видит один из способов получения максимально объективной информации от свидетелей в возможности «сторонам и суду, насколько это возможно, ознакомиться с личностью свидетеля и оценить его показания по достоинству» [10, с. 279]. Естественно, изучение свидетеля в представлении С. И. Викторского имело достаточно ограниченные возможности, хотя он обращал внимание на то, что подобные действия происходят не только непосредственно в зале судебных заседаний. Процедура получения информации о свидетеле включает и ситуацию с вызовом свидетеля для допроса, за счет чего стороны получают возможность узнать, кого им предстоит допрашивать.

В работе Л. Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах» были даны рекомендации, в соответствии с которыми судье надлежало оценивать показания свидетеля с точки зрения их достоверности: «Если свидетель в рассказе об обстоятельствах, которые по самому свойству дела он должен бы был воспринять, сам себе противоречит или изобличается во лжи, то решение вопроса о том, насколько достоверность показаний уничтожается или только уменьшается и в других пунктах, предоставляется усмотрению судьи. Неправильные показания или противоречия свидетеля по обстоятельствам, которые могли ускользнуть от его внимания, равным образом колебания и нерешительное поведение при даче показания, если нет удовлетворительного объяснения упомянутых недостатков, превращает свидетельство в подозрительное показание» [11, с. 67].

В целом Л. Е. Владимиров достаточно критично относился к возможностям использования свидетельских показаний в качестве доказательств. «Ввиду того что свидетели могут ошибаться вполне добросовестно; ввиду того, что стачка свидетелей, ловко устроенная, налаженная и проведенная, всегда возможна – заурядный критерий достоверности свидетелей, именно – согласие их в показаниях, не устраняет сомнения из души судьи. На свидетельское показание следует смотреть как на сырой материал, по счастливому выражению одного современного криминалиста. Из этого сырого материала судья должен выработать истину» [11, с. 349–350].

В то же время, анализируя получившие широкое распространение на Западе опыты по исследованию возможностей воспроизводить лицом увиденные обстоятельства, профессор Л. Е. Владимиров подчеркивал, что «...недочеты в свидетельских показаниях всегда бывают. Свидетельство очевидца не есть фотография и в поле нашего зрения, равно как и внимания, не все попадает, а лишь то, что повелительно призывает внимание» [11, с. 348]. И пытаясь защитить свидетельские показания, далее пишет, что «... результаты экспериментов над психологическими нашими отправлениями вызывают в литературе такие взгляды на свидетельские показания, которые способны преувеличить недостатки этого доказательства в глазах общества, а следовательно, и суда. Говорить о свидетелях – значит, говорить о человечестве, потому что свидетели ведь не особая порода людей; говорить о человечестве с точки зрения его способности воспринимать и запоминать воспринятое – значит, говорить о всей культуре, которая представляет величайший памятник человеческих психических способностей, проявлявшихся в могучем и разнообразном творчестве» [11, с. 348–349].

Возможность более полного и точного получения той информации, которой располагает свидетель, зависит от различных факторов объективного и субъективного характера, степени прикосновенности к событию преступления и той роли, которую лицо, привлекаемое в качестве свидетеля, должно будет сыграть в рамках своего правового статуса.

Одним из направлений, ориентированным на необходимость придания институту свидетельствования соответствующего значения, традиционно выступают исследования, реализуемые в науке уголовно-процессуального права.

В уголовном процессе так же, как и в криминалистике, изучение свидетеля нельзя считать окончательно сформировавшимся.

Так, М. М. Шейфер обратила в своей работе внимание на то, что, несмотря на отнесение свидетеля к участникам уголовного процесса, вопросы, касающиеся его процессуальной функции, можно обозначить как малоизученные. Свидетель не выполняет ни функции защиты, ни уголовного преследования, ни разрешения дела по существу и является носителем особой «вспомогательной функции».

Содержание ее проявляется в «содействии осуществлению правосудию посредством правдивого

изложения известных ему обстоятельств, имеющих значение для дела, составляющих предмет допроса и других следственных действий, проводимых с его участием и сопровождаемых дачей показаний».

Автор также подчеркивает незаменимость свидетеля и указывает на его приоритет перед другими участниками процесса в деле достижения объективности, полноты, всесторонности как предварительного, так и судебного следствия [12, с. 13].

Епихин А. Ю., развивая традиционный подход, определяет свидетеля как «физическое лицо, имеющее необходимые по делу сведения о предмете доказывания по делу, вызванное и сообщившее следователю или суду такие сведения в установленном законом порядке» [13, с. 10].

К. Ф. Карибов к признакам, отличающим свидетелей от других участников уголовного процесса, относит обстоятельства, связанные с особенностью восприятия и сообщения известной лицу информации, определяемой прикосновенностью к преступлению. В связи с чем: 1) свидетель – это лицо, которому (на основе восприятия органов чувств) известны факты, подлежащие установлению по уголовному делу; 2) свидетелем в процессуальном смысле лицо становится после официального вызова компетентного органа или – в случае явки по собственной инициативе – после предупреждения о законной ответственности; 3) свидетель, обязан дать показания и дать правдивые показания; за неисполнение или нарушение этих обязанностей он несет уголовную ответственность; 4) свидетелем может быть только лицо, не причастное к расследуемому преступлению. Выявленные особенности позволили дать следующее определение: «Свидетель – это участвующее в уголовном процессе лицо, не причастное к совершению преступления, которое по требованию суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, обязано явиться и правдиво сообщить известные ему по уголовному делу сведения» [14, с. 10].

А. В. Макеев дает следующее понятие: «...свидетель» – это лицо, не имеющее ограничений для дачи показаний, располагающее непосредственно им воспринятыми или ставшими ему известными из достоверных источников сведениями об обстоятельствах преступления и причастных к нему лицах и иных обстоятельствах, подлежащих доказыванию, вызванное для дачи показания в органы расследования или суд» [15, с. 162].

В работе В. Д. Потапова отмечено, что свидетель – «физическое лицо, явившееся по собственной инициативе или вызванное уполномоченными на то судебно-следственными органами и допущенное уголовно-процессуальным законом к даче показаний об известных ему каких-либо обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела» [16].

Давая определение свидетеля, М. М. Шейфер формулирует его следующим образом: «свидетель – это лицо, относительно которого дознаватель, следователь, прокурор, суд располагают сведениями о том, что ему могут быть известны какие-либо об-

стоятельства, имеющие значение для дела, составляющих предмет допроса и других следственных действий, проводимых с его участием» [17, с. 201].

В определении, данном М. А. Барановой, свидетель «может быть определен как любое лицо, которому предположительно известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, участвующее в уголовном судопроизводстве» [18, с. 49].

Н. Ю. Литвинцева указывает, что «свидетель – это лицо, обладающее информацией, воспринятой им лично, непосредственно или опосредованно, об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано в установленном уголовно-процессуальном законом порядке для дачи показаний дознавателем, следователем, прокурором или судом» [19].

Как отмечается в работе В. С. Оплетаетова, «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано либо добровольно явилось для дачи показаний» [20, с. 10].

В понятии, сформулированном Ф. Г. Григорьевым, определено, что «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое привлечено к участию в допросе в качестве свидетеля в установленном законе порядке дознавателем, следователем или судом» [21, с. 9].

Во всех определениях акцент сделан на особенностях личного характера показаний свидетеля, определяемых степенью осведомленности

лица об определенных обстоятельствах посредством личного восприятия либо же иным образом осведомленного. Ряд ученых подчёркивают личный характер через указание на свидетеля непосредственно как на физическое лицо (А. Ю. Епихин, В. Д. Потапов), в ряде определений акцентируется внимание на лично воспринятых им обстоятельствах (К. Ф. Карибов), а М. А. Баранова характеризует сферу известной лицу информации как неопределённую («предположительно известны какие-либо обстоятельства»). Однако все исследованные подходы к определению основаны на ориентации на способы получения информации от лица в результате производства допроса.

Следовательно, можно резюмировать, что в качестве базового элемента понятие «свидетель» содержит признак обладания определенной информацией, имеющей значение для установления истины по уголовному делу и получаемой от лица в установленной процессуальной форме. Именно информационная составляющая и интересна криминалистике в качестве важного элемента, присущего свидетелю как участнику уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевым элементом одновременно выступает личный характер процесса восприятия и передачи информации, представляющей определенный интерес для решения задач раскрытия преступления. Одновременно личный характер сообщаемой информации требует дальнейшего совершенствования основ криминалистического изучения свидетеля как участника уголовного судопроизводства, в целом обеспечения разработки критериев оценки достоверности показаний свидетеля.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Избранные труды. Москва: Норма, 2008. 767 с.
2. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. Москва: Типо-литография В. Рихтер, 1915. 432 с.
3. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. Т. XXIX. 468 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10188/>.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Типография т-ва «Общественная Польза», 1910. Т. 2. 560 с. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2/>.
5. Большая энциклопедия. Санкт-Петербург: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. Т. 17. 791 с. URL: https://runivers.ru/lib/preview_page/book9796/483829/.
6. Еврейская энциклопедия / под общ. ред. доктора Л. Канцельсона. Санкт-Петербург: Издательство общества для научных Еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон. Москва: ТЕРРА-TERRA, 1991. 959 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7069>.
7. Малая советская энциклопедия. Москва: АО «Советская энциклопедия», 1930. Т. 7. 966 с. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01007883837?page=5>.
8. Большая советская энциклопедия. Москва: Государственный научный институт «Советская энциклопедия», 1944. Т. 50. 440 с. URL: http://prussia.online/Data/Book/bo/bolshaya-sovetskaya-entsiklopediya-50/bse2_ocred_50.djvu.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1997. 944 с.
10. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1912. 443 с. URL: <https://library6.com/3596/item/559091>.
11. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Санкт-Петербург: Издание книжного магазина «Законоведение», 1910. 400 с. URL: https://royallib.com/book/vladimirov_leonid/uchenie_ob_ugolovnih_dokazatelstvah.html.
12. Шейфер М. М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: «УОП СамГУ», 2005. 20 с. URL: https://newdisser.ru/_avtoreferats/01002816317.pdf.

13. Епихин А. Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: МГЮА, 1995. 22 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zashchita-zakonnykh-prav-i-interesov-svidetelya-v-ugolovnom-protsesse>.
14. Карибов К. Ф. Процессуальное положение свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: ООО «МакПресс», 2001. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/protsessualnoe-polozhenie-svidetelya-v-ugolovnom-protsesse>.
15. Макеев А. В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. упр. МВД РФ, 2005. 189 с.
16. Потапов В. Д. Совершенствование процессуально-правового положения свидетеля в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005, 17 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15816579&> (дата обращения: 13.10.2021).
17. Шейфер М. М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 235 с.
18. Баранова М. А. Свидетель в системе уголовно-процессуальных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2005. 209 с.
19. Литвинцева Н. Ю. Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2005. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002942321> (дата обращения 17.10.2021).
20. Оплетаев В. С. Особенности участия несовершеннолетних свидетелей в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: ГОУ ВПО Шадринский государственный педагогический институт, 2010. 27 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19336194>.
21. Григорьев Ф. Г. Процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве. Москва: МГУ, 2008. 28 с.

References

1. Belkin R. S. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Norma, 2008, 767 p. [in Russian].
2. Feldshstein G. S. *Leksii po ugovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on criminal proceedings]. Moscow: Tipolitografiya V. Rikhter, 1915, 432 p. [in Russian].
3. *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Saint Peterburg: Tipografiya Akts. Obshch. «Izdatel'skoe Delo», Brokgauz-Efron, 1900, vol. XXIX, 468 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3182/10188> [in Russian].
4. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal proceedings]. Saint Petersburg: Tipografiya t-va «Obshchestvennaya Pol'za», 1910, vol. 2, 560 p. Available at: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2> [in Russian].
5. *Bol'shaya entsiklopediya* [Big encyclopedia]. Saint Peterburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo Prosveshchenie, 1904, vol. 17, 791 p. Available at: https://runivers.ru/lib/preview_page/book9796/483829 [in Russian].
6. *Evreiskaya entsiklopediya. Pod obshchei redaktsiei doktora L. Kantsel'sona* [Katsnelson L. (Ed.) The Jewish Encyclopedia]. St. Peterburg: Izdatel'stvo obshchestva dlya nauchnykh Evreiskikh izdaniy i izdatel'stva Brokgauz-Efron. Moscow: TERRA – TERRA, 1991, 959 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7069> [in Russian].
7. *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet encyclopedia]. Moscow: AO «Sovetskaya entsiklopediya», 1930, vol. 7, 966 p. Available at: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01007883837?page=5> [in Russian].
8. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennyi nauchnyi institut «Sovetskaya entsiklopediya», 1944, vol. 50, 440 p. Available at: http://prussia.online/Data/Book/bo/bolshaya-sovetskaya-entsiklopediya-50/bse2_ocred_50.djvu [in Russian].
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1997, 944 p. [in Russian].
10. Viktorov S. I. *Russkii ugovnyi protsess* [Russian criminal trial]. Moscow: Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 1912, 443 p. Available at: <https://library6.com/3596/item/559091> [in Russian].
11. Vladimirov L. E. *Uchenie ob ugovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of criminal evidence]. St. Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina «Zakonovedenie», 1910, 400 p. Available at: https://royallib.com/book/vladimirov_leonid/uchenie_ob_ugolovnih_dokazatelstvakh.html [in Russian].
12. Sheifer M. M. *Sotsial'nyi i pravovoi status svidetelya i problemy ego realizatsii v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Social and legal status of the witness and the problems of its implementation in the criminal procedure of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara: UOP SamGU, 2005, 20 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002816317.pdf [in Russian].
13. Epikhin A. Yu. *Zashchita zakonnykh prav i interesov svidetelya v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Protection of legal rights and interests of a witness in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: MGYuA, 1995, 22 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/zashchita-zakonnykh-prav-i-interesov-svidetelya-v-ugolovnom-protsesse> [in Russian].
14. Karibov K. F. *Protsessual'noe polozhenie svidetelya v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural status of a witness in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis].

Moscow: ООО «MaksPress», 2001, 28 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/protssesualnoe-polozhenie-svidetelya-v-ugolovnom-protseesse> [in Russian].

15. Makeev A. V. *Svidetel' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: stanovlenie i tendentsii razvitiya protssesual'nogo instituta: dis. ... kand. yurid. nauk* [Witness in the criminal proceedings of Russia: formation and trends in the development of a procedural institute: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Akad. upr. MVD RF, 2005, 189 p. [in Russian].

16. Potapov V. D. *Sovershenstvovanie protssesual'no-pravovogo polozheniya svidetelya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Improving the procedural and legal position of a witness in the criminal proceedings of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2005, 17 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15816579&> (accessed 13.10.2021) [in Russian].

17. Sheifer M. M. *Sotsial'nyi i pravovoi status svidetelya i problemy ego realizatsii v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Social and legal status of the witness and the problems of its implementation in the criminal procedure of Russia: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2005, 235 p. [in Russian].

18. Baranova M. A. *Svidetel' v sisteme ugolovno-protssesual'nykh pravootnoshenii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Witness in the system of criminal procedural legal relations: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Saratov, 2005, 209 p. [in Russian].

19. Litvintseva N. Yu. *Protssesual'nyi status svidetelya v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Procedural status of a witness in Russian criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Irkutsk, 2005. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002942321> (accessed 17.10.2021) [in Russian].

20. Opletaev V. S. *Osobennosti uchastiya nesovershennoletnikh svidetelei v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of the participation of minor witnesses in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg: GOU VPO Shadrinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 2010, 27 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19336194> [in Russian].

21. Grigoriev F. G. *Protssesual'noe polozhenie svidetelya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Procedural status of a witness in criminal proceedings]. Moscow: MGU, 2008, 28 p. [in Russian].

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-88-96

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.03

Дата поступления: 25.09.2021
рецензирования: 27.10.2021
принятия: 21.03.2022

Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции

Ж. П. Гунзынов

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: gzzrl@yandex.ru

М. Ю. Дондокова

Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: maksara508@mail.ru

З. А. Коновалова

Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация

E-mail: Zinaida40@mail.ru

А. Н. Мяханова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

E-mail: alex27-m@mail.ru

Д. В. Синьков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: dvsv@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности правового регулирования государственных закупок в Китайской Народной Республике, Монголии и Российской Федерации. Выделены некоторые положения противодействия коррупции. Отмечены приоритеты государственной политики в указанных странах в сфере государственных закупок. Законодательство Китая и Монголии анализируется с позиций возможного использования их положений для совершенствования российского законодательства. Так, китайское и монгольское законодательство, в отличие от российского, более лаконично, не имеет отсылочного характера и пр. Цель: проведение сравнительного анализа законодательства в области закупочной деятельности РФ, КНР и Монголии на предмет наличия в нем коррупциогенных факторов.

Ключевые слова: контрактная система; требования к участникам закупки; меры ответственности; преступления в сфере закупок в России; преступления в сфере закупок в КНР; преступления в сфере закупок Монголии; противодействие коррупции.

Цитирование. Гунзынов Ж. П., Дондокова М. Ю., Коновалова З. А., Мяханова А. Н., Синьков Д. В. Правовое регулирование закупочной деятельности России, Китая и Монголии: некоторые аспекты противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-88-96>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гунзынов Ж. П., Дондокова М. Ю., Коновалова З. А., Мяханова А. Н., Синьков Д. В., 2022

Жаргал Паламович Гунзынов – старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, юридического факультет, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, Российская Федерация, Дальневосточный федеральный округ, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Максара Юрьевна Дондокова – кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Зинаида Алексеевна Коновалова – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Коми республиканская академия государственной службы и управления, 167982, Российская Федерация, Северо-Западный федеральный округ, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 11.

Александра Николаевна Мяханова – доцент кафедры уголовного права и криминологии, судья в отставке, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 670000, Российская Федерация, Дальневосточный федеральный округ, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Дмитрий Владимирович Синьков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.09.2021

Revised: 27.10.2021

Accepted: 21.03.2022

Legal regulation of procurement activities in Russia, China and Mongolia: some aspects of financial control and anti-corruption

Zh. P. Gunzynov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

E-mail: gzzrl@yandex.ru

M. Yu. Dondokova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: maksara508@mail.ru

Z. A. Konovalova,

The Komi Republican Academy of State Service and Administration, Syktyvkar, Russian Federation

E-mail: Zinaida40@mail.ru

A. N. Myakhanova,

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

E-mail: alex27-m@mail.ru

D. V. Sinkov,

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: dvsv@list.ru

Abstract: The article describes some of the features of legal regulation of public procurement in the People's Republic of China, Mongolia and the Russian Federation. In the article the key provisions of financial control and anti-corruption are highlighted and the priorities of state policy in these countries in the field of public procurement are noted. The legislation of China and Mongolia is analyzed from the standpoint of the possible use of their provisions to improve Russian legislation. So, the Chinese and Mongolian legislation, in contrast to the Russian, is more concise, has no reference character, etc. Purpose: All above confirms the relevance of further comparative legal analysis of the legislation of the People's Republic of China, Mongolia and the Russian Federation in the field of procurement. Conclusions obtained in the course of the study: To identify the distinctive points in the legal regulation of financial control and the application of measures of responsibility for crimes in the implementation of procurement activities in the Russian Federation, the People's Republic of China and Mongolia. Conclusions of the research: the legislation of Russia, Mongolia and China is improving methods of combating corruption offenses that are committed in the implementation of procurement activities. Despite the adoption of many legal measures, corruption crimes in procurement activities are committed quite often.

Key words: contract system; financial control; contract; requirements for procurement participants; terms of contract execution; penalties; procurement crimes in Russia; procurement crimes in the PRC; procurement crimes in Mongolia.

Citation. Gunzynov Zh. P., Dondokova M. Yu., Konovalova Z. A., Myakhanova A. N., Sinkov D. V. *Pravovoe regulirovanie zakupochnoi deyatel'nosti Rossii, Kitaya i Mongolii: nekotorye aspekty protivodeistviya korruptsii* [Legal regulation of procurement activities in Russia, China and Mongolia: some aspects of financial control and anti-corruption]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 88–96. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-88-96> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Gunzynov Zh. P., Dondokova M. Yu., Konovalova Z. A., Myakhanova A. N., Sinkov D. V., 2022

Zhargal P. Gunzynov – senior lecturer, Department of Theory and History of Law and State, Faculty of Law, Banzarov Buryat State University, 24 a, Smolin Street, Ulan-Ude, 670000, Far Eastern Federal District, Republic of Buryatia, Russian Federation.

Maksara Yu. Dondokova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Chinese, Vietnamese, Thai and Lao Languages, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Zinaida A. Konovalova – associate professor of the Department of State and Legal Disciplines, The Komi Republican Academy of State Service and Administration, 11, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Northwestern Federal District, Komi Republic, Russian Federation.

Alexandra N. Myakhanova – associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, retired judge, Banzarov Buryat State University, 24 a, Smolin Street, Ulan-Ude, 670000, Far Eastern Federal District, Republic of Buryatia, Russian Federation.

Dmitry V. Sinkov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of Criminal Law, Saint Petersburg University, 7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Введение

В последние годы продолжает усиливаться сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и Монголией. Касается

это как внешнеполитических, так и внешнеэкономических отношений. В этой связи представляет большой интерес анализ правового регулирования в сфере государственных закупок в этих стра-

нах. Анализ уголовного законодательства Китая и Монголии о противодействии коррупции в сфере закупочной деятельности актуален в связи с тем, что указанные страны достигли некоторых успехов в экономической деятельности и в сфере противодействия коррупции.

Опыт исследуемых стран азиатского региона вызывает интерес. К примеру, по мнению некоторых авторов, Китай достаточно эффективен в противодействии коррупционной преступности [1]. В России вопросы в сфере противодействия коррупции распространяются на новые уровни управления. В настоящее время антикоррупционные обязанности должны выполнять не только государственные служащие, но и работники государственных корпораций [2], иных коммерческих организаций [3]. По мнению некоторых авторов, необходимо создание эффективных корпоративных комплаенс-процедур и надежных организационно-договорных отношений с соблюдением международных антикоррупционных стандартов [4]. Россия в современных условиях стремится к увеличению прозрачности процедуры осуществления и контроля закупок. Тем не менее контрактная система по-прежнему одна из самых коррупционно уязвимых [5].

Государственные закупки в России обеспечивают достаточно открытое и эффективное расходование как бюджетных средств в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон 44-ФЗ), так и средств юридических лиц по Федеральному закону от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон 223-ФЗ).

Объем государственных контрактов в России в 2020 г. составил 8,9 трлн руб. (2019 г. – 8,2 трлн руб.). В рамках закона 223-ФЗ в 2020 г. – 19,9 трлн руб. (2019 г. – 21,12 трлн руб.)¹. К различным видам ответственности в 2020 г. в этой сфере привлечено свыше 40 тыс. лиц. Генеральным прокурором РФ 14 января 2021 г. издан приказ № 6 «Об организации прокурорского надзора в сфере закупок»². Всего в 2020 г. выявлено свыше 45 тыс. нарушений законов, связанных с реализацией нацпроектов, большая часть которых – нарушения бюджетного законодательства и законодательства о контрактной системе³.

По мнению некоторых авторов, ст. 178 УК РФ («Ограничение конкуренции»), направленная на борьбу с картелями (а значит, и на торгах), име-

¹ Главная портал закупок. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 26.08.2021).

² Неприкасаемых не будет. Генеральный прокурор Игорь Краснов – о новых способах борьбы с коррупцией. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korruptsiej.html> (дата обращения: 01.09.2021)

³ Итоги работы органов прокуратуры за 2020 год и задачи по укреплению законности и правопорядка на 2021 год. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=59741739>

ет настолько существенные недостатки [6], что об эффективности уголовно-правовых мер в этой борьбе говорить пока не приходится [7].

Важность борьбы с коррупцией в КНР обусловлена тем, что закупки – это один из способов защиты технологической и финансовой независимости национального производства. Государственные закупки в Китае регулируются Законом КНР о проведении тендеров и торгов (中华人民共和国招标投标法) от 30 августа 1999 г.⁴ и Законом КНР от 29 июня 2002 г. № 68 «Государственные закупки Китайской Народной Республики» (中华人民共和国政府采购法) (далее – Закон о закупках КНР)⁵ (здесь и далее используется авторский перевод с китайского языка на русский с приближением к российской терминологии. Далее он может быть скорректирован. – Прим. авт.).

В Китае к 2019 г. было около 30 миллионов частных предприятий. В 2018 г. зарегистрировано максимальное количество правонарушений при продажах и закупках, 31 и 26 % соответственно. Получение взяток является одним из самых часто встречающихся преступлений (26 % от общего числа)⁶(按性质区分, 舞弊案件最高发的类型为收受贿赂). В современный период частные предприятия обеспечивают поступление более 50 % налоговых поступлений, а занятость в городах превышает 80 % [8].

В Монголии основной нормативный правовой акт, регулирующий отношения в сфере госзакупок, – это Закон о закупках товаров работ и услуг от 1 декабря 2005 г. Основная роль системы государственных закупок – стимулирование роста экономики за счет бюджетных средств и привлечения иностранных инвестиций⁷.

Цель исследования – проведение сравнительного анализа законодательства в области закупочной деятельности РФ, КНР и Монголии на предмет наличия в нем коррупциогенных факторов и в целях выявления общих и отличительных особенностей противодействия коррупции.

Методика проведения исследования

Использовался метод сравнительного анализа, который позволил выявить общность и различия в подходах к искоренению коррупционных проявлений в сфере закупок в законодательстве РФ, КНР и Монголии.

⁴ 中华人民共和国招标投标法 (Закон КНР о проведении тендеров и торгов). URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2000-12/05/content_5004749.htm (дата обращения: 01.09.2021).

⁵ 中华人民共和国政府采购法 (Закон о государственных закупках Китайской Народной Республики). URL: http://www.cccp.gov.cn/zcfg/gjfg/201310/t20131029_3587339.htm (дата обращения: 01.09.2021).

⁶ Правовая газета.. URL: http://www.xinhuanet.com/legal/2019-08/29/c_1124934197.htm (дата обращения: 01.11.2020).

⁷ Закон Монголии о закупке товаров, работ и услуг. URL: <https://pandia.ru/text/80/548/1170.php> (дата обращения: 27.08.2021)

Результаты исследования

В последние годы Россия предпринимает шаги к выстраиванию системы противодействия коррупции, в том числе совершенствуя нормативно-правовую базу. Это связано и с тем, что с 1 февраля 2007 г. для России вступила в силу Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, подписанная в Страсбурге 27 января 1999 г. Статья 12 Конвенции послужила основанием для внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Криминализовано посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). В частности, что касается ч. 5 ст. 291.1 УК РФ («Обещание или предложение посредничества во взяточничестве»), то норма не имеет аналогов в истории российского права [9].

В Китае также подчеркивается необходимость усиления антикоррупционной работы. В конце 2019 г. сообщено о продолжении борьбы с коррупцией, в том числе на низовом уровне. Правительство издало ряд законов и постановлений для содействия институциональному противодействию коррупции с позиции верховенства закона⁸.

В конце января 2021 г. в Пекине прошел Пятый пленум 19-го созыва Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (КПК) – высшего органа по борьбе с коррупцией и злоупотреблениями властью. Председатель КНР Си Цзиньпин указал стратегические цели борьбы с коррупцией, на необходимость углублять антикоррупционную работу в области финансов, госпредприятий, в области исполнительной и законодательной власти (坚决查处政治问题和经济问题交织的腐败案件, 深化金融、国企、政法等领域反腐败工作)⁹.

В Монголии основными законами, регулирующими вопросы антикоррупционной политики, являются Закон «О государственной службе» и Закон «Против коррупции». В последние годы в них внесены значительные поправки. Так, в Закон о государственных закупках Монголии (PPL) внесено следующее изменение: для закупок товаров низкой стоимости товары отечественного производства должны быть закуплены при условии, что они доступны внутри страны и соответствуют минимальным стандартам качества (*давзу эрх олгоно*)¹⁰ (здесь и далее используется авторский перевод с монгольского языка на русский с приближением к российской терминологии).

⁸ Результаты «расшифровки стенограммы» по борьбе с коррупцией за 2019 год очевидны: растет количество осужденных чиновников провинциального уровня // Агентство Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/legal/2020-01/03/c_1125417016.htm (дата обращения: 19.09.2021).

⁹ Стенограмма Пятого пленарного заседания Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая 19-го созыва. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-01/24/c_1127019059.htm (дата обращения: 19.09.2021).

¹⁰ Закон Монголии о закупке товаров, работ и услуг. URL: <https://www.legalinfo.mn/additional/details/3495?lawid=493> (дата обращения: 27.08.2021).

Далее он может быть скорректирован. – *Прим. авт.*)

К основным программно-целевым документам антикоррупционной политики относится Национальная программа Монголии по противодействию коррупции, принятая в 2002 г. (в ред. 2016 г.). Она представляет систему мер организационного, экономического, правового и информационного характера, учитывающую государственное устройство страны, направленную на устранение основных причин коррупции.

Вместе с тем, Монголия по данным международного агентства Transparency International, за последние семь лет (2013-2020 гг.) остается страной с высоким уровнем коррупции¹¹.

В России контрактная система также является одной из самых коррупционно уязвимых [10]. В связи с этим следует признать обоснованным внимание государства к этой проблеме.

Согласимся, что адекватной мерой, направленной на предотвращение коррупции, создающей юридическую основу для мониторинга контрагентов в ходе исполнения договоров на предмет соблюдения антикоррупционных обязанностей, а также выполняющей коммуникативную функцию (контрагенты заблаговременно информируются об антикоррупционной политике компании), является антикоррупционная оговорка (anti-corruption clauses), или комплаенс-оговорка (compliance clause). Основная цель такой оговорки – формулирование сторонами договора условия, гарантирующего соблюдение правил деловой этики в течение срока действия договора, а иногда и после истечения его действия [11].

В Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы¹² к числу основных задач отнесены в том числе «совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Правительству страны поручено представить предложения о внесении изменений в условия заключаемых контрактов в части обязательств о недопущении действий, которые могут привести к нарушению требований законодательства о противодействии коррупции.

Отметим, что некоторые коррупциогенные факторы содержатся непосредственно в нормативном документе, регулирующем закупочную деятельность. Возникают ситуации, при которых заказчик определяет требования к исполнителю, формально соблюдая положения о конкуренции, но факти-

¹¹ Индекс коррупции в 2020 г. // Отчет международного агентства Transparency International. URL: <https://www.transparency.mn/post/2020-оны-авлигын-индексийг-transparency-international-танилцуулж-байна> (дата обращения: 15.09.2021).

¹² Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402519978/> (дата обращения: 28.09.2021).

чески нарушая требования антикоррупционного законодательства.

Подобные пробелы есть и в Китае. Так, во Внутренней Монголии (автономный регион на севере Китая, основанный 1 мая 1947 года) секретарь комитета зоны экономического и технологического развития Хух-Хото Ли Цзяньпин зарегистрировал компании на своих подчиненных. Он создал десятки подставных компаний, управляя которыми получал от государства крупные суммы¹³.

В Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы указана также необходимость представления предложений об осуществлении в целях исключения коррупционных рисков мер по обеспечению открытости процедур.

Так, например, при формировании заявки на поставку медицинского оборудования и препаратов существует множество ограничений, поэтому возможен вариант развития коррупционной схемы, когда будет сделано все для получения поставщиком разрешения на торговлю некачественными лекарственными препаратами [12]. Также отметим, что преимущественно при применении ст. 286 УК РФ квалификация действий должностного лица заказчика производится с указанием того, что должностное лицо в отсутствие законных оснований, т. е. в отсутствие фактически поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, подписывает акт приемки [13].

В Китае после громкого дела Ли Цзяньпина во Внутренней Монголии стали выделять проблемы «десяти хаосов» (十乱), к которым относятся набор персонала, беспорядочное подписание соглашений, заимствование средств и открытие счетов, хаос в управлении, беспорядок в системе и надзоре и т. д. (乱设公司、乱设职位、乱进人员、乱签协议、乱借资金、乱设账户、制度杂乱、管理混乱、体制错乱、监督散乱)¹⁴. Подобные проблемы есть в России.

Следует иметь в виду, что коррупционные правонарушения в области закупочной деятельности отличаются высокой степенью латентности. В случаях обоюдного интереса у коррупционера и корруптора достаточно сложно доказать их сговор. Также отметим, что механизм коррупционных сделок становится более системно организованным и глобализируется.

Генеральная прокуратура России в соответствии с указанным Национальным планом должна принимать меры по пресечению незаконной передачи должностному лицу заказчика денежных средств, получаемых поставщиком (подрядчиком, исполнителем) за «предоставление» права заключения незаконного контракта. Речь идет о возврате так называемых откатов при завышении цены договора или контракта.

¹³ Центральная дисциплинарная комиссия обнародовала самый крупный случай в истории борьбы с коррупцией во Внутренней Монголии. URL: http://www.legaldaily.com.cn/index/content/2021-02/27/content_8442952.htm (дата обращения: 19.09.2021).

¹⁴ Там же.

Для определения достоверной стоимости товара и качества выполненных работ и услуг в ч. 3 ст. 94 Закона 44-ФЗ закреплено, что заказчик при приемке обязан провести экспертизу закупаемых товаров, работ, услуг. Однако порядок ее проведения не определен, что дает поставщику и заказчику возможность для коррупционного нарушения.

Также в отечественном законодательстве четко не регламентировано, что входит в понятие «обоснование закупок». А именно, каким образом заказчик обязан объяснить, для каких нужд необходимо осуществить ту или иную закупку. Аналогичная ситуация с этим и в Китае. К примеру, бывший секретарь Хэ Бинжун (провинция Чжэцзян) просил своих подчиненных купить на государственные средства 14 770 бутылок элитных напитков¹⁵.

При этом указанные выше коррупционные действия возможно пресечь посредством финансового контроля, осуществляемого как органами исполнительной власти, так и путем аудиторского контроля, проводимого контрольно-счетными органами различных уровней власти [14].

В Монголии разработана Национальная антикоррупционная программа (*Авлигатай тэмцэх үндэсний хөтөлбөр*), утвержденная Постановлением Великого Государственного Хурала Монголии 03 ноября 2016 г. В ней предложены такие меры, как перевод всех тендерных процессов в систему электронных закупок (*цахим үйлчилгээг хөгжүүлжч анар хуртэмжийгнь сайжруулах*); обновление процедуры рассмотрения жалоб и споров; совершенствование политики и процесса планирования закупок; определение методов и критериев для прямого заключения контрактов; увеличение штрафов для физических или юридических лиц и др.¹⁶

Правительство Монголии устанавливает порог, ниже которого контракты на товары и работы могут быть заключены напрямую (статья 8.1.2 Закона о госзакупках). Он равен в настоящее время 10 млн тугриков. В России он установлен в размере 600 тыс. руб. для заказчиков, работающих по Закону 44-ФЗ. Для тех, кто осуществляет закупочную деятельность по Закону 223-ФЗ, порог устанавливается заказчиком.

Как в России, так и в Монголии в связи с предоставленной возможностью дробления стоимости работ, товаров или услуг на несколько частей избегают конкурентных процедур для заключения контрактов или договоров с нужным поставщиком. Отметим, что дробление стоимости товаров и работ на более мелкие тендеры с целью применения неконкурентных процедур запрещено (статья 8.5 Закона о госзакупках).

Согласимся, что эффективная борьба с коррупцией средствами уголовного права предполагает,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Авлигатай тэмцэх үндэсний хөтөлбөр (Национальная антикоррупционная программа) URL: <https://www.iaac.mn/page/92?menu=217> (дата обращения: 26.09.2021).

во-первых, высокое качество уголовно-правовых норм, направленных на противодействие коррупции, а во-вторых, отсутствие коррупциогенности в самом уголовном законе [15].

Большинство коррупционных преступлений совершаются на стадиях планирования и определения поставщика, исполнения контракта, приемки поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг. Противоправное деяние выражается в завышении цены контракта; предоставлении преимуществ «близким товарищам» при определении поставщика; приеме товаров, работ и услуг с дефектами и недоделками.

Целью закупок в России обозначены реализация государственных программ, международных обязательств, исполнения обязанностей органов государственной и муниципальной власти, казенных учреждений¹⁷.

В Китае целью Закона о закупках (ст. 1) заявлено регулирование закупочной деятельности, сохранение интересов государства и общественности, защита законных прав и интересов участников (为了规范政府采购行为, 提高政府采购资金的使用效益, 维护国家利益和社会公共利益, 保护政府采购上市人的合法权益, 促进廉政建设, 制定本法).

В Китае, к примеру, отмечают распространённость в дорожном строительстве таких коррупционных проявлений, как взяточничество, злоупотребление полномочиями и nepotизм. Впоследствии победителем тендера становится компания, имеющая неформальные связи с организаторами конкурсного отбора. Отсюда превышение сроков строительства, снижение качества, сверхнормативные затраты [16].

В Монголии, согласно ст. 1 Закона о закупках, основная цель закупок – организация закупок (*зохион байгуулах*), осуществление надзора (*хяналт*) за процедурами закупок, рассмотрение жалоб (*гомдол гаргаж шийдвэрлүүлэх*) и ужесточение ответственности (*хариуцлага хүлээлгэ хатуу холбогдон*) за нарушение этого закона.

Общим для трех стран является наличие ограничения для поставщиков, подпадающих под понятие «конфликт интересов». Вместе с тем следует согласиться с мнением, что понятие «личная заинтересованность» является многосоставным и достаточно сложным для правоприменителя [19].

В законодательстве о закупках Китая и Монголии, в отличие от России, указаны составы правонарушений и юридическая ответственность за них. В КНР нарушениями считаются: сговор, получение взятки, предоставление недостоверной информации и др. Соответствующие меры ответственности указаны в нормативно-правовом акте регулирующем закупочную деятельность.

В законодательстве Монголии указаны такие нарушения, как завышение цены, недобросовестное проведение тендера и др.

В России существует такое наказание, как включение в «Реестр недобросовестных поставщиков» (РНП) сроком до двух лет. По мнению некоторых авторов, потенциал РНП может быть использован при противодействии коррупции в контрактной сфере, если включить признание сделки ничтожной в связи с наличием конфликта интересов как основание для включения в реестр [20]. В Монголии участников закупки, которые нарушили процедуру, включают в реестр лиц с ограничением права участия в тендере. Например, в 2018 г. в получении взятки изобличена руководитель Департамента городского строительства Т. Эрденетуяа. За приостановление строительных работ ею получена взятка в размере 60 млн тугриков¹⁸.

В настоящее время в России преступления в сфере закупок квалифицируются не только по ст. 200.4, 200.5 УК РФ, но и по другим статьям, в том числе по ст. 159, 160, 165, 285, 286, 292, 293 УК РФ. Так, в Коми возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 200.4 УК РФ (нарушение законодательства о контрактной системе). Администрация г. Инты в ноябре 2019 г. инициировала проведение аукциона на приобретение детской площадки на сумму 5 млн руб. Для определения начальной цены контракта получены три коммерческих предложения, поступивших с одного адреса, две заявки направлены от организаций, прекративших свою деятельность. Кроме этого, приняты меры по ограничению круга участников торгов путем установления трудно-выполнимых условий. В результате обеспечена победа в аукционе конкретной коммерческой организации, а стоимость детской площадки необоснованно завышена на 2,5 млн руб.¹⁹

Отметим проблемы в борьбе с коррупцией на частных предприятиях Китая. Так, ответственность за договоры, при исполнении которых по халатности причинен ущерб, предусмотрена в ст. 167 УК КНР. Вместе с тем, за деятельность с извлечением выгоды для директоров и управляющих компаний, повлекшую значительный ущерб для фирмы, наступает гражданская ответственность согласно ст. 215 Закона о компаниях (公司法第二百一十五条规定追究其民事责任). Считаем такое положение недостаточным сдерживающим фактором для виновных лиц.

Таким образом, представляется, что положительный опыт Китайской Народной Республики и Монголии в сфере противодействия коррупции при осуществлении закупочной деятельности возможно применить и в России. Полагаем актуаль-

¹⁷ Федеральный закон от 05 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624.

¹⁸ Хахуулийн хэргээр баривчлагдсан Т. Эрдэнэтуяа гэгч нууц хатагтай хэн бэ. URL: <https://www.medeemn/p/112935> (дата обращения: 15.09.2021)

¹⁹ Новости Интинского городского суда Республики Коми. URL: http://intasud.komi.sudrf.ru/modules.php?did=142&name=press_dep&op=1 д обращения: 01.08.2021).

ным продолжить сравнительно-правовое исследование в этой сфере как в части законодательства, в том числе уголовного, так и в контексте судебной практики, Китая, Монголии и России.

Выводы

1. Доказано, что в России, Китае и Монголии

определены стратегические цели противодействия коррупционным проявлениям в сфере закупок.

2. Определено, что финансовый контроль при осуществлении закупочной деятельности призван помогать раскрытию коррупционных преступлений, совершаемых в закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Библиографический список

1. Лун Чанхай, Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // *Lex Russica (Русский закон)*. 2018. № 3 (136). С. 128–142. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.128-142>.
2. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Перспективы международного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере противодействия коррупции // *Международное публичное и частное право*. 2016. № 6. С. 30–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27345143>.
3. Цирин А. М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы // *Журнал российского права*. 2016. № 12. С. 106–114. DOI: <http://doi.org/10.12737/22727>.
4. Хабриева Т. Я. Актуальные проблемы укрепления правопорядка и противодействия коррупции в условиях евразийской интеграции // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2016. № 4 (59). С. 5–13.
5. Мяханова А. Н., Буланов В. В. Коррупция в государственных закупках // *Криминологические чтения: материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой победы в Великой Отечественной войне*. Улан-Уде, 2020. С. 104–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44016708>; <https://www.bsu.ru/content/page/23671/sbornik-kriminologicheskie-chteniya-2020g.pdf>.
6. Кинев А. Ю., Тенишев А. П. Уголовная ответственность за картели // *Юрист*. 2017. № 1. С. 7–13. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87026-ugolovnoj-otvetstvennosti-karteli>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28132565>.
7. Даниловская А. В., Тенишев А. П. Об уголовной ответственности за сговоры на торгах // *Актуальные проблемы российского права*, 2019. № 1 (98), С. 119–131. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.98.1.119-131>.
8. Коновалова З. А., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. Финансовый контроль при осуществлении закупочной деятельности по законодательству Китая и России: сравнительный анализ // *Проблемы в Российском законодательстве*. 2020, Т. 13, № 6. С. 82–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44355433>.
9. Влияние Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию на российский уголовный закон // *Россия и Совет Европы. История, современность и перспективы взаимодействия правовых систем: учебное пособие* / под ред. Е.С. Шугриной. Москва: Проспект, 2016. 165 с. URL: <https://ru.lib.education/book/18450579/64f25a>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25874310>.
10. Трунцевский Ю. В. Соблюдение организациями требований законодательства о противодействии коррупции: вопросы практики // *Журнал российского права*. 2019. № 2 (266). С. 169–182. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2019_2_16.
11. Фешина С. С., Орлова Л. Н., Цветкова О. А. Коррупция в сфере государственных закупок в части обеспечения здравоохранения Российской Федерации // *На страже экономики*. 2020. № 4 (15). С. 68–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-4-68-79>.
12. Плесовских Г. Ю., Евтушенко А. А. Хищения бюджетных средств Министерства обороны РФ, совершенные при передаче функций по организации тылового обеспечения войск сторонним организациям на условиях аутсорсинга: способы совершения и особенности методики расследования // *Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права*. 2015. № 4–5. С. 124–132. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24989010>.
13. Коновалова З. А. Контроль в сфере закупок: правовые проблемы // *Государственный и муниципальный финансовый контроль*. 2017. № 2. С. 31–32. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29304851>.
14. Рарог А. И. Борьба с коррупцией и качество уголовного закона // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Первой Всероссийской науч.-практ. конф.* / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. Москва: РАП, 2014. 118 с. URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27156.
15. Новоселова Л. В. Китайские дороги: путь в будущее // *Российский экономический журнал*. 2019. № 1. С. 58–74. URL: http://www.re-j.ru/archive/2019/1/article_558; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36983597>.
16. Проданова Н. А., Зацаринная Е. И. Особенности системы государственных закупок в Китае // *Экономика, предпринимательство и право*. 2015. Т. 5, № 3, С. 151–158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25401430>.
17. Баранов А. А., Паулов П. А. Законы, регулирующие систему государственных закупок в Китайской Народной Республике // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 3–2, С. 186–188. DOI: <http://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10687>.
18. Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. Москва: Норма, 2020. 176 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=353054>.

19. Записная Т. В. Особенности института конфликта интересов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). 2021. Т. 14, № 1. С. 32–38. DOI: <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-32-38>.
20. Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю., Ковш А. В., Гунзынов Ж. П., Коновалова З. А. Закупочно-правовая деятельность России, Китая, Монголии, республики Кореи: финансово-контрольный аспект // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 1. С. 175–183. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848600>.
21. Правовая газета. URL: http://www.xinhuanet.com/legal/2019-08/29/c_1124934197.html (дата обращения: 01.11.2020).
22. Результаты «расшифровки стенограммы» по борьбе с коррупцией за 2019 год очевидны: растет количество осужденных чиновников провинциального уровня // Агентство Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/legal/2020-01/03/c_1125417016.htm (дата обращения: 19.09.2021).
23. Стенограмма Пятого пленарного заседания Центральной комиссии по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая 19-го созыва. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-01/24/c_1127019059.htm (дата обращения: 19.09.2021).
24. Центральная дисциплинарная комиссия обнародовала самый крупный случай в истории борьбы с коррупцией во Внутренней Монголии. URL: http://www.legaldaily.com.cn/index/content/2021-02/27/content_8442952.htm (дата обращения: 19.09.2021).
25. Авлигатай тэмцэх үндэсний хөтөлбөр (Национальная антикоррупционная программа). URL: <https://www.iaac.mn/page/92?menu=217> (дата обращения: 26.09.2021).
26. Хахуулийн хэргээр баривчлагдсан Т. Эрдэнэтуяа гэгч нууц хатагтай хэн бэ. URL: <https://www.medeec.mn/p/112935> (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Long Chan Hai, Korobeev A. I., Chuchaev A. I. *Ugolovnyi kodeks KNR: sovershenstvovanie v protsesse realizatsii (k 20-letiyu so dnya prinyatiya)* [The Criminal Code of the People's Republic of China: the improvement in the process of implementation (the 20th anniversary of the adoption)]. *Lex Russica (Russkii zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2018, no. 3 (136), pp. 128–142. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.128-142> [in Russian].
2. Truntsevsky Yu. V., Sevalnev V. V. *Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v sfere protivodeistviya korruptsii* [Prospects for international anti-corruption cooperation of the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 2016, no. 6, pp. 30–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27345143> [in Russian].
3. Tsirin A. M. *Preduprezhdenie korruptsii: problemy i perspektivy* [Prevention of corruption: problems and perspectives]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 12, pp. 106–114. DOI: <http://doi.org/10.12737/22727> [in Russian].
4. Khabrieva T. Ya. *Aktual'nye problemy ukrepleniya pravoporyadka i protivodeistviya korruptsii v usloviyakh evraziiskoi integratsii* [Actual problems of strengthening the rule of law and combating corruption in the context of Eurasian integration]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2016, no. 4 (59), pp. 5–13 [in Russian].
5. Myakhanova A. N., Bulanov V. V. *Korruptsiya v gosudarstvennykh zakupkakh* [Corruption in public procurement]. In: *Kriminologicheskie chteniya: materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Velikoi pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Criminological readings: materials of the XV All-Russian Scientific and practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory in the Great patriotic War]. Ulan-Ude, 2020, pp. 104–108. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44016708>; <https://www.bsru.ru/content/page/23671/sbornik-kriminologicheskie-cheniya-2020g.pdf> [in Russian].
6. Kinev A. Yu., Tenishev A. P. *Ugolovnaya otvetstvennost' za karteli* [Criminal Liability for Cartels]. *Yurist* [Jurist], 2017, no. 1, pp. 7–13. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87026-ugolovnoj-otvetstvennosti-karteli>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28132565> [in Russian].
7. Danilovskaya A. V., Tenishev A. P. *Ob ugolovnoi otvetstvennosti za sgovory na torgakh* [Criminal responsibility for collusions at auctions]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 1 (98), pp. 119–131. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.98.1.119-131> [in Russian].
8. Konovalova Z. A., Myakhanova A. N., Dondokova M. Yu. *Finansovyi kontrol' pri osushchestvlenii zakupочноi deyatel'nosti po zakonodatel'stvu Kitaya i Rossii: sravnitel'nyi analiz* [Financial control over procurement activities under Chinese and Russian laws: comparative analysis]. *Probely v Rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2020, vol. 13, no. 6, pp. 82–87. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44355433> [in Russian].
9. *Vliyaniye Konventsii Soveta Evropy ob ugolovnoi otvetstvennosti za korruptsiyu na rossiiskii ugolovnyi zakon* [Impact of the Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption on Russian Criminal Law]. In: *Rossiia i Sovet Evropy. Istoriya, sovremennost' i perspektivy vzaimodeistviya pravovykh sistem. Uchebnoe posobie pod red. E. S. Shurginoi* [Shurgina E. S. (Ed.) Russia and the Council of Europe. History, modernity and prospects for the interaction of legal systems: textbook]. Moscow: Prospekt, 2016, 165 p. Available at: <https://ru.1lib.education/book/18450579/64f25a>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25874310> [in Russian].

10. Truntsevsky Yu. V. *Soblyudenie organizatsiyami trebovaniy zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii: vo-prosy praktiki* [Compliance of Organizations with the Requirements of Anti-Corruption Legislation: Practice Issues]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 2 (266), pp. 169–182. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2019_2_16 [in Russian].
11. Feshina S. S., Orlova L. N., Tsvetkova O. A. *Korruptsiya v sfere gosudarstvennykh zakupok v chasti obespecheniya zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii* [Corruption in the sphere of public procurement in terms of providing health-care in the Russian Federation]. *Na strazhe ekonomiki* [The economy under guard], 2020, no. 4 (15), pp. 68–79. DOI: <http://doi.org/10.36511/2588-0071-2020-4-68-79> [in Russian].
12. Plesovskikh G. Yu., Evtushenko A. A. *Khishcheniya byudzhetykh sredstv Ministerstva oborony RF, sovershennyye pri peredache funktsii po organizatsii tyloвого obespecheniya voisk storonnim organizatsiyam na usloviyakh outsors-inga: sposoby soversheniya i osobennosti metodiki rassledovaniya* [Theft of budgetary funds of the Ministry of Defense of the Russian Federation, committed during the transfer of functions for organizing logistical support of troops to third-party organizations on outsourcing terms: methods of commission and peculiarities of the investigation method]. *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ekonomiki i prava*, 2015, no. 4–5, pp. 124–132. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24989010> [in Russian].
13. Konovalova Z. A. *Kontrol' v sfere zakupok: pravovye problemy* [Procurement control: legal issues]. *Gosudarstvennyi i munitsipal'nyi finansovyi kontrol'*, 2017, no. 2, pp. 31–32. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29304851> [in Russian].
14. Rarog A. I. *Bor'ba s korruptsiei i kachestvo ugolovnoho zakona* [Fight against corruption and quality of criminal law]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya ugolovnoho zakona: sbornik materialov Pervoi Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. Pod red. Yu. E. Pudovochkina* [Pudovochkin Yu. E. (Ed.) Actual problems of theory and practice of the application of criminal law: collection of materials of the First All-Russian research and practical conference]. Moscow: RAP, 2014, 118 p. Available at: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27156 [in Russian].
15. Novoselova L. V. *Kitaiskie dorogi: put' v budushchee* [Chinese roads: the way to the future]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2019, no. 1, pp. 58–74. Available at: http://www.re-j.ru/archive/2019/1/article_558; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36983597> [in Russian].
16. Prodanova N. A., Zatsarinnyaya E. I. *Osobennosti sistemy gosudarstvennykh zakupok v Kitae* [The peculiarities of state procurement in China]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of Economics, entrepreneurship and law], 2015, vol. 5, no. 3, pp. 151–158. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25401430> [in Russian].
17. Baranov A. A., Paulov P. A. *Zakony, reguliruyushchie sistemu gosudarstvennykh zakupok v Kitaiskoi Narodnoi Respublike* [Laws Regulating the Public Procurement System in the People's Republic of China]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, no. 3–2, pp. 186–188. DOI: <http://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10687> [in Russian].
18. Umanskaya V. P., Malevanova Yu. V. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii: monografiya* [Public administration and public service in modern Russia: monograph]. Moscow: Norma, 2020, 176 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=353054> [in Russian].
19. Zapisnaya T. V. *Osobennosti instituta konflikta interesov v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd* [Features of institute of conflict of interest in procurement of goods, works, services for state and municipal needs]. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences], 2021, vol. 14, no. 1, pp. 32–38. DOI: <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-32-38> [In Russian].
20. Konovalova Z. A., Myakhanova A. N., Dondokova M. Yu., Kovsh A. V., Gunzynov Zh. P. *Zakupochno-pravovaya deyatel'nost' Rossii, Kitaya, Mongolii, respubliki Korei: finansovo-kontrol'nyi aspekt* [Procurement and legal activities of Russia, China, Mongolia, Republic of Korea: financial and control aspect]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Economic Problems and Legal Practice], 2021, vol. 17, no. 1, pp. 175–183; p. 177. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848600> [in Russian].
21. *Pravovaya gazeta* [Law magazine]. Available at: http://www.xinhuanet.com/legal/2019-08/29/c_1124934197.html (accessed 1.11.2020) [in Chinese].
22. *Rezultaty «rasshifrovki stenogrammy» po bor'be s korruptsiei za 2019 god ochevidny: rastet kolichestvo osuzhdennykh chinovnikov provintsial'nogo urovnya* [The results of the anti-corruption transcript in 2019 are clear: the number of convicted provincial officials is growing]. Retrieved from the official website of the Xinhua News Agency. Available at: http://www.xinhuanet.com/legal/2020-01/03/c_1125417016.htm (accessed 19.09.2021) [in Chinese].
23. *Stenogramma Pyatogo plenarnogo zasedaniya Tsentral'noi komissii po proverke distsipliny Kommunisticheskoi partii Kitaya 19-go sozyva* [Transcript of the Fifth Plenary Session of the Central Commission for Discipline Inspection of the 19th Chinese Communist Party]. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-01/24/c_1127019059.htm (accessed 19.09.2021) [in Chinese].
24. *Tsentral'naya distsiplinarnaya komissiya obnarodovala samyi krupnyi sluchai v istorii bor'by s korruptsiei vo Vnutrennei Mongolii* [Central Disciplinary Commission unveils the largest case in the history of the fight against corruption in Inner Mongolia]. Available at: http://www.legaldaily.com.cn/index/content/2021-02/27/content_8442952.htm (accessed 19.09.2021) [in Chinese].
25. *Natsional'naya antikorrupsionnaya programma* [National anti-corruption program]. Available at: <https://www.iaac.mn/page/92?menu=217> (accessed 26.09.2021) [in Mongolian].
26. *Khakhuuliin khergeer barivchlagdsan T. Erdenetuyaa gegch nuuts khatagtai khen be* [Хажуулийн хэргээр баривчлагдсан Т. Эрдэнэтуяа гэгч нууц хатагтай хэн бэ]. Available at: <https://www.medee.mn/p/112935> (accessed 15.09.2021) [in Mongolian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-97-103

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.951:351.82

Дата поступления: 11.11.2021

рецензирования: 18.12.2021

принятия: 21.03.2022

**Комплексность и системность обеспечения транспортной безопасности:
административно-правовой аспект****С. Н. Зайкова**

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: snzaikova@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме совершенствования государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности. Автором отмечается, что ресурсоемкий и высоко затратный механизм обеспечения транспортной безопасности требует оптимальной организации и структурирования процессов управления в рассматриваемой области, направленных на результат – удовлетворение публичных интересов безопасности. Целью исследования стало определение уровня разработанности федерального и регионального законодательства в области обеспечения транспортной безопасности на предмет комплексности и системности государственного управления в рассматриваемой области. Методологическая основа представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных (логико-юридический, сравнительно-правовой) методов познания. Проводится анализ содержания, стадийности, особенностей принятия и реализации государственных управленческих решений в области транспортной безопасности. Автор приходит к выводам, что государственное управление в области обеспечения транспортной безопасности представляет собой разновидность социального управления, его главной целью является организация социальных процессов и упорядочение общественных отношений по защищенности транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства. Отсюда предлагается для повышения эффективности государственного управления обеспечить формирование комплексной системы транспортной безопасности, включающей правовую институциональную, организационную и информационную подсистемы. Объединение перечисленных подсистем в одно организационное единство позволит добиться стабильности и устойчивости регулирования рассматриваемых социальных процессов, согласованности действий всех субъектов государственного управления. Автором предложены изменения в действующую редакцию федерального закона о транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспорт; транспортный комплекс; транспортная безопасность; система транспортной безопасности; безопасность на транспорте; национальная безопасность; история отечественного законодательства; государственное управление; административно-правовой механизм; формы и методы управленческой деятельности.

Цитирование. Зайкова С. Н. Комплексность и системность обеспечения транспортной безопасности: административно-правовой аспект // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-97-103>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Зайкова С. Н., 2022

Светлана Николаевна Зайкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и муниципального права, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.11.2021

Revised: 18.12.2021

Accepted: 21.03.2022

**Complexity and consistency of ensuring transport security:
administrative legal aspect****S. N. Zaikova**

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

E-mail: snzaikova@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the current problem of improving public administration in the field of transport security. The author notes that a resource-intensive and highly costly mechanism for ensuring transport security requires optimal organization and structuring of management processes in the considered area and is aimed at the result which satisfy public security interests. The purpose of the study was to determine the degree of development of federal and regional legislation in the field of transport security in terms of complexity and consistency of public administration in the considered area. The methodological basis is represented by a combination of general scientific and particular scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition. There is an analysis of the content, stages, adoption and

implementation features of state management decisions in the field of transport security. The author comes to the conclusion that state management in the field of transport security is a kind of social management with its main goal to organize social processes and streamline public relations to protect the transport complex from acts of unlawful interference. Hence, it is suggested that an integrated system of transport security is formed, including legal institutional, organizational and information subsystems to improve the efficiency of public administration. Combining the listed subsystems into one organizational unity will make it possible to achieve stability and sustainability in the regulation of the considered social processes and the coordination between all subjects of state administration. The author suggests changes to the current version of the federal law on transport security.

Key words: transport; transport complex; transport security; transport security system; security on transport; national security; Russian legislation history; state management; administrative-legal mechanism; forms and methods of managing process.

Citation. Zaikova S. N. *Kompleksnost' i sistemnost' obespecheniya transportnoi bezopasnosti: administrativno-pravovoi aspekt* [Complexity and consistency of ensuring transport security: administrative-legal aspect]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-97-103> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Zaikova S.N., 2022

Svetlana N. Zaikova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law University, 1, Volskaya street, Saratov, 410056, Russian Federation.

Обеспечение транспортной безопасности представляет собой непрерывный процесс реализации организационных, информационных, правовых и других мер, направленных на защищенность транспортного комплекса, в котором задействовано значительное количество органов публичной власти, субъектов транспортной инфраструктуры, перевозчиков, юридических и физических лиц.

Ежегодно выделяются бюджетные и собственные средства субъектов транспортной безопасности на проведение обязательных мероприятий; на обслуживание средств наблюдения, сигнализации, аудио- и видеозаписи, оповещения, контроля доступа и досмотра; на информационное обеспечение; на проведение ведомственных и иных видов контроля (надзора) в рассматриваемой области; на подготовку должностных лиц и специалистов.

Ресурсоемкий и высокозатратный механизм обеспечения транспортной безопасности требует оптимальной организации и структурирования процессов управления в рассматриваемой области, направленных на результат – удовлетворение публичных интересов безопасности. От эффективного взаимодействия субъектов – участников процесса управления, четкого определения целей и задач, распределения полномочий, обоснованного выбора форм и методов воздействия зависит защищенность и дальнейшее развитие транспортного комплекса и в конечном итоге укрепление российской экономики.

Государственное управление в области обеспечения транспортной безопасности осуществляется в соответствии со специализированным федеральным законом о транспортной безопасности и другими нормативными правовыми актами в сфере национальной безопасности. При этом закрепляя лишь отдельные цели и задачи управления по обеспечению защищенности транспортного комплекса и населения на транспорте, указанная правовая база не определяет понятие рассматриваемой дефиниции, не отражает в полной мере комплексности и системности государственного воздействия на общественные отношения.

Сущность и содержание государственного управления в целом и государственного управления в области обеспечения транспортной безопасности в частности стали предметом многочисленных научных исследований теоретиков права, конституционалистов и административистов.

Теоретические проблемы государственного управления и особенности его правового регулирования анализировались в трудах советских ученых [1–4], а также в современных научных работах [5–9]. Анализ указанных работ позволяет прийти к выводу, что научные подходы к определению понятия «государственное управление» зависят от ветвей государственной власти, реализуемых функций и видов управленческой деятельности.

Выделяют государственное управление в широком и узком понимании. С учетом поправок, внесенных в Конституцию РФ¹, в первом случае рассматривается деятельность всех органов государственной власти (федерального и регионального уровней), иных государственных органов и органов местного самоуправления, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации². Можно признать обоснованным предложенное учеными отождествление понятия «государственное управление» в широком смысле с понятием «публичное управление» [10, с. 33].

В узком понимании государственное управление представляет собой деятельность органов государственной власти, государственных органов и органов местного самоуправления, связанную с практической реализацией последними исполнительной власти или исполнительных полномочий. Например, именно в таком смысле законодатель

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Пункт 3 ст. 132 Конституции РФ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Пункт 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

раскрывает понятие «государственное управление в области торгового мореплавания»³, основываясь на деятельности федерального органа исполнительной власти в области транспорта, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере морского транспорта, федерального органа исполнительной власти в области рыболовства и других федеральных органов исполнительной власти.

В рамках настоящей научной статьи государственное управление рассматривается (в узком смысле) как деятельность, связанная с практической реализацией исполнительной власти – одной из ветвей публичной власти, «фундаментальной подсистемы глобальной системы государственного управления» [11, с. 29].

Государственное управление в сфере обеспечения транспортной безопасности представляет собой разновидность социального управления, его главной целью является организация социальных процессов и упорядочение общественных отношений по защищенности транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства.

Эффективность организации социальных процессов зависит от своевременности и системности государственных управленческих решений, принимаемых в области транспортной безопасности.

Если рассматривать подходы относительно самого понятия «управленческое решение» на основе обобщения научных исследований [12–15], можно прийти к выводу о том, что управленческое решение представляет собой определение субъектом управления способов (средств, методов) достижения поставленной цели, желаемого результата. Государственное управленческое решение – это решение, принятое в установленном порядке уполномоченным органом или должностным лицом, направленное на достижение целей государственного управления, содержащее формы и методы регулирования общественных отношений.

Государственному управленческому решению характерна определенная стадийность: поиска, принятия и его практической реализации. Функциональное содержание решения, принимаемого в рамках государственного управления, включает результаты последовательного, а в отдельных случаях параллельного, выполнения набора определенных действий.

Первично определение проблемы, ее оценка на предмет наличия или отсутствия необходимости управленческого воздействия со стороны государства. Следует заметить, что множество социально значимых проблем решаются путем общественного регулирования с использованием норм морали, обычаев делового оборота и не требуют государственного управленческого воздействия. Лишь в особых случаях, когда требуется организация совместной целенаправленной деятельности людей,

следует задействовать механизм государственного управления.

Следующий этап подготовки государственного управленческого решения – анализ институциональных составляющих проблемной ситуации: какие общественные отношения следует упорядочить, защитить, развить или, наоборот, прекратить; кто является участниками отношений, их правовое положение; современное состояние правового регулирования; отношение общественных институтов к рассматриваемой проблеме, оценка их возможного влияния. Проведение такого анализа позволит определить цель государственного управления; установить индикаторы достижения цели, что позволит проводить мониторинг достижения цели, своевременно корректировать соответствующую деятельность; спрогнозировать последствия принимаемого решения и в итоге позволит принять управленческое решение.

Структура такого решения отражает ее функциональное содержание: правовые основания для принятия, объем регулирования (пределы возможного управленческого воздействия), необходимые ресурсы (финансовые, информационные, временные, организационные и др.), основные участники с обязательным установлением их правового статуса, целевые ориентиры и этапы (последовательные периоды) реализации управленческого воздействия, ответственность за неисполнение управленческого решения.

Управленческое воздействие не оканчивается принятием решения. Важным этапом является контроль его исполнения. Результаты мониторинга и проверок реализации принятого решения могут потребовать изменения ранее определенных задач, состава исполнителей, сроков реализации, а в ряде случаев – уточнения или изменения цели государственного управления.

Переходя к рассмотрению государственных управленческих решений в сфере транспортной безопасности, следует отметить их особую значимость ввиду высокой востребованности транспортной инфраструктуры как обществом в целом, так и каждым человеком в отдельности. Состояние защищенности от всех видов угроз является одной из жизненных потребностей человека. Ежедневно пользуясь транспортными услугами, независимо от правового статуса их поставщиков, пассажиры и грузоотправители и грузополучатели должны быть уверены, что государством приняты все возможные меры по их защищенности от возможных угроз в транспортном комплексе, создана система органов исполнительной власти, осуществляющая контроль и надзор за безопасностью на транспорте.

Как правило, решения, связанные с обеспечением безопасности, облакаются в нормы права и обеспечиваются мерами государственного принуждения, как превентивными, так и мерами ответственности. Не является исключением и область транспортной безопасности.

Если применить рассмотренный выше алгоритм принятия управленческих решений к сфере

³ См.: п. 1 ст. 5 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

транспортной безопасности, то первоначально необходимо определить существующую проблему, оценить ее на предмет наличия или отсутствия необходимости управленческого воздействия со стороны государства.

Целью государственного управленческого решения в области транспортной безопасности является обеспечение защищенности участников транспортных отношений, жизни и здоровья людей, сохранность грузов, а также сохранение привычного режима работы и планового функционирования транспортных средств, объектов транспортной инфраструктуры.

Проведенный ранее анализ становления и развития законодательства в области транспортной безопасности [16, с. 110] показал, что государственные управленческие решения в рассматриваемой сфере имеют присущие им особенности и сложности. Касаются они особых видов угроз – актов незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса; незавершенности работ по созданию Единой государственной системы обеспечения транспортной безопасности (ЕГИС ОТБ); невыполнения или излишне длительного выполнения государственных управленческих решений в рассматриваемой области; множественности субъектов управления.

Государственное управленческое решение в области транспортной безопасности представляет собой решение, принятое в установленном порядке уполномоченным органом или должностным лицом, направленное на достижение целей государственного управления, содержащее формы и методы регулирования общественных отношений по обеспечению и соблюдению транспортной безопасности.

Государственное управленческое решение в области транспортной безопасности должно отражать волю и интересы общества, быть целенаправленным, отражающим общественные ценности, информативным. Именно такие качества позволят обеспечить его исполнение большинством адресатов – управляемых субъектов без применения мер государственного принуждения.

Рассмотренные особенности позволяют предложить определения понятий «публичное управление в области обеспечения транспортной безопасности» и «государственное управление в области обеспечения транспортной безопасности».

Публичное управление в области обеспечения транспортной безопасности представляет собой практическую деятельность органов публичной власти по упорядочению общественных отношений и созданию условий для защищенности транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства, в том числе террористических актов.

Государственное управление в области обеспечения транспортной безопасности – это практическая деятельность государственных органов исполнительной власти по принятию, исполнению, использованию, соблюдению и применению правовых норм, направленных на обеспечение транспортной безопасности.

Говоря о комплексности обеспечения транспортной безопасности, стоит отметить, что специализированный федеральный закон⁴ не указывает ее ни в перечне принципов, ни в задачах управления.

Анализ законодательства показал, что комплексность нашла частичное отражение в программе обеспечения безопасности населения на транспорте⁵.

В 2010 году Правительство РФ включило в качестве составных элементов комплексной системы обеспечения транспортной безопасности отдельные комплексы мероприятий и различные системы. Например, интегрированную с международными нормами права систему федерального законодательства; систему профессиональной подготовки и аттестации специалистов в области обеспечения транспортной безопасности; систему взаимосвязанных автоматизированных информационных и аналитических программ.

В настоящее время созданный механизм административно-правового регулирования в области защищенности транспортного комплекса требует совершенствования.

Организацию социальных процессов в области обеспечения транспортной безопасности возможно обеспечить путем формирования и упорядочения следующих систем:

системы нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, регламентирующих правоотношения в рассматриваемой сфере деятельности (правовая система транспортной безопасности);

системы государственных органов исполнительной власти, системы сил обеспечения транспортной безопасности, аттестующих организаций и иных специализированных организаций, органов аттестации и их компетенции (институциональная система транспортной безопасности);

системы комплексных мероприятий, административно-правовых средств, технических и технологических требований (организационная система транспортной безопасности);

автоматизированной информационной системы обмена информацией, содержащей необходимые сведения для обеспечения безопасности, и автоматизированной информационной системы, непрерывно фиксирующей транспортные процессы (информационная система транспортной безопасности).

Объединение всех перечисленных систем в одно организационное единство – комплексную систему транспортной безопасности, включающую в себя вышеуказанные виды подсистем, позволяет добиться стабильности и устойчивости регулирования рассматриваемых социальных

⁴ Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р «Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 32. Ст. 4359.

процессов, согласованности действий всех субъектов государственного управления.

Учитывая изложенное, предлагается внести изменения в Федеральный закон «О транспортной безопасности», изложив пункт 2 статьи 2 в следующей редакции:

«2. Основными задачами обеспечения транспортной безопасности являются:

формирование правовой основы обеспечения транспортной безопасности;

формирование системы субъектов деятельности по обеспечению транспортной безопасности;

организационное обеспечение транспортной безопасности;

информационное обеспечение транспортной безопасности.».

Также потребуется дополнить закон правовой нормой, обеспечивающей формирование организационной системы транспортной безопасности. Предлагается следующая редакция:

«Статья 2.3. Организационное обеспечение транспортной безопасности

Организационное обеспечение транспортной безопасности включает:

прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз совершения актов незаконного вмешательства;

оценку уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств;

категорирование объектов транспортной инфраструктуры;

разработку и реализацию требований по обеспечению транспортной безопасности;

разработку и реализацию мер по обеспечению транспортной безопасности;

подготовку и аттестацию сил обеспечения транспортной безопасности;

сертификацию технических средств обеспечения транспортной безопасности;

организацию научной деятельности в области исследования вопросов транспортной безопасности; материально-техническое обеспечение транспортной безопасности;

организацию международного сотрудничества в целях обеспечения транспортной безопасности;

осуществление других организационных мероприятий в области обеспечения транспортной безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.».

Для формирования информационной системы транспортной безопасности предлагается дополнить закон правовой нормой следующего содержания:

«Статья 2.4. Информационное обеспечение транспортной безопасности

Информационное обеспечение транспортной безопасности осуществляется с использованием единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности, созданной федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации.

Единая государственная информационная система обеспечения транспортной безопасности является собственностью Российской Федерации.».

В случае принятия указанных предложений потребуется откорректировать наименование статьи 11 закона. Предлагается изложить его в следующей редакции: «Порядок формирования и ведения Единой государственной информационной системы обеспечения транспортной безопасности».

Подводя итоги проведенному исследованию, видится необходимым отметить, что несмотря на достаточно высокий уровень разработанности федерального законодательства по обеспечению транспортной безопасности, требуется его совершенствование на предмет комплексности и системности государственного управления в рассматриваемой области.

Библиографический список

1. Атаманчук Г. В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования. Москва: Юридическая литература, 1975. 239 с.
2. Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. Правовые проблемы / отв. ред.: Лазарев Б. М. Москва: Наука, 1984. 237 с.
3. Козлов Ю. М. Соотношение государственного и общественного управления в СССР. Москва: Юридическая литература, 1966. 215 с.
4. Лунев А. Е. Теоретические проблемы государственного управления. Москва: Наука, 1974. 247 с.
5. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / под ред. Л. Л. Попова. Москва: Норма, Инфра-М, 2011. 320 с. URL: <https://textarchive.ru/c-2074610-pall.html>.
6. Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж: Изд. Воронежского государственного университета, 1999. 704 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21024137>.
7. Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России: монография. Москва: Норма, 2020. 176 с.
8. Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. Москва: Юриспруденция, 2015. 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25824192>.

9. Малышев Е. А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции: теория и практика: монография. Москва: Юстицинформ, 2017. 240 с.
10. Стариков Ю. Н. Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Льва Леонидовича Попова // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 25–37. DOI: <http://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-25-37>.
11. Россинский Б. В. Исполнительная власть и государственное управление // Lex Russica. 2018. № 7 (140). С. 24–38. URL: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.140.7.024-038>.
12. Славко Т. И. Проблемы систематизации цифровой информации для принятия эффективных управленческих решений // Жилищное право. 2020. № 7. С. 77–85. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47686578>.
13. Сарьян В. К., Левашов В. К. Основные тенденции развития информационно-коммуникационных систем принятия государственных управленческих решений // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 33–42. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.033-042>.
14. Селиванов А. И., Старовойтов В. Г., Трошин Д. В. Методологический комплекс поддержки принятия управленческих решений в сфере обеспечения экономической безопасности // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. С. 3–10. URL: <http://www.fa.ru/org/science/epipeb/Documents/Селиванов-Приложение%20на%20сайт%208.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35420153>.
15. Максимов А. А. Специфика, сущность и алгоритм выработки управленческого решения в системе органов безопасности России // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 40–43. DOI: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-3-40-43>
16. Зайкова С. Н. Особенности административно-правового регулирования транспортной безопасности в странах-участниках СНГ // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Том 7, № 2. С. 106–112. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-106-112>.

References

1. Atamanchuk G. V. *Gosudarstvennoe upravlenie: problemy metodologii pravovogo issledovaniya* [Public administration: problems of legal research methodology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975, 239 p. [in Russian].
2. Bachilo I. L. *Organizatsiya sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya. Pravovye problemy. Otv. red.: Lazarev B. M.* [Organization of the Soviet state administration. Legal issues. Lazarev B. M. (Ed.)]. Moscow: Nauka, 1984, 237 p. [in Russian].
3. Kozlov Yu. M. *Sootnoshenie gosudarstvennogo i obshchestvennogo upravleniya v SSSR* [Correlation between state and public administration in the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1966, 215 p. [in Russian].
4. Lunev A. E. *Teoreticheskie problemy gosudarstvennogo upravleniya* [Theoretical problems of public administration]. Moscow: Nauka, 1974, 247 p. [in Russian].
5. Popov L. L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S. V. *Gosudarstvennoe upravlenie i ispolnitel'naya vlast': sodержanie i sootnoshenie. Pod red. L. L. Popova* [Public administration and executive power: contents and correlation. Popov L. L. (Ed.)]. Moscow: Norma, Infra-M, 2011, 320 p. Available at: <https://textarchive.ru/c-2074610-pall.html> [in Russian].
6. *Rossiiskoe gosudarstvo i pravovaya sistema: Sovremennoe razvitie, problemy, perspektivy. Pod red. Yu. N. Starilova* [Starilov Yu. N. (Ed.) Russian state and legal system: Modern development, problems, prospects]. Voronezh: Izd. Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999, 704 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21024137> [in Russian].
7. Umanskaya V. P., Malevanova Yu. V. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii: monografiya* [Public administration and public service in modern Russia: monograph]. Moscow: Norma, 2020, 176 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=353054> [in Russian].
8. Talapina E. V. *Gosudarstvennoe upravlenie v informatsionnom obshchestve (pravovoi aspekt): monografiya* [Public administration in the information society (legal aspect)]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2015, 192 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25824192> [in Russian].
9. Malyshev E.A. *Gosudarstvennoe upravlenie v sfere vneshnei trudovoi migratsii: teoriya i praktika: monografiya* [State administration in the field of external labor migration: theory and practice: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2017, 240 p. [in Russian].
10. Starilov Yu. N. *Deistvitel'no li nastupila epokha renessansa gosudarstvennogo upravleniya v Rossii? K yubileyu professora L'va Leonidovicha Popova* [Has the public administration renaissance epoch really begun in Russia? On the anniversary of Professor L.L. Popov]. *Administrative Law and Process*, 2020, no. 7, pp. 25–37. DOI: <http://doi.org/10.18572/2071-1166-2020-7-25-37> [in Russian].
11. Rossinsky B. V. *Ispolnitel'naya vlast' i gosudarstvennoe upravlenie* [Executive power and public administration]. *Lex Russica*, 2018, no. 7 (140), pp. 24–38. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.140.7.024-038> [in Russian].

12. Slavko T. I. *Problemy sistematizatsii tsifrovoy informatsii dlya prinyatiya effektivnykh upravlencheskikh reshenii* [Problems of systematization of digital information for making effective management decisions]. *Zhilishchnoe pravo*, 2020, no. 7, pp. 77–85. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47686578> [in Russian].
13. Sarian W. K., Levashov V. K. *Osnovnye tendentsii razvitiya informatsionno-kommunikatsionnykh sistem prinyatiya gosudarstvennykh upravlencheskikh reshenii* [Main Trends in the Development of Information and Communication Systems of Public Administration Decision Making]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 6, pp. 33–42. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.033-042> [in Russian].
14. Selivanov A. I., Starovoitov V. G., Troshin D. V. *Metodologicheskii kompleks podderzhki prinyatiya upravlencheskikh reshenii v sfere obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti* [Methodological complex of support for management decision-making in the field of economic security]. *Bezopasnost' biznesa*, 2018, no. 5, pp. 3–10. Available at: <http://www.fa.ru/org/science/epipeb/Documents/Селиванов-Приложение%20на%20сайт%208.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35420153> [in Russian].
15. Maksimov A. A. *Spetsifika, sushchnost' i algoritm vyrabotki upravlencheskogo resheniya v sisteme organov bezopasnosti Rossii* [Specifics, essence and algorithm of managerial decision making in the system of Russian security bodies]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2018, no. 3, pp. 40–43. Available at: <http://doi.org/10.18572/1813-1247-2018-3-40-43> [in Russian].
16. Zaikova S. N. *Osobennosti administrativno-pravovogo regulirovaniya transportnoi bezopasnosti v stranakh-uchastnikakh SNG* [Administrative and legal transport security regulation features in the CIS member countries]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 106–112. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-106-112> [in Russian].

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.84

Дата поступления: 02.10.2021
рецензирования: 26.11.2021
принятия: 21.03.2022

Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования

И. Г. Ларин

Администрация губернатора Самарской области, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности применения в избирательном процессе института дистанционного голосования, в том числе вопросы признания недействительными выборов, при проведении которых применялись дистанционные технологии голосования. В этих целях автор статьи раскрывает практические особенности реализации процедуры дистанционного электронного голосования, описывает отдельные правоприменительные трудности, связанные с использованием программного обеспечения при проведении выборов с применением дистанционных способов голосования. На основе выявленных особенностей дистанционного голосования автор определяет потенциальные пробелы современного отечественного законодательства в части регулирования института недействительности выборов, а также отмечает неопределенность применения мер ответственности за правонарушения в данной сфере. В статье делается вывод о недостатках существующего правового регулирования избирательных отношений в контексте применения новых электронных технологий и рассматриваются потенциально возможные способы исправления обнаруженных проблем.

Ключевые слова: избирательные правоотношения; избирательное право; недействительность выборов; электронное голосование; дистанционное голосование.

Цитирование. Ларин И. Г. Проблема действительности выборов при проведении дистанционного электронного голосования // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ларин И. Г., 2022

Игорь Григорьевич Ларин – консультант правового департамента, Администрация губернатора Самарской области, 443006, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 210.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.10.2021
Revised: 26.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Problem of election validity in remote electronic voting

I. G. Larin

Administration of the Governor of the Smara Region, Samara, Russian Federation
E-mail: Garik.larin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the features of using the institute of remote voting in the electoral process, including the problem of invalidation of elections associated with the use of this institute. The article reveals the features of implementation of the remote electronic voting procedure in practice, identifies the problems associated with the use of software in elections using remote voting methods, and also indicates the presence of gaps in modern legislation in terms of regulating the invalidity of the described elections, uncertainty in liability for violations in this sphere of electoral law. The article concludes about the shortcomings of the existing legal regulation and identifies possible solutions to the identified problems.

Key words: suffrage; invalidation of elections; remote electronic voting; remote voting; electronic voting.

Citation. Larin I. G. *Problema deistvitel'nosti vyborov pri provedenii distantsionnogo elektronnoyego golosovaniya* [Problem of election validity in remote electronic voting]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal

of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-104-109> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Larin I. G., 2022

Igor G. Larin – consultant of the Legal Department, Administration of the Governor of the Samara Region, 210, Molodogvardeyskaya Street, Samara, Russian Federation.

Научно-технический прогресс с каждым годом все глубже проникает во все сферы правоотношений, в том числе и в сферу избирательных правоотношений. Помимо наиболее очевидных оплотов цифровизации, таких как электронные средства подсчета голосов избирательной системы или системы наблюдения, значимое место в избирательном процессе с недавних пор занимает институт дистанционного электронного голосования. Использование данного института в ходе проведения избирательных кампаний помогает существенным образом сократить время, затрачиваемое на проведение различных избирательных процедур, таких как, например, подсчет голосов и определение волеизъявления граждан в целом. Также следствием применения описываемого института может быть последующее увеличение прозрачности и открытости хода голосования, подсчета голосов избирателей. Вместе с тем необходимо отметить, что практика применения института дистанционного голосования на настоящий момент довольно непродолжительна, поскольку внедрение его использования началось сравнительно недавно. Учитывая это, применение данного института вызывает немало вопросов не только у общественности, но и у различных участников избирательных отношений.

Дистанционное электронное голосование обладает как существенными положительными чертами, так и определенными недостатками, значение которых еще только предстоит оценить и которые должны быть взяты в расчет при оценке возможности расширения практики применения дистанционного голосования. При этом с определенной настороженностью и здоровым скептицизмом к применению дистанционных избирательных технологий относятся многие ученые-правоведы (например, В. В. Полянский [1], Е. И. Колюшин [2]), хотя все признают, что дистанционные технологии – объективная реальность, требования современного дня, от которых нельзя отказываться.

Что же понимается под институтом дистанционного электронного голосования?

В соответствии с пунктом 62.1 статьи 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] дистанционное электронное голосование представляет собой голосование без применения бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с применением особого программного обеспечения, используемого в рамках процедуры электронного голосования.

Данная дефиниция в большой степени схожа с определением электронного голосования. Разница состоит в том, что при дистанционном электронном голосовании применяется особое программное обеспечение, а не технические средства.

В Российской Федерации описываемый институт впервые стал использоваться в избирательных кампаниях в 2019 году в рамках эксперимента на выборах в Московскую городскую думу [4].

Первичное применение дистанционного голосования выявило ряд интересных практических особенностей применения соответствующего института. Общая явка по всем округам на данных выборах достигла 21,77 %. Но на «экспериментальных» избирательных округах явка составила 92,3 % [5], что может говорить о том, что институт дистанционного электронного голосования может быть эффективно использован в качестве рычага по увеличению явки электората на выборы.

По итогам завершения вышеуказанной избирательной кампании было принято решение о закреплении на законодательном уровне института дистанционного электронного голосования, а сам институт был охарактеризован как голосование без применения «аналоговых» методов голосования на бумаге с использованием особого программного обеспечения.

Дальнейшее применение данного института связано с инициативой по внесению в Конституцию Российской Федерации изменений в 2020 году. Положение о возможности использования института дистанционного электронного голосования при наличии соответствующих условий содержалось в пункте 19 статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6].

Проведенное голосование, посвященное вопросу одобрения гражданами вносимых в Конституцию РФ изменений, со стороны официальных лиц было охарактеризовано как довольно успешное. В свою очередь Центризбирком отчитывался о явке избирателей на «цифровые избирательные участки» 91,5 % [7].

Явка участников общероссийского голосования на дистанционных электронных избирательных участках также оказалась весьма высокой. Однако, полагаю, что разрыв между явкой на «обычные» участки и явкой на «дистанционные» участки имеет объективную составляющую. В основе таких высоких показателей то, что раз гражданин решил совершить активные действия по подаче соответ-

ствующего заявления на участие в электронном дистанционном голосовании, то, скорее всего, он осуществит до конца и все оставшиеся действия для реализации своего активного избирательного права. На примере описанной выше избирательной кампании получается, что из всех граждан, подавших заявление на участие в «цифровом» голосовании, 91,5 % завершили процедуру голосования полностью, что представляется довольно логичным и объяснимым и не выходит за рамки общих представлений об активности избирателей.

В сентябре 2021 года в условиях продолжающихся ограничений, связанных с ограничениями из-за распространения новой коронавирусной инфекции, состоялись очередные выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации. В рамках продолжения внедрения в избирательные процессы современных технологий и снижения рисков заражения граждан новой коронавирусной инфекцией на избирательных участках ЦИК РФ было принято решение провести дистанционное электронное голосование на территории 6 субъектов Российской Федерации [8].

Вместе с тем выводы, полученные по итогам таких выборов, получают довольно неоднозначными. С одной стороны, явка на данных выборах составила 95,6 %, что оказалось выше, чем в предыдущие разы использования на выборах дистанционных избирательных технологий [9]. В этот раз результаты, полученные посредством дистанционного электронного голосования, оказали более чем значительное влияние на итоги голосования в соответствующих избирательных округах, поскольку, например, в Москве, по заявлению московских властей, явка в городе была оценена приблизительно в 50 %, то есть свое активное избирательное право реализовали 3,72 миллиона избирателей из общего числа зарегистрированных в 7,44 миллиона. Учитывая явку избирателей на дистанционном голосовании, получается, что около 1,8 миллиона москвичей проголосовали «цифровым» способом.

С другой стороны, в той же Москве после объявления результатов «аналогового» и «цифрового» голосований появилось значительное число лиц, недовольных значительным расхождением результатов выборов в отдельно взятых избирательных округах, где по итогам выборов на избирательных участках побеждал один кандидат, а «дистанционно» – другой. Вызвано это было также отсутствием результатов электронного голосования в течение значительного временного отрезка, когда бумажные бюллетени были уже обработаны, а результаты доступны, в то время как результаты дистанционного электронного голосования были обнародованы только лишь спустя около 20 часов после завершения процедуры голосования. Все эти факторы способствовали зарождению мнений о проведении различных манипуляций с результатами дистанционного электронного голосования с целью «выравнивания» результатов выборов.

Однако, указанные задержки довольно легко можно объяснить сложностями обработки информации, учитывая колоссальные объемы данных, подлежащих обработке.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что весьма интересным вопросом следует считать непосредственно само содержание описываемого института, а также на то, какое влияние на электорат с точки зрения психологии оно оказывает. Если упростить, то вопрос стоит следующим образом – верят ли граждане в тайну дистанционного электронного голосования и доверяют ли его результатам? С этой точки зрения не все выглядит столь однозначным, а следовательно, актуализируются вопросы о действительности результатов избирательного процесса с применением подобных технологий.

Рассуждая с подобной точки зрения, можно отметить, что пока избирательное законодательство не будет приведено в соответствие с нынешними реалиями, использование дистанционного электронного голосования, вполне вероятно, может привести к обратному эффекту – уменьшению доверия к выборам и развитию различных конспирологических теорий, негативным образом влияющих на уровень легитимности власти в целом.

Между «аналоговым» и «цифровым» голосованиями существует довольно ощутимая разница, причем не только технологическая. Следовательно, появляется нужда в актуализации отечественного избирательного законодательства, особенно в части более детального регулирования процедуры дистанционного электронного голосования.

В рамках проведения обычного голосования на избирательном участке гражданин сверяется с избирательным списком, удостоверяет члену избиркома свою личность, после чего получает бюллетень, делает свой выбор, опускает его в ящик для голосования или комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ). После этого все действия по подсчету голосов и определению результатов проводятся членами соответствующих избиркомов, все подсчеты проводятся людьми, за исключением случаев, когда применяются на участке КОИБы, где, впрочем, члены избиркома следят за процедурой.

Во время голосования дистанционным способом с учетом технологических и процедурных особенностей вместо самого избирателя лично голосует некий оцифрованный образ, становящийся на определенном этапе дистанционного голосования анонимным. Судья Конституционного Суда России Н. С. Бондарь [10] полагает, что такой «информационный портрет» должен содержать в себе важные с конституционно-правовой точки зрения сведения, позволяющие гражданам участвовать в различных правовых институтах, в том числе и в избирательных процедурах.

Из-за этого гипотетически может сложиться следующая ситуация, при которой голос конкретного избирателя может оказаться в руках злоумышленников, желающих реализовать актив-

ное право избирателя нужным для них образом. Также возможно появление ситуации, когда голос избирателя умышленно или случайно будет незаконным образом использован членами избиркома, например, чтобы повысить явку избирателей. Не застрахован гражданин и от отслеживания «цифрового» голоса, что может негативным образом сказаться на его социальном, карьерном или финансовом положении.

В целях недопущения возникновения таких проблем логично требовать от государства соответствующих гарантий, например появления возможности у граждан проверить, анонимен ли их голос, осуществлять мониторинг действий с их «цифровым» образом и мест, откуда такие действия совершаются. Введение подобных гарантий поможет минимизировать возможность разного рода манипуляций с «цифровыми» голосами граждан кем-либо, помимо их самих. Если же пока только теоретически возможные негативные ситуации с электронными голосами станут возникать на практике, то это станет существенным нарушением основополагающего избирательного принципа – тайны голосования.

С недоверием к описываемому институту относится и профессор Е. В. Гриценко [11]. По ее мнению, в настоящее время отсутствуют механизмы защиты принципов личного и тайного голосования при дистанционном электронном голосовании, нет уверенности в сохранении имеющегося уровня контроля общества за выборами, хотя и имеются технические средства, обеспечивающие цифровую безопасность. Также профессор считает, что открытость и прозрачность описываемого института на данном этапе его применения носит спорный характер. Например, возможность определить, отдал ли свой голос конкретный человек, а не кто-то вместо него под влиянием чьей-то воли, на данный момент отсутствует.

Иная проблема может заключаться в отсутствии у гражданина, голосующего дистанционно, права принять участие в выборах, но при этом свой «цифровой» голос никому из кандидатов не отдавать. Хотя данная правовая возможность формально и не предусмотрена, однако на практике ряд граждан ею пользуется, не имея возможности проголосовать «против всех» кандидатов. Происходит это из-за того, что избиратель после того, как получил доступ к электронному бюллетеню, может сделать выбор лишь из имеющихся вариантов. Он не сможет испортить бюллетень и не может бросить в избирательную урну пустой бюллетень. Теоретически, данная ситуация с определенными позициями ухудшает положение участника дистанционного электронного голосования по сравнению с участником обычного голосования, что в конечном итоге может рассматриваться как искажение принципа равноправия для участников избирательных отношений.

Важно учесть, что применяемое в ходе описываемой процедуры особое программное обеспечение обладает весьма широким функционалом,

позволяющим ему, кроме формирования «цифрового» образа избирателя и его голоса, еще и выступать в качестве демонстрационной платформы и изготовителя цифрового образа бюллетеня, фиксировать его, анонимизировать, осуществлять подсчет голосов на выборах, проводимых на электронной площадке, а также по запросу передавать соответствующую информацию. Указанные выше, а также иные функции и возможности особого программного обеспечения, используемого при применении института дистанционного электронного голосования, должны быть соответствующим образом конкретизированы в нормативных актах, где должно быть закреплено регулирование вопросов, связанных с упорядочением всех процедур и механизмов, а также позволило бы гражданам отслеживать свой «цифровой» голос.

Однако правовая оценка дистанционного электронного голосования не ограничивается процедурными особенностями данного института. Важно дать оценку и правовым последствиям применения дистанционного электронного голосования. В этом контексте весьма важным представляется вопрос относительно действительности или недействительности выборов, проходящих посредством дистанционного электронного голосования. Данный вопрос на настоящий момент не нашел своего отражения в законодательстве, поскольку нормы о недействительности ориентированы исключительно на «аналоговое» голосование.

При развитии вышеуказанной проблемы также встает вопрос о том, как будет подсчитываться количество нарушений, а также что вообще должно подпадать под определение нарушения в ходе голосования. Например, что будет, если случится сбой программного обеспечения и «цифровые» голоса граждан исчезнут или «перепутаются»? Станет ли это основанием для признания процедуры дистанционного электронного голосования недействительной?

В таких условиях необходимо предусмотреть отдельные основания для признания недействительными итогов голосования или результатов выборов, проходящих с применением дистанционного электронного голосования, которые бы позволили учесть степень критического влияния лиц, взаимодействующих с особым программным обеспечением и имеющих возможность оказывать влияние на подсчет электронных голосов избирателей.

При этом в настоящее время остается нерешенным вопрос о перечне лиц, которые понесут ответственность за правонарушения в сфере электронного голосования, поскольку, например, лицо, создавшее программу, используемую на дистанционном электронном голосовании среди субъектов, несущих ответственность за нарушения избирательных прав граждан, к числу которых относятся члены избиркомов, кандидатов, избирателей, отсутствует. Также стоит отметить, что данный вопрос касается не только непосредственно раз-

работчика программного обеспечения, но и оператора, который координирует ее деятельность «на местах».

Также не совсем ясно, кто и каким образом должен отвечать за технические неполадки в работе программного обеспечения, используемого в ходе дистанционного голосования, поскольку в случае наступления сбоя избиратели не смогут выразить свою активную политическую волю.

Открытым остается вопрос относительно полномочий членов избиркомов в части их влияния на дистанционное электронное голосование. В частности, у членов избиркома теперь отсутствует нужда в проверке избирательных списков, подсчете голосов, поскольку теперь этим занимается программное обеспечение.

Гипотетически может сложиться ситуация, при которой отдельный избиратель сможет сформировать несколько своих виртуальных «клонов» с целью, например, противоправно повлиять на итоги голосования. Тем более не ясно, что делать, если человек из любопытства решил проверить – вправе ли он проголосовать повторно и неумышленно получил такую возможность, в частности, в результате сбоя программы.

Также, как уже говорилось выше, актуальным на сегодняшний момент является вопрос о расширении списка лиц, которые могут осуществлять контроль за ходом дистанционного электронного голосования. В настоящее время такой контроль осуществляется исключительно организаторами и операторами программного обеспечения, то есть IT-специалистами и членами избирательных комиссий, поскольку лишь им открыт доступ к сведениям о гражданах и их голосах. При этом граждане полностью лишены возможности как-то контролировать процесс реализации ими своего активного

избирательного права в цифровом пространстве. Следствием этого также может стать невозможность нормальной работы института наблюдателей на выборах, так как для наблюдения за процедурой подсчета голосов особой специальной подготовкой обладать не требуется, а вот разобраться в тонкостях работы программного обеспечения непрофессионалу будет практически невозможно.

По мнению В. Д. Зорькина [12], именно в настоящее время происходит становление новой отрасли общественных отношений, тесно связанных с техническим прогрессом и цифровизацией, в которую должны будут входить впервые появляющиеся цифровые права, такие как анонимность в сетевом пространстве, конфиденциальность в цифровом мире, использование электронных средств связи и различных сетей.

С. А. Авакьян [13] также полагает, что новые «цифровые» права обретают важность и актуальность, поскольку технический прогресс неизбежно приводит к появлению новых областей массового объединения людей в виртуальном пространстве, которые в обозримом будущем смогут влиять на общественные и политические процессы, например на выборы в органы власти.

Принимая все изложенное выше во внимание, считаем, что перед законодателями сейчас стоит весьма трудная и важная задача по приведению отечественного законодательства в соответствие с нынешними реалиями в части актуализации правового регулирования, связанного с конкретизацией вопросов ответственности, устранением пробелов и коллизий в рамках регулирования дистанционного электронного голосования, а также с возможностью граждан реализовать имеющиеся у них конституционные и избирательные права.

Библиографический список

1. Электронное голосование. URL: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-rochemu-eksperiment-neobhodim> (дата обращения: 16.04.2021).
2. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30>.
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66>.
4. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления // Правоприменение. 2019. Т. 3, № 3. С. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62)
5. ТАСС. URL: <https://tass.ru/moskva/6890469> (дата обращения: 16.04.2021).
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1>.
7. Дистанционное электронное голосование. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (дата обращения 16.04.2021).
8. Постановление ЦИК России от 25.05.2021 № 7/49-8 «О дистанционном электронном голосовании на выборах 19 сентября 2021 года» // Вестник ЦИК России. 2021. № 5.
9. Интернет за «Единую Россию». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/internet-za-edinuiu-rossiu> (дата обращения 01.11.2021).

10. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2>.
11. Гриценко Е. В. Обеспечение основных гарантий избирательных прав в условиях информатизации избирательного процесса // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49>.
12. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета – Столичный выпуск. № 7578 (115). 2018. 29 мая. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/>.
13. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6. DOI: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358>.

References

1. Available at: <http://regcomment.ru/analytics/elektronnoe-golosovanie-na-vyborah-v-mosgordumu-pochemu-eksperiment-neobhodim> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
2. Kolyushin E. I. *Pravovye problemy distantsionnogo elektronnoego golosovaniya izbiratelei* [Legal issues of remote electronic voting]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 2, pp. 25–30. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-2-25-30> [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii»* [Federal law dated 12.06.2002 № 67-FZ «On the main guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 17.06.2002, no. 24, Article 2253. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002002024000&docid=66> [in Russian].
4. Bosova E. N., Reut D. A. *Distantsionnoe elektronnoe golosovanie: poisk zakonodatel'nogo oformleniya* [Remote electronic voting: search for legislative formalization]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 53–62. DOI: [http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3\(3\).53-62](http://doi.org/10.24147/2542-1514.2019.3(3).53-62) [in Russian].
5. TASS. Available at: <https://tass.ru/moskva/6890469> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
6. *Zakon Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovaniі regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti»* [The law of the Russian Federation on an amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 №. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»] *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 16.03.2020, no. 11, Article 1416. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020011000&docid=1> [in Russian].
7. *Distantsionnoe elektronnoe golosovanie*. Available at: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/participants/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/#hidden1> (accessed 16.04.2021) [in Russian].
8. *Postanovlenie TsIK Rossii ot 25.05.2021 № 7/49-8 «O distantsionnom elektronnom golosovanii na vyborah 19 sentyabrya 2021 goda»* [Resolution of the CEC of Russia dated 25.05.2021 № 7/49-8 «About remote electronic voting in the elections on September 19, 2021»]. *Vestnik TsIK Rossii*, 2021, no. 5. [in Russian].
9. Internet za «Edinuu Rossiiu». Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/21/internet-za-edinuu-rossiiu> [in Russian].
10. Bondar N. S. *Informatsionno-tsifrovoe prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 11, pp. 25–42. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.2> [in Russian].
11. Gritsenko E. V. *Obespechenie osnovnykh garantii izbiratel'nykh prav v usloviyakh informatizatsii izbiratel'nogo protsessа* [Securing the main guarantees of electoral rights in the conditions of informatization of the electoral procedure]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2020, no. 5, pp. 41–49. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-5-41-49> [in Russian].
12. Zorkin V. D. *Pravo v tsifrovom mire* [Digital law]. In: *Rossiiskaya gazeta - Stolichnyi vypusk*, 2018, May 29, no. 7578 (115). Available at: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/> [in Russian].
13. Avakyan S. A. *Modernizatsiya publichno-politicheskikh otnoshenii i konstitutsionnoe reformirovanie: problemy i perspektivy* [Modernization of public and political relationships and constitutional reformation: issues and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2019, no 9, pp. 3–6. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39420358> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 15.12.2021
рецензирования: 19.01.2022
принятия: 21.03.2022

Электронные документы в уголовном процессе

З. С. Лебедев

НО АБ «Антонов и партнеры», г. Самара, Российская Федерация; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lebedev.zakon@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию электронных документов в уголовном процессе и их применения в практической деятельности: рассмотрены процессуальные предпосылки внедрения указанных документов, а также имеющийся положительный эффект. Автором исследуются различные точки зрения ученых-теоретиков применительно к определению понятия «электронные документы», по итогам исследования предложено собственное определение данного понятия. В статье также описывается возможность функционирования органов власти в условиях внедрения электронных документов на примере МВД России, описан уже имеющийся опыт в практике российского органа исполнительной власти. Проведен сравнительный анализ использования электронных документов в зарубежной судебной практике на примере Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. На основе имеющегося опыта в практике Российской Федерации, установленных процессуальных норм, а также опыта зарубежного государства автором делается вывод о готовности к переходу на цифровой формат уголовных дел.

Ключевые слова: электронные документы; цифровизация; электронный документооборот; цифровые технологии; доказательства; уголовное дело; уголовный процесс.

Цитирование. Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 110–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-110-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Лебедев З. С., 2022

Захар Сергеевич Лебедев – адвокат НО АБ «Антонов и партнеры», 443080, Российская Федерация, г. Самара, пр. Карла Маркса, д. 192, оф. 619; аспирант, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.12.2021
Revised: 19.01.2022
Accepted: 21.03.2022

Electronic documents in criminal proceedings

Z. S. Lebedev

Antonov & Partners, Samara, Russian Federation; Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lebedev.zakon@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the study of electronic documents in criminal proceedings and their application in practical activities: the procedural prerequisites for the introduction of these documents, as well as the existing positive effect, are considered. The author studies various points of view of theoretical scientists in relation to the definition of the concept of “electronic documents,” according to the results of the study, he proposed his own definition of this concept. The article also describes the possibility of functioning of authorities in the context of the introduction of electronic documents on the example of the Ministry of Internal Affairs of Russia, describes already existing experience in the practice of the Russian executive body. A comparative analysis of the use of electronic documents in foreign judicial practice was carried out, using the example of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan. Based on existing experience in the practice of the Russian Federation, established procedural rules, as well as the experience of a foreign state, the author concludes that he is ready to switch to a digital format of criminal cases.

Key words: electronic documents; digitalization; electronic document management; digital technologies; evidence; criminal case; criminal process.

Citation. Lebedev Z. S. *Elektronnyye dokumenty v ugovolnom protsesse* [Electronic documents in criminal proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 110–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-110-115> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Lebedev Z. S., 2022

Zakhar S. Lebedev – lawyer, Antonov & Partners, office 619, 192, Karl Marx Avenue, Samara, 443080, Russian Federation; postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation.

Сегодня большое влияние на все сферы жизни человека оказывает колоссальное увеличение объемов информации. Данное обстоятельство не обошло стороной и законодателя [1, с. 16; 2, с. 85]. Так, он вынужден подстраиваться к новой реальности и участвовать в развитии и функционировании Интернета [3, с. 15]. С учетом того, что сегодня законы и подзаконные акты должны работать на опережение, России следует принять нормативные стандарты цифровизации информации, чтобы не отставать от общего мирового процесса [4, с. 7; 5, с. 25; 6].

В теории уголовного процесса уже неоднократно высказывались предложения о:

1) переводе материалов уголовных дел в электронный формат [7, с. 42];

2) фиксации результатов следственных и иных процессуальных действий при помощи электронных (цифровых) средств [8, с. 25; 9, с. 35].

На необходимость перехода к электронной форме уголовного дела указывают такие обстоятельства, как сложность и многоэпизодность некоторых уголовных дел; большое число участвующих в деле лиц; множество судебных экспертиз. Все это неизбежно приводит к появлению огромного количества письменных материалов и, соответственно, многотомных уголовных дел.

В следственной практике немало случаев, подтверждающих необходимость перехода на электронный формат уголовных дел. Наиболее ярким таким примером является уголовное дело, в котором было 39 обвиняемых (дело Судакова – Старостина, г. Самара, 2009 г.). Обвинительное заключение по данному делу заняло 84 тома. В целях передачи его копий обвиняемым было изготовлено более 3 400 томов копий. В целях вручения копий обвиняемым была организована перевозка грузовиками КамАЗ и «Газель». Стоит отметить, что подобные ситуации приводят к чрезмерному расходованию времени, финансовых и трудовых ресурсов, которые могли бы быть направлены на иные задачи, и такие случаи, к сожалению, не редкость. Все это указывает на то, что использование средств бумажного документооборота утрачивает свою актуальность и требуется замена на электронный документооборот. Такая замена представляется не только экономически выгодной, но и приведет к ускорению производства по делу, так как исчезнет необходимость в копировании материалов, обмен документами можно осуществлять путем электронных каналов связи и т. д. В указанном случае дешевле было бы закупить электронные книги и вручить их обвиняемым со всей загруженной в них информацией и необходимыми документами. К сожалению, сегодня УПК РФ не предусматривает возможности для реализации подобных процедур.

Отдельными государственными органами в данном направлении уже предприняты весьма значительные шаги. Так, на сегодняшний день на всей территории РФ активно используется Государственная автоматизированная систе-

ма Российской Федерации «Правосудие» (ГАС «Правосудие») – территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. При помощи ГАС «Правосудие» были достигнуты следующие результаты: повышение эффективности судебного делопроизводства; повышение оперативности сбора и оформления судебных материалов; обеспечение сетевого доступа к библиотечной электронной информации; повышение информированности общества о деятельности судов и иные результаты (<http://www.vkks.ru/publication/265>). Отдельное внимание стоит уделить активному использованию технических средств в ходе судебного разбирательства. Так, согласно ч. 1 ст. 259 УПК РФ помимо письменного протокола судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование), что обеспечивает дополнительные гарантии законности проведения судебного заседания.

В 2002 году Министерством внутренних дел Российской Федерации была создана информационная система «Специализированная территориально распределенная автоматизированная система органов предварительного следствия» (СТРАС ОПС).

Основной целью реализации СТРАС ОПС являлось создание централизованного федерального банка данных электронных копий материалов уголовных дел, который предполагалось использовать преимущественно в методических, организационных и криминалистических целях. Цифровизация досудебного производства являлась лишь второстепенной целью внедрения СТРАС ОПС. Но при ее создании практически были использованы такие технологические решения, которые могут быть использованы для внедрения электронного документооборота во всем уголовном процессе.

СТРАС ОПС была технически реализована в составе Единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел, ее стали использовать в защищенных каналах связи передачи данных.

Следователи во время расследования уголовного дела формировали в локальной базе данных копию уголовного дела. Материалы данного дела в электронной форме в целях осуществления ведомственного контроля были доступны руководителю следственного подразделения.

В конце предварительного расследования материалы уголовного дела копируются, после чего они формируются в электронный документ. Данный электронный документ загружается в Централизованную базу данных посредством Единой информационно-телекоммуникационной системы для дальнейшего хранения.

Благодаря комплексу программ СТРАС ОПС стало возможным проведение процессуального контроля в информационном формате. Так, по-

средством использования комплекса функциональных задач «Контроль за расследованием УД» вышестоящий орган (должностное лицо) может осуществлять контроль за ходом уголовного дела на протяжении всего предварительного расследования в электронной форме.

Кроме комплекса функциональных задач «Контроль за расследованием УД», существуют иные комплексы, а именно: «Возбуждение УД», «Расследование УД», Комплекс технологических задач. В своей совокупности данные комплексы облегчают проведение предварительного расследования, а также проведение контроля над ним, что положительно влияет на эффективность работ правоохранительных органов.

Изменение уголовно-процессуальной деятельности в русле информатизации потребовало от законодателя существенного обновления терминологии. Например, Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, касающиеся изъятия и хранения электронных носителей информации. Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» в УПК РФ введена ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», которая предусматривает подачу в суд отдельных процессуальных документов (ходатайство, заявление, жалоба, представление и прилагаемые к ним материалы) в форме электронного документа, заверенного электронной подписью. В форме электронного документа также разрешается изготовление судебных решений (за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ), после чего к такому электронному документу применяется усиленная квалифицированная электронная подпись. Данное судебное решение может быть отправлено участнику уголовного судопроизводства посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ч. 3 ст. 474.1 УПК РФ). Использование электронных документов еще не означает цифровизации уголовного дела, однако постепенный переход к использованию цифровых ресурсов должен благоприятно сказаться на цифровизации уголовного процесса в целом.

Возможность перехода к электронному документообороту в уголовном процессе уже сейчас позволяет увидеть перспективу появления электронного уголовного дела на досудебных стадиях. Судебная практика ярко показывает, что исключение какой-либо бюрократичной процедуры, любой формальности придает процессу динамичность. Это и должно стать перспективным направлением модернизации уголовного судопроизводства [9, с. 79].

В целях понимания отличия между электронными документами и документами на бумажных носителях, а также возможности замены документов на бумажных носителях электронными доку-

ментами необходимо рассмотреть понятие электронного документа.

Документ – это носитель знаковой информации, в котором при помощи букв, цифр, стенографических, телеграфных и других знаков, условных изображений, понятных для лиц, использующих или способных использовать данный документ, запечатлены определенные сведения [10, с. 334]. Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ следует, что сведения, зафиксированные в документах, могут иметь как письменную, так и иную форму. Документы, выполненные в электронном виде, подписанные электронной цифровой подписью, аудиозапись или иная форма сохранения устных сообщений в это определение, на наш взгляд, вполне укладываются.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

В. Ф. Янковая определяет электронные документы как информационные объекты, обеспечивающие информационно-коммуникационное взаимодействие без использования бумаги, – в электронной (цифровой) форме [11, с. 232]. По мнению К. А. Сергеевой, отличительным качеством электронного документа от других видов документов является форма его представления. Так, электронный документ представлен «в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде» [12, с. 1485].

Действующие национальные стандарты, ГОСТы тоже содержат в себе определения электронного документа, так, например, это:

– документ, информация которого представлена в электронной форме (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: ГОСТ Р 7.0.8–2013. Введен 2014–03–01);

– форма представления документа в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде (Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения: ГОСТ Р 52292–2004. Введен 2004–12–29);

– документ, полученный с помощью программно-технических средств (Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения: ГОСТ 2.051–2013. Введен 2014–06–01).

Из изложенного можно сделать вывод о том, что разные авторы по-своему определяют элек-

тронный документ. Поэтому с учетом имеющихся точек зрения предлагаем свое определение электронного документа – это новый вид документа, информация, содержащаяся в котором, не отражена на материальном носителе, а существует в цифровом виде. Такая информация может быть расположена на абсолютно разных носителях. Так, ее можно записать на флэш-карту, перфоленту, перфокарту, оптический, магнитный, магнитооптический накопитель и иной подобный носитель.

Нет сомнения в том, что именно закрепление в УПК РФ возможности использования электронных документов в уголовном судопроизводстве является первым шагом на пути к цифровизации всего российского уголовного процесса.

При исследовании вопроса использования электронных документов в условиях цифровизации уголовного процесса небезынтересным представляется также опыт зарубежных коллег.

Так, интересен вопрос рассмотрения системы уголовного судопроизводства Республики Казахстан, так как данная система во многом схожа с российской. Следовательно, опыт соседнего государства в цифровизации досудебного производства по уголовным делам представляет особенный интерес.

В соответствии со статьей 42–1 УПК РФ, введенной законом Республики Казахстан от 21.12.2017 г., уголовное судопроизводство может осуществляться как в бумажном, так и в электронном форматах. Лицу, ведущему расследование, предоставлено право выбрать формат делопроизводства по своему усмотрению. В случае, когда продолжать избранный электронный способ ведения уголовного дела по каким-либо причинам не представляется возможным, лицо, ведущее расследование, выносит постановление о переходе на бумажный формат делопроизводства по данному делу. Указанная норма, полагаем, является отличной возможностью внедрить электронный формат уголовных дел без резкого перехода с бумажного документооборота. Так создаются наиболее благоприятные условия для адаптации новеллы в уголовном процессе.

В п. 15 ст. 7 УПК РК установлены отличительные признаки электронного документа, а именно: информация, содержащаяся в документе, должна иметь электронно-цифровую форму; документ должен быть удостоверен электронной цифровой подписью.

Согласно УПК РК в форме электронного документа могут оформляться как процессуальные документы, так и различные ходатайства и заявления участников уголовного процесса. Ч. 1 ст. 283, ст. 117 УПК РК также предусматривают возможность оформления заключения специалиста и эксперта в форме электронного документа. Допускается фиксация опроса посредством научно-технических средств на электронном носителе. Также УПК РК предусматривает возможность предоставления участниками уголовного судопроизводства дока-

зательств в форме электронного документа (ч. 4 ст. 122 УПК РК).

Однако в УПК РК подробно не регламентировано использование электронных документов в уголовном судопроизводстве. Данная проблема была решена утверждением Генеральным прокурором Республики Казахстан «Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате» от 3 января 2018 года № 2, которая содержит в себе нормы о порядке электронного документооборота [13].

Нашему законодателю следует учитывать практику зарубежных коллег при цифровизации уголовного процесса в тех вопросах, где у Российской Федерации такого опыта нет. Использование опробованных технических решений и средств в рамках уголовного процесса Республики Казахстан позволит ускорить внедрение электронного документооборота в Российской Федерации, в частности, переход от бумажного носителя к электронному файлу, например, PDF формата, создание специальной программы. Используемые технологии, к счастью, характеризуются универсальным характером их использования, следовательно, они способны модернизировать любую систему уголовного судопроизводства, независимо от ее национальных особенностей. Таким образом, не лишним будет воспользоваться накопленным опытом не только Республики Казахстан, но и других государств.

Подытоживая изложенное, считаем необходимым отметить, что сегодня среди широкого слоя населения распространены те самые технологии, которые необходимы для цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Они доступны всем слоям населения и довольно успешно ими освоены. Данные технологии используются повсеместно в повседневной жизни. К таким технологиям можно отнести цифровые фотографии, использование сети Интернет, огромное количество способов сохранения и защиты информации, документов, аудио- и видеозаписей от изменений. Большую популярность набирают также базы данных для организации, хранения, передачи и обработки данных и т. д. Доступнее становятся и множество других технологий, например, создания электронных документов, получения изображений в различных форматах.

Внедрение возможности ведения электронного документооборота в рамках уголовного процесса требует некоторых изменений в уголовно-процессуальном законодательстве. Фундаментом процесса цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации должно стать признание со стороны законодателя доказательств информацией, а не документом, оформленным определенным образом. Обеспечение неизменности и аутентичности информации гораздо легче обеспечить современными технологиями, нежели собиранием большого количества подписей под документами.

Библиографический список

1. Шувалов И. И., Хабриева Т. Я., Фэн Цзинжу и др. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / отв. ред. Дэн Руйпин, Т. Я. Хабриева; сост. Жун Фу, Н. М. Бевеликова. Москва: ИЗиСП, 2017. 145 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35454483>.
2. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_1_7.
3. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 5–16. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_9_1.
4. Мацкевич И. М. Проблемы юридической науки: оценка качества и перспективы преодоления // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 6–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27162171>.
5. Трунцевский Ю. В. О проблемах правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса // Юридический мир. 2011. № 4. С. 25–31.
6. Oxford dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/digitization>.
7. Зув С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 587–595. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(3\).587-595](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595).
8. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. Актуальные проблемы восстановления утраченных уголовных дел // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 59–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34942056>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98164-aktualnye-problemy-vostranovleniya-utrachennykh-ugolovnykh>.
9. Александров А. С., Терехин В. В., Кухта А. А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса // Уголовное право. 2009. № 6. С. 77–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13002043>.
10. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2009. 344 с. URL: <https://docplayer.com/42260745-V-a-lazareva-dokazyvanie-v-ugolovnom-processe.html>; <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-431146>.
11. Янковая В. Ф. Электронный документ как объект документооборота // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 229–235. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21242403>; <https://l.jvolsu.com/index.php/ru/home-page-ru/768-elektronnyj-dokument-kak-ob-ekt-dokumentovedeniya>.
12. Сергеева К. А. О современных подходах к понятию электронного документа // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1481–1487. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22843264>.
13. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus> (дата обращения: 10.12.2020).

References

1. Shuvalov I. I., Khabrieva T. Y., Feng Jingru et al. *Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie: monografiya / otv. red. Den Ruipin, T.Ya. Khabrieva; sost. Zhun Fu, N.M. Bevelikova* [Cyberspace BRICS: legal dimension: monograph. Responsible editors Deng Ruiping, T.Y. Khabrieva; compilers Jun Fu, Bevelikova N. M.]. Moscow: IZiSP, 2017, 145 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35454483> [in Russian].
2. Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. *Pravo v usloviyakh tsifrovoi real'nosti* [The Law in the Conditions of Digital Reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1 (253), pp. 85–102. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_1_7 [in Russian].
3. Khabrieva T. Y. *Pravo pered vyzovami tsifrovoi real'nosti* [Law facing the challenges of digital reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 9 (261), pp. 5–16. DOI: http://doi.org/10.12737/art_2018_9_1 [in Russian].
4. Matskevich I. M. *Problemy yuridicheskoi nauki: otsenka kachestva i perspektivy preodoleniya* [Problems of legal science: quality valuation and prospects of overcoming]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, no. 3, pp. 6–13. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27162171> [in Russian].
5. Truncevskij Yu. V. *O problemakh pravovogo regulirovaniya vzaimootnoshenii gosudarstva i biznesa* [On problems of legal regulation of interrelations of state and business]. *Yuridicheskii mir*, 2011, no. 4, pp. 20–25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16389391> [in Russian].
6. Oxford dictionaries. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/digitization>.
7. Zuev S. V., Nikitin E. V. [Information technologies in solving criminal procedure problems]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2017, vol. 11, no. 3, pp. 587–595. DOI: [http://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11\(3\).587-595](http://doi.org/10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595) [in Russian].
8. Tsokolova O. I., Bezrukov S. S., Kupriyanov E. I. *Aktual'nye problemy vosstanovleniya utrachennykh ugolovnykh del* [Actual problems of restoration of lost criminal cases]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2018, no. 5, pp. 59–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34942056>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/98164-aktualnye-problemy-vostranovleniya-utrachennykh-ugolovnykh> [in Russian].

9. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V., Kuhta A. A. *O pravovom znachenii rezul'tatov gласnykh operativno-rozysknykh meropriyatii dlya ugovnogo dela i reformy dosudebnogo ugovnogo protsesssa* [About legal value of results of public operatively-search actions for criminal case and for reform of pre-judicial criminal trial]. *Ugovnoe pravo*, 2009, no. 6, pp. 77–81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13002043> [in Russian].
10. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 7-e izd., pererab. i dop.* [Proof in the criminal process: textbook for undergraduate and master's degree studies. 7th edition, revised and enlarged]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019, 263 p. Available at: <https://docplayer.com/42260745-V-a-lazareva-dokazyvanie-v-ugolovnom-processe.html>; <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-431146> [in Russian].
11. Yankovaya V. F. *Elektronnyi dokument kak ob'ekt dokumentovedeniya* [Electronic record as an object of records management]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2013, no. 3 (19), pp. 229–235. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21242403>; <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/home-page-ru/768-elektronnyj-dokument-kak-ob-ekt-dokumentovedeniya> [in Russian].
12. Sergeeva K. A. *O sovremennykh podkhodakh k ponyatiyu elektronnoy dokumenta* [About the contemporary approaches to the concept of an electronic document]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2014, no. 7 (44), pp. 1481–1487. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22843264> [in Russian].
13. *Informatsionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan* [Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus> (accessed 10.12.2020) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.851.3

Дата поступления: 19.12.2021
рецензирования: 23.01.2022
принятия: 21.03.2022

**Анализ Стамбульской конвенции в аспекте предупреждения
сексуального насилия**

А. Ю. Свидерская

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Хабаровск, Российская Федерация
E-mail: kalashnikova.alena97@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме эффективности борьбы с сексуальным насилием. Целью статьи является разработка предложений по профилактике сексуального насилия на основании главы 3 Конвенции Совета Европы «О предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием» от 11.05.2011. Автор в исследовании использует метод сравнительного правоведения, сопоставляя законодательство зарубежных стран и Российской Федерации в рассматриваемой сфере. Основное внимание в работе автор акцентирует на информационно-просветительской деятельности как одном из эффективных средств профилактики сексуального насилия. В статье обобщается практический опыт зарубежных стран по борьбе с сексуальным насилием. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить эффективность политики Российской Федерации в области противодействия сексуальному насилию. В заключение автор отмечает, что всеобъемлющая и эффективная система борьбы с сексуальным насилием в отношении женщин должна основываться на прочной государственной нормативно-правовой и политической базе совместно с работой неправительственных организаций, имеющих опыт борьбы с данным явлением.

Ключевые слова: сексуальное насилие; предупреждение; кампании; просветительская деятельность; средства массовой информации; национальная политика; кризисные центры; Совет Европы; Стамбульская конвенция.

Цитирование. Свидерская А. Ю. Анализ Стамбульской конвенции в аспекте предупреждения сексуального насилия // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-116-124>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Свидерская А. Ю., 2022

Алена Юрьевна Свидерская – адъюнкт 1 курса адъюнктуры, лейтенант полиции, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, Российская Федерация, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.12.2021
Revised: 23.01.2022
Accepted: 21.03.2022

Analysis of the Istanbul convention of the prevention of sexual violence

A. Yu. Sviderskaya

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russian Federation
E-mail: kalashnikova.alena97@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the current problem of the effectiveness of the fight against sexual violence. The purpose of the article is to develop proposals for the prevention of sexual violence on the basis of Chapter 3 of the Council of Europe Convention on the Prevention and Combating of Violence against Women and Domestic Violence as of 11.05.2011. The author uses the method of comparative law in the study, comparing the legislation of foreign countries and the Russian Federation in this area. The author focuses on information and educational activities as one of the most effective means of preventing sexual violence. The article summarizes the practical experience of foreign countries in combating sexual violence. As a research task, the author identified an attempt to assess the effectiveness of the policy of the Russian Federation in the field of countering sexual violence. In conclusion, the author notes that a comprehensive and effective system for combating sexual violence against women should be based on a solid State legal and policy framework, together with non-governmental organizations that have experience in combating this phenomenon.

Key words: sexual violence; prevention; campaigns; educational activities; mass media; national policy; crisis centers; Council of Europe; Istanbul Convention.

Citation. Sviderskaya A. Yu. *Analiz Stambul'skoi konventsii v aspekte preduprezhdeniya seksual'nogo nasiliya* [Analysis of the Istanbul Convention on the prevention of sexual violence]. *Juridicheskiy vestnik Samarского universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 116–124. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-116-124> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Sviderskaya A. Yu., 2022

Alena Yu. Sviderskaya – first year adjunct of the postgraduate studies in a military college, police lieutenant, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 15, Kazarmennyi Alleyway, Khabarovsk, Russian Federation.

Проблема насилия и необходимость профилактики различных его проявлений в последнее время вызывает значительный общественный резонанс. В то же время проблема насилия, средств и методов его профилактики не является новой. Об этом свидетельствуют ряд принятых нормативных правовых актов, предписывающих государствам предпринимать меры по борьбе с данным явлением¹.

Одной из ведущих организаций по защите прав женщин и борьбе с различными формами насилия в отношении них является Совет Европы. Каждый год Совет Европы проводит заседания по вопросам борьбы с сексуальным насилием и принимает все новые документы, способствующие искоренению данного явления.

Так, 17 мая 2005 г. был проведен Третий саммит Совета Европы, по результатам которого разработан и принят План действий, который содержал конкретные и решительные действия, направленные на борьбу с насилием в отношении женщин и домашним насилием [1]. После продолжительной работы этой кампании, в 2008 г. специальная рабочая группа в итоговом отчетном докладе представила результаты и рекомендовала Совету Европы разработать всеобъемлющий правозащитный документ о предупреждении всех форм насилия в отношении женщин и борьбе с ним [2, с. 81–82]. Таким документом стала принятая 7 апреля 2011 г. Комитетом министров Совета Европы Конвенция о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, или так называемая Стамбульская конвенция, вступившая в силу 1 августа 2014 г. [3]. Этот документ действительно стал глобальным международно-правовым

¹ См., например: Римский Статут Международного уголовного суда 1998 года; Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года; Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 года; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года; Венская декларация и программа действий 1993 года; Декларация об искоренении насилия в отношении женщин 1993 года; Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года; Устав Международного Трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии 1993 года; Устав Международного трибунала по Руанде 1994 года; Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 года; Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 года.

актом, предусматривающим достаточно полный перечень мер по борьбе с насилием в отношении женщин, а также с домашним насилием.

Из 47 государств-членов Совета Европы 34 государства ратифицировали Конвенцию и привели свое законодательство и политику в соответствие с ее требованиями, другие 12 государств и Европейский союз ее подписали.

Однако различие культурных и моральных устоев стран Старого Света, роль религиозных объединений в защите неприкосновенности семьи и семейных ценностей, расхождения в понятийном аппарате членов Совета Европы свидетельствуют как о положительной, так и об отрицательной динамике в вопросах имплементации норм Стамбульской конвенции в отечественное законодательство.

Ряд европейских государств, подписавших Стамбульскую конвенцию, заявили о ее противоречии их основным законам. По своему пути идет и Российская Федерация, которая до настоящего времени является одной из двух стран-членов Совета Европы, не подписавших Стамбульскую конвенцию ввиду отсутствия в обществе консенсуса по данному вопросу.

Основной причиной неприятия Стамбульской конвенции является использование понятия «гендер», которое рассматривается не в качестве биологического пола человека, а как его самоидентификация, социальная роль.

Стамбульская конвенция призывает рассматривать борьбу с насилием с учетом гендерного распределения ролей. В таком случае Конвенция призывает бороться с насилием в отношении людей с «социально сконструированными ролями», то есть защищать все сформировавшиеся в настоящее время варианты гендерной принадлежности, которых на сегодняшний день насчитывается около 58 [4].

Главная цель Конвенции – разработка мер, направленных на «искоренение предрассудков, обычаев, традиций», то есть ценностная трансформация общества, унификация национальных норм и установок.

В документе категорически запрещается оправдывать «гендерное» насилие понятиями «культура, обычаи, религия, традиции или честь», а также наличием родственных связей. Такая насильственная смена традиционных ценностных моделей является серьезной угрозой национальной идентичности и безопасности страны.

Соглашаясь с тем, что Стамбульская конвенция не может быть ратифицирована в Российской Федерации ввиду ее противоречий со сложившимися ценностями, мировоззрением и культурой народа России, мы между тем хотели бы проанализировать некоторые положения Конвенции, не

беря во внимание основное положение о гендерном равноправии граждан. На наш взгляд, рассмотрение Конвенции через призму российского мировоззрения позволило бы получить достаточно интересные сведения о способах, средствах и формах борьбы с сексуальным насилием в отношении женщин, которые могли бы быть эффективно применены и в Российской Федерации.

Например, Стамбульская конвенция содержит главу 3 «Предупреждение», которая включает статью 12 «Общие обязательства», устанавливающую общие положения о предупреждении насилия, а также статьи 13–16, которые детально раскрывают превентивные меры в области повышения осведомленности, образования, профессиональной подготовки и программ лечения преступников.

Предупреждение сексуального насилия является одним из главных элементов борьбы с данным явлением. Стамбульская конвенция включает целую главу, которая предусматривает меры по предотвращению ряда форм насилия в отношении женщин, включая физическое насилие, сексуальное и психологическое насилие, сексуальные домогательства, калечащие операции на женских половых органах, принудительные браки, принудительные аборты и принудительную стерилизацию [3].

Насилие в отношении женщин является результатом множества факторов риска и воздействий, а не одной причины. Существует несколько моделей, показывающих взаимосвязь между факторами риска и тем, как они приводят к совершению преступлений.

Так, глава 3 Стамбульской конвенции построена на «экологической модели» [5, с. 262], систематизирующей факторы риска на различных уровнях, на которых они возникают (социальный, институциональный, общественный и индивидуальный). Хагеманн-Уайт разработал эту интерактивную модель, основанную на широком ряде исследований различных причинных факторов совершения насилия, чтобы проиллюстрировать, как различные факторы риска пересекаются на разных уровнях, образуя разные пути, ведущие к насилию в отношении женщин [6, с. 9–10]. Модель выявляет факторы насилия, которые должны быть устранены на четырех уровнях – общество, институты, семья/сверстники и индивид, в зависимости от того, где проявляется воздействие.

На общественном уровне (макроуровне) государство нуждается в превентивных мерах для разрушения существующих социальных механизмов. Изменения в установках, способствующие устранению насилия в отношении женщин, могут и должны поощряться, например, путем передачи информации о том, что такое «маскулинность», или регулирования изображения насилия и сексуальности женщин в средствах массовой информации (далее – СМИ). Следует также совершенствовать и эффективно применять законы не только для привлечения виновных к ответственности, но и для обеспечения баланса властных отношений

между женщинами и мужчинами путем ликвидации дискриминации и расширения прав и возможностей женщин [6, с. 11].

Далее необходимы меры на институциональном уровне (мезоуровне) для изменения существующих норм и ценностей в отношении «прогибающегося» поведения женщин. Политика должна учитывать давние убеждения в «праве» мужчин на женщин, «кодексы чести», существующие в некоторых общинах, дискриминацию в сфере образования и занятости и неспособность учреждений применять санкции за все виды насилия в отношении женщин, что приводит к повсеместной безнаказанности.

На следующем микроуровне – уровне семьи и/или сверстников – факторы, приводящие к насилию, помещаются в контекст структуры семьи или группы сверстников, где общие социальные нормы переводятся в ожидаемую или социально одобряемую практику, то есть в исторические и культурные стереотипы, которые могут существовать либо внутри семьи, либо, например, в подростковых группах сверстников, поддерживающих антиобщественное поведение и/или физическую и сексуальную агрессию.

Последний – индивидуальный (онтогенетический) уровень относится к характеристикам индивида, которые способствуют склонности к насилию и предполагают, что такие факторы, как: плохое воспитание, насилие в семье, существование враждебной «мужской Я – концепции», злоупотребление наркотиками или алкоголем, способствуют насилию в отношении женщин. Профилактика насилия на этом уровне должна включать образовательные и терапевтические мероприятия для преступников, специализированную работу с детьми, подвергшимися насилию со стороны родителей, профилактические образовательные программы для родителей и мероприятия по сокращению потребления вредных веществ. На этом уровне также важна целенаправленная поддержка женщин, подвергавшихся насилию.

Во всех государствах-членах Совета Европы превентивные меры по борьбе с насилием в отношении женщин в основном принимают форму повышения осведомленности, просвещения, профессиональной подготовки и программ социального участия. Национальные кампании по борьбе с насилием широко распространены и, как правило, осуществляются совместно государственными органами и неправительственными организациями (далее – НПО). Такая совместная деятельность является достаточно эффективной, так как сочетает мощь государственной поддержки со специальными знаниями и опытом организаций в области борьбы с сексуальным насилием в отношении женщин.

Большинство государств осуществляют программы и мероприятия по просвещению детей, учителей, молодежи и сообществ, а также организуют учебные курсы во всех соответствующих учреждениях (судебных органах, полиции, юриди-

ческих конторах, учреждениях образования, социальных и медицинских службах). Они направлены на повышение уровня знаний специалистов обо всех формах насилия в отношении женщин, навыков надлежащего реагирования на эту проблему и/или последовательного обучения для содействия в передаче знаний в рамках сообщества или учреждения [7, с. 1].

Профилактические меры лучше всего работают, когда они принимаются не изолированно, а интегрированы в более широкие, целостные меры реагирования на насилие в отношении женщин. Руководство ООН по национальным планам действий в сфере борьбы с насилием в отношении женщин (2012) [8, с. 18] рекомендует включить превентивные меры в национальный план действий по борьбе с насилием в отношении женщин. Стамбульская конвенция призывает государства-участники разработать «комплексную политику», которая представляет собой «общегосударственную эффективную, всеобъемлющую и скоординированную политику, охватывающую все соответствующие меры по предотвращению всех форм насилия и борьбе с ними». Конвенция оставляет за сторонами право решать, будет ли эта политика изложена в одном или нескольких программных документах, таких как национальный план действий или стратегия [3].

На сегодняшний день существует определенная тенденция к выбору национального плана действий или национальной стратегии для разработки постепенно всеобъемлющей национальной политики по борьбе с насилием в отношении женщин. Из 46 государств-членов Совета Европы 21 имеет всеобъемлющую политику, изложенную в одном общем национальном плане действий или национальной стратегии. В ряде других государств-членов это делается в нескольких национальных планах действий или стратегиях, каждая из которых имеет свою направленность [6, с. 18].

Важно обеспечить, чтобы предупреждение насилия в отношении женщин и насилия в семье действительно было неотъемлемой частью национальной политики. Кроме того, политические меры по предотвращению насилия в отношении женщин и насилия в семье должны действовать на всех уровнях: общество, институты, семья/сверстники и индивиды.

Статья 13 Стамбульской конвенции предлагает в качестве одного из элементов предупреждения насилия – проведение просветительской деятельности.

В частности, ч. 1 ст. 13 устанавливает: «стороны содействуют или проводят, на регулярной основе и на всех уровнях, информационно-просветительские кампании или программы, в том числе в сотрудничестве с национальными правозащитными учреждениями и органами по вопросам обеспечения равенства, а также с организациями гражданского общества и неправительственными организациями, прежде всего женскими организациями, когда это целесообразно, для повыше-

ния уровня осознания и понимания среди широкой общественности различных проявлений всех форм насилия, подпадающих под сферу действия Конвенции, их последствий для детей и необходимости предупреждать такое насилие» [3].

Центральным и давно устоявшимся инструментом предотвращения насилия в отношении женщин в зарубежных странах являются кампании по повышению осведомленности общественности. Для достижения наибольшей эффективности кампании действуют на всех уровнях социального устройства.

На общественном уровне кампании могут эффективным способом донести до общества информацию о том, что любая форма насилия в отношении женщин является нарушением прав человека и не должно допускаться, например, использование опасной практики, такой как калечащие операции на женских половых органах или принудительные браки, которые часто оправдываются понятиями «культура» и «религия».

На институциональном уровне кампании могут быть использованы для привлечения как государственного, так и частного сектора к превентивной деятельности, например путем ориентации на ассоциации работодателей или профсоюзы.

На общественном уровне кампании должны рассматривать сексуальное насилие в отношении женщин как проблему здравоохранения и прав человека и демонстрировать пользу для общества в случае его искоренения. На этом уровне кампании должны предложить практические решения того, как члены общества могут совместно работать над предотвращением насилия в отношении женщин, например, стимулируя создание более безопасных семейных условий для матерей, сестер, жен и дочерей.

На индивидуальном уровне кампании могут использоваться для того, чтобы донести до женщин идеи безопасности, информировать жертв об их правах и существующих законах. Традиционно многие инициативы по предотвращению изнасилований и сексуальных посягательств были нацелены на то, чтобы дать советы женщинам, как оставаться в безопасности. Но такие кампании, которые, как правило, говорят женщинам, как они должны вести себя, могут подразумевать, что сексуальное насилие является неизбежной чертой общества, и возлагают ответственность на женщин, а не на преступника, что может фактически ожесточить, а не бросить вызов проблемным отношениям. Таким образом, кампании должны быть сосредоточены на поведении жестоких мужчин и культурных убеждениях, которые оправдывают сексуальное насилие как нормативный аспект мужской сексуальности, а не на «рискованном» поведении женщин.

Кампании также должны быть нацелены на изменение взглядов мужчин к приемлемому насилию, жестокому обращению и контролирующему поведению в отношениях. Для этого кампании используют подход социального маркетинга, ко-

торый предполагает продвижение и поощрение позитивных альтернатив негативному поведению. Этот подход был использован, например, для оспаривания стереотипов половой роли и традиционных взглядов на мужественность, которые оправдывают жестокое поведение в отношении женщин [9, с. 11].

Стоит отметить, что для эффективной профилактики кампании должны делать больше, чем просто повышать осведомленность. Они должны сосредоточиться на том, чтобы донести конкретные профилактические послания до конкретных групп общества, чтобы развеять мифы о сексуальном насилии, стимулировать обсуждение данной проблемы, изменить отношение общества к культуре обвинения жертв и другое.

Они могут быть нацелены на молодежь (насилие на свиданиях), молодых женщин (консультирование по вопросам безопасности от насилия), жертв (в отношении их прав и доступных услуг), преступников (для оказания помощи в изменении их поведения) или сообщество в целом (для повышения осведомленности и изменения отношения к той или иной форме насилия).

Однако, чтобы работать эффективно, кампании при разработке агитационных сообщений должны стремиться понять поведение предполагаемой аудитории и, следовательно, должны включать представителей предполагаемой аудитории в разработку, реализацию и оценку деятельности кампании.

Так, например, кампания правительства Соединенного Королевства под названием: This is Abuse [10, с. 5–6] началась в 2010 году с целью побуждения подростков пересмотреть свои взгляды на приемлемое насилие, жестокое обращение или контролирующее поведение в отношениях с помощью серии коротких фильмов, которые были доступны онлайн, в кинотеатрах и на национальном телевидении. Однако изучение реакции молодых людей на кампанию показало, что они считают ее сексистской. Такой результат является показателем того, что при подготовке к проведению мероприятий кампаниям в первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, как смысл сообщения может быть воспринят теми, кому оно адресовано, чтобы избежать возможного «эффекта бумеранга, в результате которого сообщение порождает эффект, противоположный предполагаемому» [11, с. 8].

В зарубежных странах достаточно часто проводятся кампании, направленные на предупреждение сексуального насилия. Например, в США, штате Вашингтон в 2018 году была распространена серия плакатов с целью повышения осведомленности о проблеме сексуального насилия и изнасилования на свиданиях. Плакаты были размещены в местных ночных клубах, барах и университетах по всему району [12].

Также нередко проводятся кампании, рассчитанные на несколько недель или месяцев. Например, Британский совет совместно с Европейским союзом разработали программу борьбы с сексуальным

насилием, которая включает конкретные мероприятия и даты их реализации. В частности, одним из таких мероприятий является короткая реклама на телевидении и радио, проходившая с 25 ноября 2019 г. по 10 декабря 2019 г. Или проведение трехдневной сетевой конференции, посвященной повышению эффективности борьбы с насилием, с 4 по 6 декабря 2019 г. [13]

Стоит также обратить внимание и на идею проведения ежегодных кампаний. Так, в США ежегодно проводится кампания по повышению осведомленности общественности о способах предотвращения сексуального насилия.

Каждый год в апреле государственные, территориальные, общественные организации, кризисные центры по борьбе с изнасилованиями, правительственные учреждения, предприятия, кампусы и отдельные лица проводят мероприятия, подчеркивающие важность проблемы сексуального насилия.

Одним из мероприятий кампании является так называемый День действия, который проводится в первый вторник апреля. День действия – это возможность начать месяц с очень заметных и скоординированных действий. В этот день можно любым способом выразить озабоченность проблемой сексуального насилия и оказать поддержку жертвам насилия, например, разместить пост в социальных сетях, надеть какую-либо одежду бирюзового цвета, который является цветом борьбы с сексуальным насилием, или выбрать свой собственный способ поучаствовать в этом мероприятии [14].

Одним из способов проведения эффективной просветительской деятельности является использование средств массовой информации.

В части 1 ст. 17 Стамбульской конвенции «Участие частного сектора и СМИ» указано: «Стороны поощряют частный сектор, сектор информационно-коммуникационных технологий и СМИ, при должном соблюдении свободы выражения мнения и их независимости, к тому, чтобы участвовать в разработке и осуществлении политики и принимать руководящие принципы и стандарты саморегулирования для предупреждения насилия в отношении женщин и повышения уровня уважения к их достоинству».

Признавая важную связь между предупреждением насилия в отношении женщин и средствами массовой информации, Стамбульская конвенция требует от государств-участников поощрять средства массовой информации, а также сектор информационных технологий и частный сектор играть более активную роль в предупреждении насилия в отношении женщин и укреплении уважения их достоинства.

Существует ряд способов, с помощью которых СМИ могут способствовать профилактике сексуального насилия в отношении женщин, например, путем:

– распространения знаний среди молодежи о том, как распознать негативные изображения жен-

щин и девочек в средствах массовой информации, тем самым делая их более грамотными и критично относящимися к медийному контенту;

– разработки положений, согласно которым для СМИ будут установлены руководящие принципы и стандарты в целях повышения уважения достоинства женщин [3];

– обеспечения профессионального присутствия женщин в средствах массовой информации, а также разработки программ повышения медиаграмотности женщин в области медиатехнологий и управления ими [15, с. 23];

– создания программ, формирующих безопасное цифровое пространство и возможность наглядно увидеть масштабы притеснения женщин. Например, программа Take Back the Tech [16] была инициирована в 2006 году Программой Ассоциации прогрессивных коммуникаций по защите прав женщин. Участники программы организуют такие мероприятия, как: семинары по безопасности в Интернете, мониторинг средств массовой информации по сообщениям об изнасилованиях, акции солидарности на улицах и в онлайн-пространстве и дискуссии о праве женщин на частную жизнь.

Программа была взята на вооружение, адаптирована такими странами, как Бангладеш, Босния и Герцеговина, Бразилия, Германия, Демократическая Республика Конго, Индия, Камбоджа, Канада, Кения, Македония, Мексика, Малайзия, Пакистан, Филиппины, Руанда, Южная Африка, Уганда, Великобритания, Уругвай, США.

Другой проект под названием Everyday Sexism [17], реализованный в виде веб-сайта, существует для того, чтобы рассказать не только о случаях сексуального насилия над женщинами, но о любых случаях их притеснения, происходящих изо дня в день. Это сайт в сети Интернет, где любая женщина может написать свою историю. По историям и отзывам на сайте можно с уверенностью утверждать, что проблема насилия в отношении женщин, проявляющаяся в различных формах, настолько велика, что игнорировать ее просто невозможно.

Все эти многочисленные кампании, проводимые за рубежом, свидетельствуют о том, что проблема насилия в общем и сексуального насилия в частности является очень важной и признается на государственном уровне во многих странах. Не отрицая значимость данной проблемы, правительства стран включили борьбу с данным явлением в свою национальную политику и регулярно обновляют законодательство с целью более эффективной борьбы с насилием.

В Российской Федерации также существуют так называемые кризисные центры, занимающиеся вопросами борьбы с насилием в отношении женщин и детей. Например, «Насилию.нет»; Национальный центр по предотвращению насилия «АННА»; Центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры» и другие. Деятельность центров включает не только психологическую, эмоциональную, юридическую и информацион-

ную помощь женщинам и детям, оказавшимся в кризисных ситуациях, а также и проведение образовательных и просветительских программ с целью изменения общественного мнения о проблеме насилия в отношении женщин.

Однако стоит отметить, что в отличие от кампаний по просветительской работе за рубежом, в России данные мероприятия мало освещены, и узнать о существовании и деятельности центров помощи можно только в случае, когда над женщиной или ребенком уже совершено насилие.

В Российской Федерации по сравнению с зарубежными странами уделяется недостаточно внимания освещению серьезности проблемы сексуального насилия в целом и проведению кампаний по борьбе и профилактике этого явления в частности. Следствием этого является правовая неграмотность населения касательно механизмов защиты граждан и оказания им помощи в случае сексуального насилия. Это является одной из причин того, что на сегодняшний день сексуальные преступления относятся к высоко латентным преступлениям [18, с. 444]. Таким образом, общественным организациям совместно с государственными учреждениями следует проводить более интенсивную просветительскую деятельность граждан.

Повышение уровня информированности преследует несколько целей:

во-первых, способствует пониманию, что насилие в отношении женщин на основании половой принадлежности неприемлемо и вредно, а также информирует о доступных средствах правовой защиты и поощряет сообщения о случаях насилия и вмешательство свидетелей;

во-вторых, позволяет решить проблему стигматизации, которой подвергаются жертвы, пережившие подобное насилие;

в-третьих, разрушает «стереотипы о вине самих пострадавших в насилии, делающих женщин ответственными за собственную безопасность и за насилие, от которого они страдают» [19].

В 2001 г. правительство Франции начало свою первую кампанию по повышению уровня информированности о насилии в отношении женщин под названием «Прервать молчание» после проведения широкомасштабного национального опроса по этому вопросу. С 2006 г. кампании во Франции проводятся ежегодно. Темы кампаний меняются каждый год, и их основные идеи доносятся до общественности через печатные и видеоматериалы в средствах массовой информации, листовки, плакаты, брошюры и веб-сайт, посвященный теме. В рамках этих кампаний рассматриваются различные формы насилия в отношении женщин, рекламируется общенациональная горячая линия, предоставляется информация о защите, за которой жертвы могут обратиться в соответствии с французским законодательством, а также контактные данные специалистов и НПО, оказывающих помощь. Тот факт, что все проводимые во Франции кампании увязаны с национальными планами действий по предотвращению и борьбе с насилием в

отношении женщин, обеспечивает их преемственность из года в год [20].

В Российской Федерации инициативы по повышению уровня информированности реализуются на разовой основе как государственными органами, так и, чаще всего, неправительственными организациями. Так, например, кризисные центры помощи женщинам и детям, а также другие государственные учреждения проводят акции в рамках глобальной кампании «16 дней против насилия», в рамках которой оказывалась поддержка организациям, предоставляющим помощь жертвам насилия [21, с. 23]. Однако устойчивая поддержка (как организационная, так и финансовая), проводимая под руководством правительства, кампаний в масштабах всей страны отсутствует.

Таким образом, с учетом анализа Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, а также зарубежного законодательства в Российской Федерации необходимо разработать национальную стратегию по борьбе с сексуальным насилием. Документ должен включать следующие разделы:

1. Общие положения (цели, сфера действия, основные понятия и правовая основа документа).

2. Комплексная и скоординированная политика (должно быть предусмотрено сотрудничество и взаимодействие всех соответствующих органов,

учреждений и организаций на всех уровнях по борьбе с сексуальным насилием, в том числе и неправительственные организации).

3. Предупреждение (виды, формы и субъекты профилактической деятельности).

4. Организационное и ресурсное обеспечение (должно быть предусмотрено планирование и разработка соответствующих планов и программ по борьбе с сексуальным насилием, контроль и надзор за деятельностью субъектов предупреждения, а также финансовое и материальное обеспечение).

Документ должен иметь четкую направленность против насилия в отношении женщин. Важным моментом является сотрудничество с неправительственными организациями и другими заинтересованными сторонами, имеющими соответствующий опыт, особенно в оказании помощи лицам, пережившим насилие. Используемые при этом изображения и сообщения должны быть тщательно подобраны, поскольку они могут непреднамеренно закрепить стереотипы (например, о том, что женщины заслуживают насилия или провоцируют его).

Как ориентир в преобразовании законодательства Российской Федерации можно использовать осуществляемую политику Франции в области предупреждения сексуального насилия, основанную на взаимодействии государственных органов и неправительственных организаций.

Библиографический список

1. План действий. CM (2005)80 final // Официальный сайт Совета Европы. 2005. URL: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_plan_action_ru.asp#TopOfPage (дата обращения: 06.04.2021).
2. Gender Equality and Anti-Trafficking Division. Final Activity Report // Directorate General of Human Rights and Legal Affairs Council of Europe. 2008. 100 p. URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/Final_Activity_Report.pdf (дата обращения: 06.04.2021).
3. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. CETS № 210 // Официальный сайт Совета Европы. 2011. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 06.04.2021).
4. Новикова И. С. Андрей Кормухин: законопроект «О семейно-бытовом насилии» – дьявол в деталях. 2019. Дата обновления: 03.06.2020. URL: <https://www.pravda.ru/society/1455616-kormuhin/> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Heise L. Violence against women: an integrated, ecological framework // Violence against women. 1998. Vol. 4, № 3, pp. 262–290. DOI: <http://doi.org/10.1177/1077801298004003002>.
6. Hester M., Lilley S. Preventing violence against women: article 12 of the Istanbul convention. A collection of papers on the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence: printed at the Council of Europe, 2014. 52 p.
7. Collection of methods, tools and good practices in the field of domestic violence // European Institute for Gender Equality, 2021. 4 p. URL: <http://eige.europa.eu/sites/default/files/EIGE-GOOD-PRACTICES TRAINING-Domestic Violence.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).
8. Handbook for national action plans on violence against women // United Nations Organization for Gender Equality, 2012. 76 p. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook-for-nap-on-vaw.pdf> (дата обращения: 11.04.2021).
9. Stanley N, Fell B., Miller P., Thomson G., Watson J. Men's talk: research to inform Hull's social marketing initiative on domestic violence. School of Social Work: University of Central Lancashire, 2009. 122 p.
10. This is Abuse campaign: summary report. // Home office, 2015. 12 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/410010/2015-03-08_This_is_Abuse_campaign_summary_report_2_.pdf (дата обращения 12.04.2021).
11. Gadd D. This is Abuse ... or is it? Domestic abuse perpetrators' response to anti-domestic violence publicity // Crime, Media, Culture. 2014. Vol. 10. Issue 1, pp. 3–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1741659013475462>.

12. Sexual Assault Prevention Campaign // Metropolitan Police Department, 2018. URL: <https://mpdc.dc.gov/publication/sexual-assault-prevention-campaign> (дата обращения: 15.04.2021).
13. EU/British Council/RoLAC: Campaign against Sexual, Gender-based Violence // News, 2019. URL: <https://www.vanguardngr.com/2019/11/eu-british-council-rolac-campaign-against-sexual-gender-based-violence> (дата обращения: 10.04.2021).
14. Sexual Assault Awareness Month // National Sexual Violence Resource Center (NSVRC), 2021. URL: <https://www.nsvrc.org/saam> (дата обращения: 10.04.2021).
15. Media and the image of women: Report of the 1st Conference of the Council of Europe Network of National Focal Points on Gender Equality, 2013. 28 p. URL: <https://edoc.coe.int/en/gender-equality/5994-report-of-the-1st-conference-of-the-council-of-europe-network-of-national-focal-points-on-gender-equality.html>.
16. Take control of technology to the end gender-based violence: Take back the tech, 2021. URL: www.takebackthetech.net (дата обращения: 11.04.2021).
17. The everyday sexism: The everyday sexism project, 2012. URL: <http://everydaysexism.com> (дата обращения: 17.04.2021).
18. Гусарова М. В. Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 4. С. 442–447. DOI: <http://doi.org/10.24420/KUI.2019.77.52.005>.
19. Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19 от 26.07.2017 // Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsldCrOIUTvLRFDjh6%2FxlPWAeqJn4T68N1uqnZjLbtFuavNk4TIH7S3xdU4S7zlngqIbpD0ats8RlrbnaBJl3TWoqC9ZC0U1GVw3B2Tc7W3b> (дата обращения: 06.04.2021).
20. Дюбан Э. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации // Новости, 2020. URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/preventing-and-combating-violence-against-women-in-the-russian-federation-a-new-publication-is-available> (дата обращения: 15.04.2021).
21. Доклад Российской Федерации о достигнутых успехах и возникших проблемах в деле осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и итоговых документов 23-й сессии ГА ООН: материалы // Правительство Российской Федерации, 2019. 45 с. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/Gender/Beijing_20/Russian_Federation.pdf.

References

1. Action plan. CM (2005)80 final. Retrieved from the official website of the Council of Europe, 2005. Available at: https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_plan_action_ru.asp#TopOfPage (accessed 06.04.2021) [in Russian].
2. Gender Equality and Anti-Trafficking Division. Final Activity Report. Retrieved from Directorate General of Human Rights and Legal Affairs Council of Europe, 2008, 100 p. Available at: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/Final_Activity_Report.pdf (accessed 06.04.2021).
3. Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence. CETS № 210. Retrieved from the official website of the Council of Europe, 2011. Available at: <https://rm.coe.int/168046253f> (accessed 06.04.2021) [in Russian].
4. Novikova I. S. *Andrei Kormukhin: zakonoproekt «O semeino-bytovom nasilii» – d'yavol v detalyakh* [Andrei Kormukhin: the bill «On family and domestic violence» – the devil is in the details], 2019. Update date: 03.06.2020. Available at: <https://www.pravda.ru/society/1455616-kormuhin> (accessed 10.04.2021) [in Russian].
5. Heise L. Violence against women: an integrated, ecological framework. *Violence against women*, 1998, vol. 4, no. 3, pp. 262–290. DOI: <http://doi.org/10.1177/1077801298004003002>.
6. Hester M., Lilley S. Preventing violence against women: Article 12 of the Istanbul convention. In: *A collection of papers on the Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence: printed at the Council of Europe*, 2014, 52 p. Available at: <https://edoc.coe.int/en/violence-against-women/7140-preventing-violence-against-women-article-12-of-the-istanbul-convention.html>.
7. Collection of methods, tools and good practices in the field of domestic violence. Retrieved from the European Institute for Gender Equality, 2021, 4 p. Available at: <https://eige.europa.eu/about/projects/collection-methods-tools-and-good-practices-field-domestic-violence> (accessed 10.04.2021).
8. Handbook for national action plans on violence against. Retrieved from the official website of the United Nations Organization for Gender Equality, 2012, 76 p. Available at: <https://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook-for-nap-on-vaw.pdf> (accessed 11.04.2021).
9. Stanley N, Fell B., Miller P., Thomson G., Watson J. Men's talk: research to inform Hull's social marketing initiative on domestic violence. School of Social Work: University of Central Lancashire, 2009, 122 p. Available at: http://clou.uclan.ac.uk/2028/1/Men%27s_Talk_full_report_pdf.pdf.
10. This is Abuse campaign: summary report, 2015, 12 p. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/410010/2015-03-08_This_is_Abuse_campaign_summary_

report_2_.pdf (accessed 12.04.2021).

11. Gadd D. This is Abuse ... or is it? Domestic abuse perpetrators' response to anti-domestic violence publicity. *Crime, Media, Culture*, 2014, vol. 10, issue 1, pp. 3–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1741659013475462>.
12. Sexual Assault Prevention Campaign. Retrieved from Metropolitan Police Department, 2018. Available at: <https://mpdc.dc.gov/publication/sexual-assault-prevention-campaign> (accessed 15.04.2021).
13. EU/British Council/RoLAC: Campaign against Sexual, Gender-based Violence. *News*, 2019. Available at: <https://www.vanguardngr.com/2019/11/eu-british-council-rolac-campaign-against-sexual-gender-based-violence> (accessed 10.04.2021).
14. Sexual Assault Awareness Month. Retrieved from National Sexual Violence Resource Center (NSVRC), 2021. Available at: <https://www.nsvrc.org/saam> (accessed 11.04.2021).
15. Media and the image of women: Report of the 1st Conference of the Council of Europe Network of National Focal Points on Gender Equality, 2013, 28 p. Available at: <https://edoc.coe.int/en/gender-equality/5994-report-of-the-1st-conference-of-the-council-of-europe-network-of-national-focal-points-on-gender-equality.html>.
16. Take control of technology to the end gender-based violence: Take back the tech, 2021. Available at: www.takebackthetech.net (accessed 11.04.2021).
17. The everyday sexism: The everyday sexism project, 2012. Available at: <http://everydaysexism.com> (accessed 17.04.2021).
18. Gusarova M. V. *Prestupleniya seksual'noi napravlenosti kak vid latentnoi prestupnosti (faktory formirovaniya i puti minimizatsii)* [Sexual assault as latent delinquency: formation and ways of minimization]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia], 2019, vol. 10, no. 4, pp. 442–447. DOI: <http://doi.org/10.24420/KUI.2019.77.52.005> [in Russian].
19. *Obshchaya rekomendatsiya № 35 o gendernom nasilii v otnoshenii zhenshchin, prednaznachennaya dlya obnovleniya obshchei rekomendatsii № 19 ot 26.07.2017* [General recommendation № 35 on gender-based violence against women, intended to update general recommendation № 19 dated 26.07.2017]. *Committee on the Elimination of Discrimination against Women*. Available at: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler>.
20. Dyuban E. *Issledovanie po voprosam predotvrashcheniya i bor'by s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem, v tom chisle v situatsiyakh sotsial'nogo neblagopoluchiya, v Rossiiskoi Federatsii* [Research on preventing and combating violence against women and domestic violence, including in situations of social disadvantage, in the Russian Federation]. *News*, 2020. Available at: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/-/preventing-and-combating-violence-against-women-in-the-russian-federation-a-new-publication-is-available> (accessed 15.04.2021) [in Russian].
21. *Doklad Rossiiskoi Federatsii o dostignutykh uspekhakh i voznikshikh problemakh v dele osushchestvleniya Pekinskoi deklaratsii i Platformy deistvii i itogovykh dokumentov 23-i spetssessii GA OON: materialy* [Report of the Russian Federation on the achievements and problems encountered in the implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the outcome documents of the 23rd special session of the UN General Assembly: materials]. Retrieved from the official website of the Government of the Russian Federation, 2019, 45 p. Available at: https://unece.org/fileadmin/DAM/Gender/Beijing_20/Russian_Federation.pdf [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-125-129

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.16

Дата поступления: 02.10.2021
рецензирования: 18.11.2021
принятия: 21.03.2022

Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде

К. А. Талалаев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: talalaev.k@ya.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию дискуссионного института отказа государственного обвинителя от обвинения в суде. Автор считает, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в части в результате отказа государственного обвинителя от обвинения нарушает права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Автор статьи полагает, что позиция Конституционного суда РФ, изложенная в постановлениях КС от 20.04.1999 № 7-П, 08.12.2003 № 18-П, придает положениям комментируемого института не заложенное в них содержание, что нарушает конституционные права потерпевшего. Для разрешения возникшей коллизии сформулировано предложение о вынесении оправдательного приговора в случаях, если государственный обвинитель в ходе судебного разбирательства придет к выводу об отсутствии события преступления, состава преступления или непричастности обвиняемого, что позволит потерпевшему в полной мере реализовать свои права на обжалование такого решения суда по всем основаниям, предусмотренным в порядке ст. 389.15 УПК РФ. Для реализации указанного и других нововведений, изложенных в статье, предложено внести необходимые изменения в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: уголовный процесс; обвинение; уголовное преследование; государственный обвинитель; отказ от обвинения; оправдательный приговор; прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Цитирование. Отказ от обвинения и прекращение уголовного дела в суде // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-125-129>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Талалаев К. А., 2022

Кирилл Андреевич Талалаев – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 02.10.2021
Revised: 18.11.2021
Accepted: 21.03.2022

Dismissal of prosecution and termination of criminal case in court

K. A. Talalaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: talalaev.k@ya.ru

Abstract: The article analyzes the institution of the dismissal of prosecution in court. The author of the article believes that this legal institution violates the victim's rights to access to justice and compensation for damage caused. The position of the Constitutional Court of the Russian Federation, set out in the Resolution of the Constitutional Court as of April 20, 1999 № 7-P, 08.12.2003, № 18-P gives the provisions of the commented institution the content that is not included in them. The author of the article invites the court to pass an acquittal. The victim will be able to appeal against the defamatory sentence on all grounds of Article 389.15 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author of the article suggests making the necessary changes to the criminal procedure law.

Key words: criminal procedure; prosecution; prosecutor; dismissal of prosecution; acquittal; desistance of a criminal case or criminal prosecution.

Citation. Talalaev K. A. *Otkaz ot obvineniya i prekrashchenie ugovornogo dela v sude* [Dismissal of prosecution and termination of criminal case]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 125–129. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-1-125-129> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Talalaev K. A., 2022

Kirill A. Talalaev – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Из принципа состязательности и положений ст. 237, 239, 246 УПК РФ следует, что в случае возникновения в ходе судебного разбирательства у государственного обвинителя убеждения в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, данный участник процесса обладает правом отказаться от обвинения с изложением мотивов такого отказа. Государственный обвинитель может отказаться от обвинения полностью или в части. К. Амирбеков верно отмечает, что полный отказ от обвинения, являющийся на практике исключительно редким явлением, чаще всего связан с односторонностью, халатным и ненадлежащим проведением предварительного расследования. Частичный отказ от обвинения зачастую обусловлен тем, что органы предварительного следствия квалифицируют деяние обвиняемого в большем объеме, с «запасом» [1]. Отказ от обвинения влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в части.

Научная классификация оснований для отказа от государственного обвинения приводится в работе В. М. Бозрова, Е. В. Поповой. Как представляется, данная классификация имеет и важное практическое значение. Основания для отказа от государственного обвинения подразделяются на: 1) реабилитирующие и нереабилитирующие; 2) обязывающие прокурора отказаться от обвинения, предоставляющие право отказаться от обвинения, исключающие предпосылки для обвинительной деятельности [2].

Для правильной оценки института отказа прокурора от обвинения необходимо учитывать позицию Конституционного Суда РФ, которая выражена в двух постановлениях. В постановлении КС РФ от 20.04.1999 № 7-П Конституционный Суд РФ признал обязанность суда продолжить разбирательство дела после отказа прокурора от обвинения и разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого, фактически возложив на суд функцию поддержания обвинения, что недопустимо. В случаях отказа государственного обвинителя от обвинения должны выноситься оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела.

В постановлении КС РФ от 08.12.2003 № 18-П Конституционный Суд еще раз отметил, поскольку закон требует указания мотивов принятого решения, предполагается и возможность уполномоченных субъектов уголовного процесса проверить эти решения. В этой связи полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства должен быть мотивированным, со ссылками на конкретные пункты ст.с 24 или 27 УПК РФ. Конституционный Суд РФ также указал, что отказ прокурора от обвинения должен заявляться именно в ходе прений сторон, по завершении исследования значимых для дела доказательств и заслушивания участников со стороны обвинения и защиты.

Считаем, что обоснованный и мотивированный отказ государственного обвинителя от обвинения или его части говорит о правильном и ответственном понимании прокурором своих функций в судебном разбирательстве.

Тем не менее при отказе прокурора от обвинения фактически исчезает движущая сила, вектор уголовного судопроизводства. Потерпевший как физическое лицо лишен возможности самостоятельно поддерживать обвинение против подсудимого [3, с. 14–18; 4, с. 58]. В литературе также высказана позиция о том, что «связанность» суда позицией прокурора, отказавшегося от обвинения, нарушает принцип независимости судей [5; 6].

В случае отказа от поддержания государственного обвинения потерпевший автоматически лишается права на изложение суду своих доводов о доказанности обвинения, а это можно рассматривать как нарушение права последнего на доступ к правосудию. В соответствии со ст. 25 Конституции РФ государство должно обеспечить потерпевшему право на доступ к правосудию и право на компенсацию причиненного ущерба.

Аналогичные проблемы возникают при изменении прокурором в суде обвинения на менее тяжкое. Так, например, при переквалификации действий подсудимого с п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ на ч. 1 ст. 112 УК РФ (в случае неподтверждения использования оружия или предмета в качестве оружия при совершении преступления) меняется и категория тяжести совершенного преступления. При обстоятельствах, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, потерпевший мог бы рассчитывать на большую компенсацию морального вреда, но в связи с изменением квалификации действий подсудимого государственным обвинителем лишается такого права.

Существует мнение в науке, согласно которому потерпевший как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения при отказе государственного обвинителя от обвинения должен быть наделен полномочиями обвинителя и продолжить судебное разбирательство в отсутствие прокурора.

Представляется, что возможность самостоятельного поддержания обвинения потерпевшим также поставит под сомнение состязательность и равное положение сторон. Так, государственный обвинитель – профессиональный юрист, обладающий специальными знаниями в области юриспруденции. Подсудимому в противовес государственному обвинителю предоставлен защитник-адвокат, также обладающий высшим юридическим образованием. Потерпевшему же защитник от государства не предоставляется, а возможность нанять адвоката может быть не у каждого потерпевшего.

Юридическая неграмотность, невозможность совмещения участия в судебных заседаниях и основного места работы/учебы выступают основными проблемами самостоятельного участия потерпевшего в поддержании обвинения.

Определенно указанная модель уголовно-процессуальной нормы не найдет эффективного использования в практической деятельности, а, напротив, усугубит положение участников уголовного судопроизводства.

Проблема контроля, надзора или проверки принятия государственным обвинителем решения об отказе от обвинения законодательно не урегулирована. Ни вышестоящий прокурор, ни суд не вправе противостоять позиции государственного обвинителя. Если в процессе судебного разбирательства позиция прокурора и содержание обвинительного заключения расходятся, он обязан поставить об этом в известность прокурора, утвердившего данное заключение, и вместе с ним принять меры, которые будут обеспечивать законность и обоснованность обвинения. Прокурору, утвердившему обвинительное заключение (акт, постановление) по делу, по которому государственный обвинитель отказался от обвинения, остается лишь обжаловать постановление суда о прекращении производства по делу в апелляционном порядке.

Порядок отказа государственного обвинителя предусмотрен только в приказах Генерального прокурора РФ. Однако приказ Генерального прокурора РФ не может противоречить УПК РФ, а следовательно, не может регулировать порядок, например, обжалования, отказа государственного обвинителя от обвинения. Потерпевший, лишаясь прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения в суде, лишается также и права на обжалование такого решения.

В данном случае приказ Генерального прокурора вступает в противоречие со ст. 71 Конституции РФ, ст. 1 УПК РФ. Ведомственные акты не могут создавать новые нормы уголовно-процессуального закона, они имеют исключительно технический характер [7, с. 880–886].

Таким образом, институт отказа государственного обвинителя от обвинения является слабым местом уголовно-процессуального законодательства, поскольку норма отказа от обвинения противоречит иным нормам уголовно-процессуального законодательства.

Для преодоления указанной проблемы в научной литературе высказываются разные предложения. В частности, предлагается поставить отказ прокурора от обвинения под контроль суда [8]. Также предлагается закрепить в УК РФ норму, предусматривающую уголовную ответственность прокурора за незаконное освобождение подсудимого от уголовной ответственности путем отказа от обвинения [9, с. 49–50].

Представители процессуальной школы МГУ им. М. В. Ломоносова считают, что причиной путаницы, возникшей с институтом отказа прокурора от обвинения, следует признать множественность теоретических конструкций (континентальной или англосаксонской), на которых основан данный институт [7, с. 880–886]. Полномочие прокурора отказываться от обвинения известно и дореволюционному, и советскому законодателю (ст. 740 УУС, ст. 248 УПК

РСФСР 1960 г.). Российский законодатель отказ от поддержания обвинения считал обязанностью государственного обвинителя, закономерной реализацией идей континентальной правовой модели.

Представляется, что позиция Конституционного суда РФ, изложенная в постановлениях от 20.04.1999 № 7-П, 08.12.2003 № 18-П, придает комментируемым положениям УПК РФ не заложенное в них содержание, что в конечном счете нарушает конституционные права потерпевшего на доступ к правосудию и его право на компенсацию причиненного ущерба. Косвенным подтверждением правильности этого вывода является отсутствие в ст. 239 УПК РФ положений, разрешающих прекращать по реабилитирующим основаниям уголовное дело на стадии подготовки к судебному заседанию [10].

Как представляется, разрешить возникшую коллизию позволит вынесение оправдательного приговора в случаях, если государственный обвинитель в ходе судебного разбирательства придет к выводу об отсутствии события преступления, состава преступления или непричастности обвиняемого. В оправдательном приговоре содержится вывод суда о невиновности, тогда как прекращение уголовного дела оставляет вопрос о виновности подсудимого открытым, кроме того, основания прекращения уголовного дела в судебном заседании исключают возможность дальнейшего обсуждения и решения вопроса о виновности или невиновности подсудимого.

Важно отметить, что именно такое решение сложившейся проблемы предусматривалось в первоначальном проекте УПК РФ 2001 г., однако в окончательной редакции от этого предложения отказались, поскольку оно было подвергнуто критике. В частности, критиковала такое предложение профессор Э. Ф. Куцева. Профессор отмечала, что в случаях, когда суд, который провел судебное следствие, ознакомился со всеми доказательствами по делу и убедился в том, что подсудимый виновен, он будет вынужден выносить оправдательный приговор, если прокурор откажется от обвинения. Данное положение проекта УПК РФ, по мнению Э. Ф. Куцевой, грубо нарушало принцип независимости суда. Цитируемым автором было выдвинуто предложение не выносить оправдательный приговор в обсуждаемой ситуации, а прекращать уголовное дело. Позднее это положение и было закреплено в УПК РФ [11].

Представляется, что в случаях частичного отказа государственного обвинителя от обвинения суд должен выносить несколько решений – постановление о прекращении уголовного преследования, а по оставшемуся обвинению – приговор [10].

Вынесение оправдательного приговора судом при полном отказе государственного обвинителя от обвинения позволит потерпевшему в полной мере реализовать свои права на обжалование такого решения суда по всем основаниям, предусмотренным ст. 389.15 УПК РФ. Тогда как проверка постановления о прекращении уголовного дела,

вынесенного в результате отказа государственного обвинителя от обвинения, допускается лишь на предмет его законности.

Для реализации указанных предложений в уголовно-процессуальный закон (ст. 237 и 246) должны быть внесены соответствующие изменения.

Библиографический список

1. Амирбеков К. Развитие обвинительной функции прокуратуры России в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Законность. 2015. № 6 (933). С. 64–67. URL: <https://center-bereg.ru/j724.html>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17882519> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Бозров В. М., Попова Е. В. Отказ прокурора от обвинения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 6 (114). С. 46–52. DOI: <http://doi.org/10.34076/2410-2709-6-46-52>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibeeji>.
3. Лазарева В. А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 14–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18194589>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/63491-obvinitelnaya-vlast-ponyatie-subekty-formy-realizacii>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pidysv>.
4. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. Москва: Юрайт. 2014. 295 с. URL: <https://urait.ru/bcode/380235>.
5. Осипова А. В. Проблемные вопросы участие прокурора в уголовном процессе // Молодой ученый. 2016. № 18 (122). С. 356–358. URL: <https://moluch.ru/archive/122/33647> (дата обращения: 10.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26699710>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmhadf>.
6. Тугутов Б. А., Прушинский Д. И. Классификация полномочий прокурора в суде по уголовным делам // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 86–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-polnomochiy-prokurora-v-sude-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 15.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39820114>. EDN: <https://www.elibrary.ru/umqsuq>.
7. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. 1280 с. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/golovko_kurs_ugolovnogo_processa/.
8. Амирбеков К. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 12. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5926> (дата обращения: 29.09.2021).
9. Холоденко В. Д. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 49–50.
10. Лавнов М. А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 204–208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-model-otkaza-prokurora-ot-obvneniya-i-perspektivy-ee-sovshenstvovaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-protssesse> (дата обращения: 29.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22011196>. EDN: <https://www.elibrary.ru/snrlpk>.
11. Балакшин В. С., Спиринов А. В. Институт отказа государственного обвинителя от обвинения: поиск путей реформирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 9–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-otkaza-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-obvneniya-poisk-putey-reformirovaniya> (дата обращения: 15.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44610169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/anglgk>.

References

1. Amirbekov K. *Razvitie obvinitel'noi funktsii prokuratury Rossii v sudebnykh stadiyakh ugolovnoho sudoproizvodstva* [Development of prosecuting powers of the Russian public prosecution service in court stages in criminal proceedings]. *Zakonnost'*, 2012, no. 6 (933), pp. 64–67. Available at: <https://center-bereg.ru/j724.html>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17882519> (accessed 29.09.2021) [in Russian].
2. Bozrov V. M., Popova E. V. *Otkaz prokurora ot obvneniya* [Public prosecutor's waiver of prosecution]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law: Education, Practice, Researches], 2019, no. 6 (114), pp. 46–52. DOI: <http://doi.org/10.34076/2410-2709-6-46-52>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibeeji> [in Russian].
3. Lazareva V. A. *Obvinitel'naya vlast': ponyatie, sub"ekty, formy realizatsii* [Accusatory power: concept, subjects, forms of implementation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2012, no. 1, pp. 14–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18194589>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/63491-obvinitelnaya-vlast-ponyatie-subekty-formy-realizacii>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pidysv> [in Russian].
4. Lazareva V. A. *Prokuror v ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie* [Prosecutor in criminal proceedings: textbook]. Moscow: Yurait, 2014, 295 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/380235> [in Russian].
5. Osipova A. V. *Problemnye voprosy uchastie prokurora v ugolovnom protsesse* [Problematic issues of the participation of the prosecutor in the criminal process]. *Molodoi uchenyi*, 2016, no. 18 (122), pp. 356–358. Available at: <https://moluch.ru/archive/122/33647> (accessed 10.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26699710>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wmhadf> [in Russian].
6. Tugutov B. A., Prushinskiy D. I. *Klassifikatsiya polnomochii prokurora v sude po ugolovnym delam* [Classification of the prosecutor's powers in criminal court]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2019, no. 3 (86), pp. 86–91. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-polnomochiy-prokurora-v-sude-po-ugolovnym>

delam (accessed 15.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39820114>. EDN: <https://www.elibrary.ru/umqsuq> [in Russian].

7. *Kurs ugovnogo protsessa. Pod red. d. yu. n., prof. L. V. Golovko. 2-e izd., ispr.* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal trial. 2nd edition, revised]. Moscow: Statut, 2017, 1280 p. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/golovko_kurs_ugolvnogo_protsessa [in Russian].

8. Amirbekov K. *Otkaz prokurora ot obvineniya* [Prosecutor's refusal to charge]. *Zakonnost'*, 2001, no. 12. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/5926> (accessed 29.09.2021) [in Russian].

9. Kholodenko V. D. *Uchet mneniya poterpevshego i ego predstavatelya pri izmenenii obvineniya prokurorom v stadii sudebnogo razbiratel'stva* [Taking into account the opinion of the victim and his representative when changing the prosecution by the prosecutor at the trial stage]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2002, no. 3, pp. 49–50. [in Russian].

10. Lavnov M. A. *Sovremennaya model' otkaza prokurora ot obvineniya i perspektivy ee sovershenstvovaniya v rossiyskom ugovnom processe* [Modern model of dropped charge and the prospects for improvement in the Russian criminal procedure]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2013, no. 6 (95), pp. 204–208. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-model-otkaza-prokurora-ot-obvineniya-i-perspektivy-ee-sovershenstvovaniya-v-rossiyskom-ugolvnom-protsesse> (accessed 29.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22011196>. EDN: <https://www.elibrary.ru/snrlkp> [in Russian].

11. Balakshin V. S., Spirin A. V. *Institut otkaza gosudarstvennogo obvinitelya ot obvineniya: poisk putei reformirovaniya* [Institute of Public Prosecutor's Rejection of Prosecution: Finding Ways to Reform]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia], 2020, no. 4, pp. 9–17. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-otkaza-gosudarstvennogo-obvinitelya-ot-obvineniya-poisk-putey-reformirovaniya> (accessed 15.09.2021); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44610169>. EDN: <https://www.elibrary.ru/anglgk> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2022

рецензирования: XX.XX.2022

принятия: XX.XX.2022

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2022**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2022

Revised: XX.XX.2022

Accepted: XX.XX.2022

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, Vol. 8, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V.V., 2022**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)